

с. 21

КОСТЁР

8 АВГУСТ 1975

КОСТЁР

8
АВГУСТ
1975

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В.И. Ленина
Союза писателей СССР
Издается с 1936 года
© „Костёр“, 1975 г.

В Артеке, на теплом морском берегу, вздымаются тысячи рук — это приветствуют друг друга победители смотров, конкурсов и соревнований из всех республик и областей. Целый год пионерия страны шла деловым и торжественным маршем под девизом «Салют, Победа!».

Что такое Победа? Это прежде всего те, кто верил в наш сегодняшний день и отдал за него жизнь.

Цветы и кусты, высаженные у обелисков, раскрытые имена прежде безымянных могил, «красная звезда Тимура» на доме, в который не вернулся солдат, добрые слова, сказанные матерям и вдовам, — наша дань памяти о павших героях. Горько, но работы нам выпало много, так много, что, может быть, только сей-

САЛЮТ, ПОБЕДА!

Мы, дети защищенного вами мира, знаем о войне только по вашим рассказам, книгам, фильмам. И мы благодарны нашей родной Коммунистической партии за великую программу мира на Земле. Мы благодарны Родине, советскому народу за наше главное право — право счастливо жить и учиться, чтобы вырасти вашей достойной сменой.

Нас 25 миллионов. Мы юные ленинцы.

час мы и осознали, какая цена заплачена за право счастливо учиться, работать и жить.

Мы отдаем салют и произносим, чуть-чуть приглушив голоса: «Салют, Победа!»

Что такое Победа? Это пример того, как весь советский народ, от пионера до ветерана, в час опасности для своей Родины встал в один строй.

В Брестской крепости или у костра на месте партизанского лагеря, в боевых порядках игры «Зарница» или на встрече с героем войны мы учимся быть верными своему долгу, мы впитываем в себя мужество, умение и отвагу. Ведь главное, чтобы Родина была уверена, что есть ее кому защитить.

И, обещая это, мы поднимаем салют и твердо провозглашаем: «Салют, Победа!»

Что такое Победа? Это жизнь без войны. Это мир, который мы приняли из пропахнувших порохом рук победителей, чтобы беречь его и передать следующим поколениям. Тридцать лет мира не дались даром. За каждый мирный день было положено много труда.

Мы ненавидим фашизм во всех его проявлениях, потому что фашизм — это война. Мы говорим детям всего мира: давайте дружить! Давайте вместе беречь мир! Пусть никогда больше не услышат люди горького дыма войны!

И как согласие, как пароль единомышленников, на разных языках звучат в Артеке слова: «Салют, Победа!»

В. АРРО, писатель
Фото В. Арсирия и Б. Черемисина

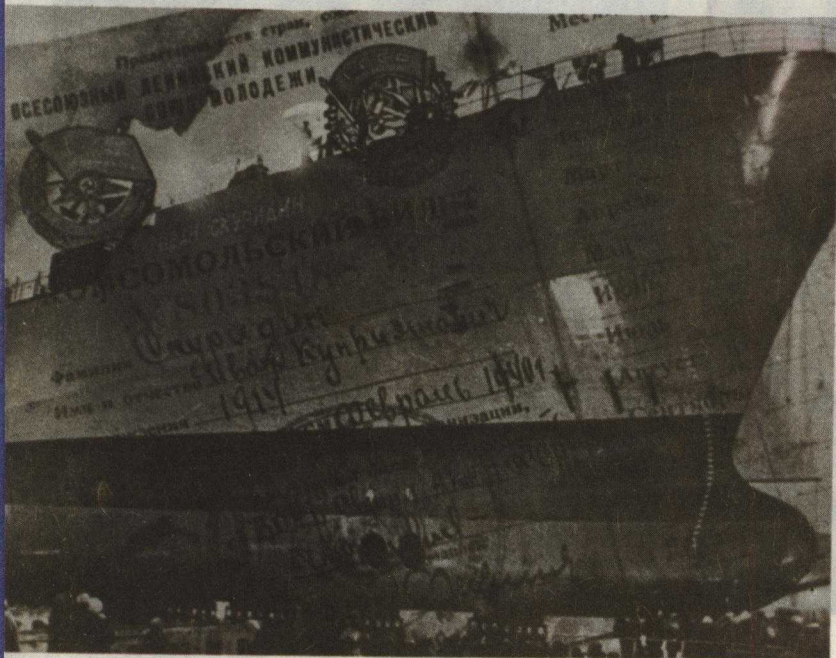
ОКНО
ПЯТИЛЕТКИ

ТЕПЛОХОД „ИВАН СКУРИДИН“

ПОЧЕМУ ЭТОМУ ТЕПЛОХОДУ ПРИСВОЕНО
ИМЯ «ИВАН СКУРИДИН»?

КАК СТРОИЛИ НОВЫЙ КОРАБЛЬ?

РАССКАЗЫВАЕТ СЕРГЕЙ КЛИМОВСКИЙ,
ЗАМЕСТИТЕЛЬ СЕКРЕТАРЯ КОМИТЕТА ВЛКСМ
ЛЕНИНГРАДСКОГО СУДОСТРОИТЕЛЬНОГО
ЗАВОДА ИМЕНИ ЖДАНОВА.

Обыкновенно, корабли, когда их еще только закладывают на стапеле, начинают свою жизнь безымянными. Так было и на этот раз. Мы знали только номер заказа.

Потом из Министерства морского флота сообщили имя теплохода — «Иван Скуридин». И сразу же, буквально через несколько часов, раздался телефонный звонок: «Говорит бывший комиссар полка, в котором служил Скуридин. Сегодня красные следопыты мне сказали, что вы будете строить корабль его имени. Это верно! Хочу встретиться с вашими комсомольцами».

Встреча состоялась. Свое выступление Даниил Васильевич Воронков закончил словами: «Сходите в Музей истории Ленинграда. Посмотрите на залитый кровью комсомольский билет Скуридина».

Наши ребята поняли выступление Воронкова так: корабль надо построить досрочно!

Отлично работала бригада Геннадия Морозова. В бригаде было четверо рабочих: Василий Шангин, Виктор Иванов, Александр Яковенко и сам Морозов. Герою Советского Союза Ивану Куприяновичу Скуридину был тоже выписан табельный номер, и комсомольцы работали за пятерых.

А из далекого Мокинска — родины героя — и из города Ломоносова каждую неделю звонили пионеры: «Когда спуск!»

Наконец все было готово. По доброй морской традиции при спуске нового корабля предполагается разбить бутылку шампанского. Это делает хозяйка торжества, которую выбирают из числа лучших работников. На этот раз хозяйкой была племянница героя, Таня Скуридина — красный следопыт Мокинского Дома пионеров.

Фото Б. Червякова

ЮНГАЧЕКА

ПОВЕСТЬ

Александр ВАРШАВЕР

Рисунки Ю. Шабанова

— Костю-маленького не видели? — спрашивал, заглядывая в кабинет, секретарь губернского ГПУ.

Кто-то из сотрудников сказал, что видел на третьем этаже около архива. Здесь и нашел его секретарь. В закутке между двумя шкафами, стоявшими в конце полутемного коридора, на дряхлом кресле спал худенький черноволосый подросток, с виду лет тринадцати. Был он одет в красноармейскую форму, босой. Рядом с креслом стояли сапоги. Чекист постоял, жалючи вздохнул:

— Подремать не дадут! Ведь всю ночь...

А за полчаса до поисков Кости был разговор в кабинете председателя ГПУ. За большим письменным столом сидели: сам председатель — Ян Вольдемарович Лембер, начальник отдела борьбы с бандитизмом, широкоплечий бородач Бардин и гость, курчавый, пышноволосый военный с веселыми озорными глазами — чекист из соседнего города.

Приезжий просил по-соседски оказать помощь в одном, как он сказал, «тонком» деле, требующем опытного человека, осторожного, смелого и находчивого.

— Разве у вас таких нет? — удивленно спросил председатель. — Я ваших орлов знаю!

— Есть взрослые орлы, — усмехнулся приезжий, — а нужен малолетний орленок.

Под видом беспризорника, бежавшего из детдома, он должен будет прибыть в город, стать «своим» среди мелких воришек и завести знакомство с преступным людом. Только

таким образом возможно проникнуть в окружение опасного бандита по кличке Филин, разведать, где его логово, и обезвредить. Известно о бандите было очень мало. Высок ростом, густая черная борода и усы. Разыскать человека по таким приметам в городе с трехсоттысячным населением невозможно. Филин осторожен, сам в преступлениях не участвует, а только руководит «работающими» на него малолетками. Чекисты и работники уголовного розыска считают, что таких «работников» у Филина не менее двух десятков. На счету этого «треста», как называли банду, были десятки ограблений, вооруженные налеты и несколько убийств. Дисциплина в банде суровая. Атаман отбирал награбленное себе и жестоко избивал в случае утайки или неповиновения. Задержанные малолетние преступники своего «наставника» не выдавали. Они заявляли, что кто он и где живет, не знают. Встречались с ним по ночам, каждый раз в новом месте и всегда он закрывал лицо. При каждой встрече предупреждал: «Смотрите, что про меня пикнете — смерть! За семью замками найду!»

— Вот если бы вы, — приезжий посмотрел на председателя ГПУ, — смогли направить к нам временно своего хлопца, того, что в прошлом году отличился... Большую бы нам помощь оказали! Вся надежда на вас!

Бардин поджал губы и неодобрительно покачал головой.

— Косте надо отдохнуть, совсем замо-

тался парень. Зима, сами знаете, была напряженной, а тут опять в пекло. Да и забываем мы, что Косте всего четырнадцать лет.

— Что говорить, — заметил приехавший, — дело, конечно, опасное, но мы постараемся вашего парня обезопасить, прикрыть...

Бардин усмехнулся, пожал плечами.

— «Прикрыть», «обезопасить»! Не такой Костя парень, что даст себя опекать.

— И то верно, — согласился председатель и распорядился найти Костю-маленького.

✱

Костя-маленький работал уже два года, выполняя серьезные, порой опасные задания, наравне со взрослыми чекистами. А попал он на работу в ЧК так.

Зимним днем в двадцатом году Бардин привел в кабинет председателя ЧК заморенного подростка, не старше десяти лет, одетого в серую гимназическую шинель с прожженной полкой и в большие разношенные валенки. Он растерянно топтался на месте, пытался улыбнуться и от смущения вертел в руках облезлую меховую шапку.

— Ян Вольдемарович, — обратился Бардин к предчека. — Это мой земляк Костя Горлов, о котором я тебе говорил. Парень грамотный, только вот... ростом чуть не вышел.

Предчека через стол протянул руку Косте. — Садись, Горлов, потолкуем!

Он задал Косте несколько вопросов, потом посмотрел на Бардина и чуть заметно кивнул головой на дверь. Кирилл Митрофанович попросил Костю выйти в коридор и подождать.

Когда за ним закрылась дверь, предчека недовольно заговорил:

— Смотрю на тебя, Кира, и дивлюсь. Вроде мужик умный, а предлагаешь... Как можно к нам на работу взять ребенка, да еще в твой отдел?

Чекисты долго разговаривали. Из-за двери до Кости доносились громкие голоса, но слова было не разобрать. Наконец из кабинета предчека вышел Бардин и, отдуваясь, сказал:

— Охо-хо! Даже борода вспотела! Уладилось, палка-махалка! Будешь получать, как все, паек, обмундирование, а жить по-прежнему со мной... Добро?

Так Костя, прозванный маленьким, в отличие от Кости-большого — коменданта ЧК и Кости-толстого — начфина, стал работать в отделе по борьбе с бандитизмом.

Познакомился с ним Бардин в Доме Советов, где жили Костя с матерью, фельдшерницей санитарного поезда, прибывшего несколько месяцев назад из Петрограда и здесь расформированного. Костин отец, командир-артиллерист, был убит в восемнадцатом году в бою с белогвардейцами на Дону. Мать стала работать в местной больнице, а Костя поступил в седьмой класс трудовой школы.

Занимались они с матерью маленькую комнату-мансарду с подслеповатым окном, наполовину заколоченным фанерой. В ней стояли: продавленная раскладушка, два табурета и невеста как попавший сюда огромный ящик, набитый книгами по геологии. Днем ящик служил столом, а ночью — кроватью для Кости.

В первом этаже жили несколько чекистов, а в числе их бывший моряк-балтиец Кирилл Бардин.

Он не был в Петрограде с 1917 года и очень интересовался новостями, а Костя, как и все мальчишки его возраста, знал о событиях последних лет очень много. Он рассказывал Бардину, как линкоры «Петропавловск» и «Андрей Первозванный» летом 1919 года огнем своих пушек подавили мятежные форты «Серая Лошадь» и «Красная Горка», а линкор «Севастополь» и несколько миноносцев, стоявшие в торговом порту и на Неве у села Рыбацкого, били по войскам Юденича. Костя подробно рассказывал Бардину, где проходила линия обороны города, называя места, где были сооружены уличные баррикады и, что больше всего интересовало балтийца, какие «коробки» прикрывали подступы к невским мостам. Обычно они беседовали по вечерам, когда Бардин бывал дома. Костя приходил в его комнату, они вместе топили дымившую «буржуйку» и варили на ней в солдатском котелке густую перловую кашу, носившую название «шрапнель». Костя считал, что более вкусной еды, чем это клейкое подгорелое варево, чуть одобренное конопляным маслом, ему никогда есть не приходилось. Чекист держал себя с подростком на равных, и постепенно между ними возникла крепкая товарищеская дружба.

В конце зимы Костя с матерью заболели сыпным тифом. Мать умерла, а Костя выздоровел. Бардин привез его из больницы в свою комнату и окружил братской заботой. Когда через несколько недель Костя окреп и стал ходить в школу, Бардин решил устроить его на работу, считая, что там парень будет меньше чувствовать свое сиротство.

До конца учебного года Костя аккуратно посещал школу, а в ЧК работал по вечерам не более трех часов в день; поначалу он выполнял разные мелкие поручения Бардина и сотрудииков, потом ему доверили дежурство у телефона и ведение нескольких канцелярских дел. Мальчик был разбитной, смекалистый, правдивый. Постепенно ему стали поручать серьезные задания. Здесь он проявил незаурядную находчивость и храбрость. С тех пор прошло немного более двух лет, и сейчас на его счету было несколько серьезных операций.

✱

— Вызывали, товарищ Лембер? — спросил Костя, открывая дверь.

— Вызывал, товарищ Горлов, — назвал его

по фамилии председатель, тем самым подчеркивая серьезность вызова. — Садись!

Костя присел у стола.

— Хотим тебя, товарищ Горлов, командировать в помощь нашим соседям.

— Когда и куда ехать? — вскочил Костя.

— Сиди, сиди! Чего заволновался! Ты сначала послушай, — Лембер посмотрел на при-

езжего и подмигнул ему. Мол, видал какой? И, обращаясь к Косте, сказал: — Командировка не к тетке на вареники с вишнями, а на серьезное, опасное дело. Может, тебе оно и не глянется.

— Я, товарищ председатель, — обиженно сказал мальчик, — еще никогда не отказывался.

Чекисты заулыбались, а Бардин кивнул головой.

— Правильно, Костя! Не было еще такого случая!

— Ну, ну, обиделись! — успокоил их председатель. — Вот, познакомься с товарищем Найдичем, а зовут его...

— Лазарь Афанасьевич, — подсказал приезжий, — для друзей просто Лазарь, а то еще Рыжий Лазарь.

Найдич вместе с Бардиным стали готовить Костю в «беспризорники». Найдищ подробно рассказал Косте то небольшое, что было известно чекистам о Филине.

— Судя по всему, — считал Найдищ, — он из «бывших». Может, белогвардейский офицер, а может быть, из буржуйских сынков. Одевается чисто, ходит в перчатках и всегда надушен. Один шкет рассказывал, когда беспризорники ограбили на рынке старую барыню и принесли добычу, Филин ни на что не обратил внимания, а схватил флакон с духами.

Еще было известно, что Филин носит бамбуковую тросточку со свинцовой начинкой. Ею он наказывает за любую провинность, а случилось, что ударом по голове убивал непокорного на глазах остальных членов «треста».

✱

Чекисты составили для Кости несколько легенд, но в конце концов остановились на том, что лучше ничего не менять в его настоящей биографии, а только добавить, что после смерти родителей в Петрограде он попал в детский дом, откуда прошлой осенью бежал и добрался до Харькова. Здесь он заболел тифом, а когда выздоровел и стал добывать пропитание, его забрала милиция, но он снова бежал, на этот раз из железнодорожного детского приютника.

Его болезнь и лечение в больнице подтверждалось изготовленной чекистами засаленной справкой на имя четырнадцатилетнего Константина Носова.

— Был ты Костя Горлов — теперь будешь Носов, — сказал Найдищ.

Он привез подробный план своего города и заставил Костю тщательно его изучить. На этом плане были нанесены разведанные Угрозиском воровские притоны, места, где скупали краденое и где ютились беспризорники. Там же были отмечены проходные дворы, и Костя практиковался в выборе маршрута на случай, если за ним будет погоня.

Найдич указал ему способы и места, куда нужно доставлять донесения, обычные и срочные.

На всю эту «науку» Костя потратил неделю, после чего его проэкзаменовали Бардин, Найдищ и второй чекист, приехавший в помощь Найдищу. Оставалось подобрать соответствующий костюм.

✱

Задолго до общей посадки к мягкому вагону, прицепленному в хвосте состава, подошли Бардин, Найдищ и второй приезжий чекист. Они несли большой тяжелый брезентовый тюк и осторожно положили его около задней площадки вагона. Бардин вошел в вагон. Через несколько минут проводник открыл задний тамбур и Найдищ с помощником внесли тюк и тотчас закрыли дверь.

— Как ты там, беспризорник? Жив, не задохнулся? — спросил Бардин, присев на корточки около тюка.

— Душновато... — глухо донесся Костин голос.

— Так тебе и надо! Сам придумал упаковку, вот и терпи! — шутил Бардин, развязывая веревку.

Из тюка выкарабкался Костя. Он был неузнаваем. Голова пострижена кое-как, местами торчат не захваченные машинкой волосы. Лицо и руки вымазаны сажей. На нем был надет рваный долгополый пиджак с подвернутыми до локтей рукавами и вместо пуговиц застегнутый до горла английскими булавками. На ногах брюки некогда серого цвета в масляных пятнах с синими заплатами на коленях, сильно обтрепанные снизу, покрывали бахромой ботинки, зашнурованные телефонным кабелем.

— Хорош! — сказал Бардин, оглядев Костю со всех сторон. — А головной убор где?

Костя вынул из кармана пиджака замызганный картузик с оборванным козырьком, аккуратно водрузил его на голову и, подбоченившись, стал высвистывать «Яблочко».

В коридоре Бардин сказал Найдищу:

— Береги парня как своего сына!

✱

По прибытии поезда на место чекисты повели хныкающего Костю в детский приемник. На перроне Костя сел на землю и заревел во весь голос, привлекая к себе внимание неизвестно откуда появившихся нескольких беспризорников.

— Не пойду! Убейте — не пойду! — кричал Костя. — Дядечки, граждане! Товарищи, отпустите! У меня на следующей станции тетя и дядя! Милые, голубчики, пустите! Век буду за вас бога молить!

Чекисты взяли его с двух сторон под руки и внесли в детский приемник. Здесь его вымыли, выдали чистое белье и вернули после дезинфекции его одежду, сильно пропахшую карболкой. Вечером пришел Найдищ. Он сморщил нос и несколько раз вдохнул воздух.

— Перестарались дезинфекторы. Надушили твои туалеты. Теперь тебя по запаху беспризорники сразу признают своим, — пошутил он.

Затем Найдищ указал приметы «жертв», которые будут дежурить на базаре в ближайшие два-три дня. Костя не стал спрашивать, кто они такие. Он хорошо знал, что для проведе-

ния различных операций привлекаются самые неожиданные люди.

— Завтра, — продолжал Найдич, — начнешь с пожилой женщины. На ней будет надетая соломенная шляпа с яркими цветами из материи. Ты смело подойдешь, возьмешь из корзины кошелек и, не торопясь, отходи. Постарайся взять кошелек так, чтоб увидел кто-нибудь из беспризорных. Проявляй товарищество. Добыл деньги — угощай ребят! И не куском хлеба, а ведем в столовую, корми сытным обедом. Корми на все деньги. Завтра утром убежишь, — Найдич показал, где будет открыто окно.

После его ухода в комнату поселили еще одного подростка лет четырнадцати. Познакомились быстро. Парня звали Петька-Сапог. Беспризорничал он уже более двух лет, бегал из детдомов в нескольких городах.

— И отсель убегу! — уверенно заявил он. — Зря ты так убивался, когда тебя взяли, — укорил он Костю.

— А ты откуда знаешь, что я убивался?

— Откуда? Видел утром, как тебя сняли с поезда, а выл ты на всю станцию. Как же не услышать?

Рано утром они бежали и напрямик отправились на базар. Потолкавшись около часа, Костя увидел пожилую женщину в шляпе, украшенной цветами. Она переходила от ларька к ларьку, приценивалась, но ничего не покупала. В кошелке у нее лежал пучок лука, а поверх него большой кошелек. Костя подошел к ней вплотную, оглянулся по сторонам. Издали на него смотрел Петька-Сапог.

— Бери скорей! — зашипела женщина.

Он спокойно взял кошелек, отправил его за борт пиджака и отошел, затерявшись в толпе. Через несколько шагов он увидел Петьку в обществе еще трех ребят и пригласил их закутить. Они купили белый каравай, колбасу, крутые яйца и молоко, а на оставшиеся деньги пачку папирос. После плотной закуски ребята решили отдохнуть там, где, по их словам, никто не трогает. В огромном парке на одной из боковых аллей, скрытой густыми кустами, они застали еще нескольких оборванцев, благосклонно принявших от Кости угощение папиросами. Петька рассказал об удачливости новенького, и ребята пожалели, что их не было поблизости.

Вечером новые знакомые привели Костю на ночлег. Это был уцелевший подвал обгоревшего двухэтажного дома. В подвале было тепло и сухо, на полу лежала солома, какие-то тряпки. В одном из углов, вокруг огарка свечи, несколько беспризорников постарше азартно играли в карты. Оттуда неслась ругань, а изредка происходила потасовка, после чего игра продолжалась. Все улеглись на полу, тесно прижавшись друг к другу, как говорили ребята, «для сугрева».

И потянулись для Кости однообразные дни. Утром — базар. Очередная «удача». Изредка перепадали и тумачи, случались и погони. Два

раза его задерживали милиционеры, приводили в приемник. Тотчас сюда приезжал Найдич, давал советы, указывал приметы новой «жертвы». Костю мыли, меняли белье. Он отсыпался в спокойной обстановке, а через день другой убегал. Среди жителей подвала Костя прослыл героем. Благодарные за щедрые угощения, они стали оказывать ему внимание: уступали лучшие места для ночлега, прикрывали во время дневной «работы» на базаре. Доверительно рассказывали о различных воровских делах. Но все его осторожные попытки узнать что-либо о Филине, найти какую-нибудь ниточку, кончались неудачей. Ребята молчали, хотя он знал, что некоторые из них работают на хозяина.

В один из вечеров к нему подошел изредка ночевавший в подвале парень, по кличке Гришка-Рожка, прозванный так за лицо, густо покрытое оспинами. Он отозвал Костю в сторону и таинственно зашептал:

— Тебя хочет видеть один человек.

— Кто? — спросил Костя, почти наверняка зная, кто им интересуется.

— Будешь много знать — скоро состаришься, тогда и до смерти недалеко!

На улице он предупредил:

— Ты того человека ни о чем не спрашивай. Отвечай «да» или «нет»! Что прикажет — исполняй, а то...

Что может случиться, Костя уже знал. Они долго шли, сворачивали в какие-то улочки, перелезали через заборы и наконец очутились в саду, перед беседкой, густо заросшей зеленью.

— Стой здесь! Жди! — приказал провожатый и скрылся между деревьями. Через короткое время на садовой дорожке, подсвечивая себе под ноги фонариком, появился мужчина высокого роста. Он подошел ближе, махнул лучом света на дверь беседки и невнятно буркнул: «Заходи!»

Костя перешагнул порог. Вслед за ним, грубо оттолкнув его в глубь беседки, шагнул незнакомец. На Костю повеяло табаком, водочным перегаром и остро пахнущими духами.

«По двум приметам, высокий рост и духи, — подумал Костя, — похоже, что это Филин».

Незнакомец скользнул лучом по углам и грузно сел на какой-то ящик, затрепавший под его тяжестью.

— Ну? — грозно спросил он и, ожидая ответ, направил свет Косте в лицо. Потом еще более грозно повторил вопрос.

— Ну! Кто такой? — Костя продолжал молчать.

— Ты что, немой? — проревел хозяин беседки и выругался резким, похожим на воронье карканье голосом.

— Константин Носов, четырнадцати лет...

— На черта мне сдались твои годы и фамилия, — зло оборвал его незнакомец и погасил фонарик.

Косте стало страшно. Он сжался и приготовился бежать из беседки, когда на него посыпались вопросы вперемежку с руганью.

— Кто такой? Откуда появился? Кем был раньше?

— Раньше я был гимназистом...

— Гимназист, — недоверчиво повторил он, — скажи, пожалуйста! Сявка со знанием латыни. Где же ты приобщился к классическому образованию?

— Учился во второй императора Александра Первого гимназии в городе Петрограде, — четко ответил Костя.

— В Петрограде? Во второй гимназии? — удивленно восклицал незнакомец, а потом стал задавать вопросы: «На какой улице была гимназия, кто был директор, как звали «француза», чем занимался швейцар?» Костя отвечал, а его собеседник приговаривал:

— Так, так! — В его произношении эти слова звучали: «Крак, крак!» Косте стало смешно, он приободрился и с легкостью отвечал на вопросы.

— Шарля Морисовича еще звали «Королевский язык», — улыбаясь, вспоминал он, — потому что все уроки начинал с заявления: «Дети, на французском языке говорят все коронованные особы!»

Незнакомец хмыкнул и уже спокойно, даже доброжелательно стал расспрашивать: «Кто родители, где жил в Петрограде, давно ли беспризорничает?» Костя отвечал, не сбиваясь.

— Ну, земляк, все ясно. И я учился во второй, — он вздохнул. — Потом война, революция... Все для меня полетело к черту. И папины дома, и автомобиль... Эх! Лучше бы меня нашла красноармейская пуля на фронте...

«Найдет, не беспокойся!» — подумал Костя и вдруг услышал неожиданный вопрос:

— Знаешь, кто я? — он включил фонарик и направил свет Косте в лицо.

— Откуда я могу вас знать?

— Так, так! — закаркал «земляк», погасил фонарик, щелкнул портсигаром, чиркнул спичку и закурил. На миг Костя увидел густую черную бороду и левую руку с обрубком мизинца. «Еще одна примета», — успел подумать Костя.

— Ну, хватит о прошлом. Что было, то не вернется...

Незнакомец вздохнул, зажег фонарик и осветил Костю.

— Давай знакомиться. Я — Филин. Меня не обманешь, ничего не утаишь! Филин, как тебе известно, птица ночная, мудрая! — гордо объяснил бандит, будто он и впрямь был филином.

— Очень приятно познакомиться, — вежливо ответил Костя и даже шаркнул ногой.

— Ты, гимназист, эти питерские штучки брось и позабуди! — зарычал Филин, — а заодно и прекрати шиковать! Подумаешь, богат! Зачем угощаешь шпану? Пришла тебе удача — принеси старшему. Отдай, а он тебя не забудет. Будешь сыт, пьян и нос в табаке! А то он, видишь ли, щедрый, а ребятам только того и нужно. Перестали работать. — И внезапно закричал:

— Всю мою команду испортил! Чтоб этого больше не было! Что добудешь, принесешь мне!

— Ясно, господин... господин...

— Филин, Филин! Я для вас, паразитов, только Филин! Ты и так обо мне знаешь больше чем надо! Смотри у меня!

— А где... где я вас найду? — робко спросил Костя.

— Не ищи! Сам найду! И помни, если что утаишь или наболтаешь чего не следует — изувечу, а то и прикончу! Гришка! Рожа! — заорал он, выходя из беседки. — Отведешь Костю-гимназиста на хазу, и чтоб молчок о свиданке.

Едва дождавшись утра, Костя отнес и положил в условном месте спичечный коробок с двумя окурками. Это обозначало: «Нужно срочно увидеться».

Часа через полтора он и несколько беспризорных были задержаны на базаре и приведены в милицию. Сюда, как и всегда, явился

Найдич. Один за другим к столу подходили ребята. Найдич задавал несколько вопросов, делал записи в лежавшей перед ним книге. Последним подошел Костя.

— Что с тобой делать, Носов? — спросил Найдич, просматривая какие-то бумаги. — Три побега. Чем ты живешь? Воруешь?

— Зачем это мне, гражданин комиссар? Я всегда могу заработать, — и под смешки беспризорников он стал насвистывать «Яблочко» и пританцовывать.

— Ну, ну! Ты это брось, Носов! — прикрикнул Найдич.

— Могу и бросить, гражданин комиссар! — с вызовом сказал Костя. — Я человек послушный. Сказал раз — и все...

— Эх, Носов, Носов! — вздохнул Найдич. — Видно, придется с тобой разговаривать в другом месте! — и распорядился отправить Носова в изолятор, а остальных ребят в детский дом.

✱

— Как же, Лазарь Афанасьевич, не Филин? — с жаром доказывал Костя пришедшему вечером в изолятор Найдичу. — Не мои догадки. Сам назвался...

— Мог и наврать, — охладил его пыл Найдич. — Цену себе набивал, я, мол, Филин, а не какой-нибудь безвестный урка.

— Нет, Лазарь Афанасьевич! — горячился Костя. — Три приметы сходятся. Первая, — он стал загибать пальцы, — высокий рост, вторая — черная борода, третья — надушен, за версту пахнет...

— А лицо? — перебил его Найдич. — Лицо какое?

— Рожу его я не разглядел: темно и кепка была у него натянута до носа... — Костя замолчал, а про себя подумал: «Наверно, что-то упустил».

— Высокий рост, духи... — Найдич усмехнулся. — Все эти приметы не первого сорта. По ним человека не узнаешь, а борода... Бороду можно приклеить любую...

— Есть, есть еще одна примета! — закричал Костя. — Чуть не забыл! На левой руке у него нет мизинца...

— Вот это уже примета, — обрадовался Найдич. — За такой палец уже можно ухватиться.

— Так пальца же нет! — с удивлением воскликнул Костя и рассмеялся.

— Ну, что ж, — решил Найдич. — Будем считать, что ты познакомился с Филином. Теперь все зависит от тебя, от твоей ловкости. Будешь хорошим добытчиком для Филина, — значит, войдешь к нему в доверие. А уж коль войдешь... — Найдич взмахнул рукой, как будто ловил муху, — возможно, сможешь ухватиться не только за его мизинец, а и за всю лапу.

— А как же я убегу из изолятора, — вздохнул Костя и покосился на зарешеченное окно.

— Тебя завтра переведут в детдом. Оттуда убежишь и...

— Опять по карманам? — с горечью воскликнул Костя. — Может быть, как-нибудь другому?

— Опять! — подтвердил Найдич. — Что поделаешь, работа такая. Ты ведь не для себя воруеть. И обиды от твоих краж ни у кого нет. Так ведь?

Костя молча кивнул.

— Сейчас нужно, чтобы ты приносил ему добычу пожирнее. Что ему несколько скомканных бумажек?

— Так на него ведь работает десятка два пацанов!

Найдич покачал головой.

— Не они его основные добытчики. Мелюзга! Они только разведчики, сигнальщики, а кстати, — заметил Найдич, — они, наверно, и за тобой следят.

— Ходят за мной два шкета.

— Вот видишь? Ты смотри в оба, уж больно чисто все у тебя получается. Как бы тебя Филин не заподозрил.

— Чисто, чисто! — обиделся Костя. — Позавчера так наклали по шее, еле вырвался.

— А ты у кого тащил? — улыбнулся Найдич.

— «У кого»! «У кого»! У той женщины, ко-

торую вы называли Марья Ивановна! Только я полез в корзинку, как она подняла крик на весь базар. Какой-то дядька схватил меня и так дал, что до сих пор больно. Хорошо еще, что матрос за меня вступился, сказал, что не я тащил.

— Вот и подтверждение моего замечания. Ты подошел к Марье Ивановне и взял кошелек, как будто он лежал у тебя дома под подушкой. Ну, она и закричала, чтоб ты впредь был осторожнее. Понятно? А твой спаситель, моряк, — продолжал Найдич, — сотрудник уголовного розыска. Он тебя прикрывает. Узнаешь его? — Костя кивнул головой.

— Добро! Если случится тебе встретиться с Филином и тот матрос окажется поблизости — подай знак!

— Какой?

— Ну, хотя бы так, скинь свой картуз и левой рукой чеши голову. Так же поступай, если увидишь меня или моего помощника.

— Ясно, Лазарь Афанасьевич.

— Сейчас старайся водить компанию с ребятами постарше, — наставлял Костю чекист. — Видимо, они и совершают налеты. Через них доберешься и до адреса «хозяина».

Найдич указал Косте приметы «богатых жертв». Ими будут крестьяне, приезжавшие на базар два раза в неделю. На оглоблях пово-

зок у них будут обрывки цветных лент. Костя должен подойти к подводе вплотную, предложить купить карандаши, а услышав: «Какого они цвета?», спокойно взять узелок с большой суммой денег, который хозяин подвинет к самому краю телеги. Перед уходом Найдич протянул Косте два цветных карандаша.

— Да, чуть не забыл! Возьми «товар для продажи»!

✱

Через два дня, вечером, Костя явился в подвал. От ребят он узнал свежие новости. Вчера, во время налета на квартиру какого-то богатого торговца, рядом с домом проходили два командира. Они услышали крики о помощи, вошли в открытую дверь. Налетчики открыли стрельбу. В перестрелке два бандита были ранены, один — убит. Убили Гришку-Рожи.

— Он был у «хозяина» за самого главного над нами, — по секрету поведал один из друзей Гришки-Рожи.

«Все порушилось, — подумал Костя, — кто теперь сведет меня с Филином?»

Утром он послал донесение с вопросом: «Как поступать дальше?» — и, как обычно, вышел «охотиться» на базар.

У него накопилась изрядная сумма денег и пара часов. Но Филин не приходил и никого за ним не присылал.

Прошел еще один день, он принес Косте большую воровскую «удачу», а вместе с ней и ответ на его запросы «что делать?».

На базаре он увидел подводу с пестрыми лоскутками на оглобле. Пожилой вислоусый дядька сидел на мешках с зерном и закусывал, макая белую булку в горшочек сметаны.

— Дядя! — обратился к нему Костя. — Купите для ваших детей цветные карандаши!

— Какого цвета твои карандаши? — спросил дядька.

Костя достал два цветных карандаша и протянул их дядьке, а тот зашептал:

— Приказано тебе, хлопче, работать как работал, а сейчас бери, — он подсунул к борту телеги узелок величиной с небольшую книгу и громко сказал: — Не! Мне карандаши ни к чему! Детей у меня нет! Иди себе, хлопец, с богом!

В узелке находилась большая сумма денег, она должна была заинтересовать Филина. Но как дать ему знать?

Когда он уходил с базара, его догнал какой-то гражданин в замасленной спецовке и голосом, похожим на голос Филина, от которого Костя вздрогнул и прижался к стене, приказал:

— Иди за мной!

Костя на миг заколебался — «идти или отстать?» Голос похож, но ростом этот человек показался ему ниже Филина, борода не окладистая черная, а небольшая, клинышком, русая.

«Пойду, — решил Костя, — может, его послал Филин или это кто-нибудь от Найдича».

Они пришли в знакомый уже парк, сели на скамейку.

— Ну, как дела, Носов? — прокаркал незнакомец. — Или не узнал? — Он провел беспалой рукой по усам, по бородке и уставился на Костю зелеными немигающими глазами. — Не узнал?

Костя смущенно пробормотал:

— Темно было... Борода не та...

— Не та, не та! — подтвердил Филин и рассмеялся.

Костя вспомнил слова Найдича «бороду можно приклеить любую». А вот отсутствие пальца... Сомнения Кости рассеялись. Перед ним сидел Филин. Костя старался разглядеть его получше, запомнить все приметы на его лице и в то же время придать своему лицу удивление и почтение. Краем глаз он косил по сторонам: не покажется ли матрос или Найдич. Но в парке было безлюдно, лишь где-то на дальней аллее с криком играли дети.

— Как дела, земляк? — повторил вопрос Филин.

— Дела, господин Филин, идут...

— Тс-с, ду-би-на! — зашипел бандит. — Зови меня... Ну, Павел Иванович.

— Вы же сами приказали, — обиженно заметил Костя. — А дела хорошие. Во всех карманах напихано.

Он достал часы, завернутые в тряпку, и деньги. Филин повертел в руках часы, довольно хмыкнул и спрятал в карман, потом взял деньги и, не считая, отправил их вслед за часами.

— Молодец! Хвалю! Вот это тебе, только шпану не корми! — он протянул Косте несколько серебряных монет. — Хватит?

— Хватит, Павел Иванович! Спасибо!

— Ладно, Носов! Пора заняться серьезным делом. Приходи сегодня вечером часам к семи в... Впрочем, лучше жди меня на Советской площади у газетной будки. И никому об этом ни слова. Понял? А сейчас сиди, пока я не уйду.

Костя хотел сейчас же отправить донесение и указать место встречи, но из кустов вылезли несколько знакомых ребят. Отделаться от них Костя не мог, а когда он их накормил, было уже около трех часов. Все же Костя успел написать коротенькую записку: «Ф» будет сегодня семь Советской площади» — и опустил ее в тайник срочных донесений.

✱

Сверившись с часами на витрине часового мастера, ровно в семь Костя был у газетной будки. Накапывал теплый летний дождик. На площади никого не было. Изредка ее пересекала дребезжащая извозчичья пролетка и торопливо проходили одиночные пешеходы. Костя безуспешно пытался укрыться от усилившегося дождя. На противоположном конце площади появились двое пьяных. Распевая «Ночку темную», спотыкаясь и поддерживая друг друга, они прошли мимо. Время шло, а Филин не

появлялся. Не видно было и кого-нибудь из чекистов. Костя подумал, что «верно, не получили мое донесение». Он промок, озяб, стал дрожать. Раза два он бегал к витрине часовщика. Последний раз часы показывали без десяти минут девять. Костя потоптался у будки еще с полчаса и отправился к себе в подвал.

✱

В подвале было накурено и, как всегда, шла карточная игра. Продрогшему Косте показалось здесь на редкость уютно. Не снимая с себя насквозь промокшую одежду, он зарылся в грязное тряпье и долго не мог согреться. Сквозь дремоту ему послышался голос Филина. Он о чем-то вполголоса разговаривал с ребятами. Потом громко приказал: «Поднять его!»

Костю растолкали. Горели две свечи. На ящике, служившем столом для картежников, в мокром дождевом плаще, надвинув кепку на нос, так что видна была только окладистая черная борода, сидел Филин. На коленях у него лежала бамбуковая тросточка. Левой рукой в перчатке он поглаживал бороду.

В подвале стояла напряженная тишина. Ребята столпились в дальнем углу. Костя, преодолевая дрожь, подошел и стал перед бандитом.

— Почему не был, где приказано? — тихо угрожающим голосом спросил Филин и, не ожидая ответа, закричал: — Почему, спрашиваю? Па-ра-зит!

— Был вовремя, — стараясь не дрожать, ответил Костя. — Вас не было до половины десятого...

— А-а-а! Учить атамана, когда ему быть...

В воздухе свистнула бамбуковая трость.

От страшной боли Костя упал на пол. Удар пришелся по плечу. «Сейчас убьет», — мелькнула у него мысль.

Он сжался в комок и услышал чей-то ребячий голос: «Не надо, хозяин!»

— Что! Кто мне указывает? — завопил Филин и ударил Костю еще раз по спине. От нестерпимой боли Костя на время потерял сознание, а когда пришел в себя, то смутно услышал удары, ругань и ребячьи крики. Атаман наказывал непокорных, осмелившихся вступить за товарища. Выкрикнув еще несколько ругательств и угроз, Филин ушел. Костю обступили ребята, сняли с него одежду. Плечо распухло, он едва мог шевелить левой рукой. Хуже было со спиной. Трудно было повернуться и встать на ноги.

— Наверно, — предположил один из ребят, — он тебе хребтыгу перебил. Надо бы тебя в больницу...

Костю напоили водой и приложили мокрые тряпки к спине.

— До утра не пройдет, — заявил «специалист», — отвезем в больницу. На извозчике, честь честью. Ты не сомневайся, мы тебя не бросим!

К утру боль немного утихла, и Костя наотрез отказался от больницы. Пять дней он пролежал в подвале. Пять дней беспризорники ухаживали за ним. Ежедневно ему приносили поесть, мазали плечо и спину какой-то мазью, купленной в аптеке. Пять дней, не получая от Кости донесений и не находя его на базаре, волновался Найдич. Волновались за Костину судьбу и в уголовном розыске. Было принято решение в ближайшую ночь произвести проверку всех известных притонов, ночлежек, задержав как можно больше беспризорников и осторожно выпытать, где находится Носов.

Это решение опередил Костя. На шестой день он выполз из подвала. С трудом ковыляя, долго бродил по улицам, разыскивая пустой спичечный коробок и окурки, нужные ему для срочного вызова. Наконец все было найдено и опущено в тайник. Боль в спине усилилась, и он, отдыхая через каждые десять шагов, доплелся до базара. Через час его уже осматривал врач.

✱

— Я, Лазарь Афанасьевич, даю вам слово комсомольца и чекиста, что этот гад не уйдет, — заверил Костя Найдича, лежа в больничной палате. — Живого или мертвого я его добуду!

— Ты лежи, поправляйся, потом будем думать, как его взять. Теперь тебе уже не беспризорничать. Как ты объяснишь, что после больницы снова попал на улицу?

— Не на улицу, а в детдом, а оттуда...

— Опять побег! — воскликнул Найдич. — Ну, брат, Филин не такой дурак. Никогда не поверит! Шутка сказать — пять побегов. Такое не у всякого рецидивиста бывает.

✱

После выздоровления и «побега» из детского дома, на чем настоял Костя, он прибил к другой компании подростков и не заглядывал больше в подвал. Встречаясь на базаре с бывшими друзьями, он говорил, что боится Филина.

«Не тронет он больше! Поучил, чтоб ты ему не перечил, и все! — заверяли его ребята. — А не подошел он тогда к тебе потому, что по площади крутились двое лягавых. Он тобой доволен, а прибил... это у него так... ну, как злая собака. Ты ей ни к чему, а она все равно цапнет».

Уговоры на Костю не действовали, да и план у чекистов был сейчас другой. Случайность разрушила этот план. В одном кинотеатре администратор пускал на последний сеанс беспризорных. Пускал на самый скверный ряд, перед экраном, да еще с уговором: «Сидеть на местах, не свистеть, когда обрывается лента, а главное, по карманам не лезть. Хоть одно нарушение, и пиши пропало! — предупреждал администратор. — Не видать

вам тогда знаменитых актеров, как ушей своих!»

На таком сеансе, когда оборвалась лента и в зале зажегся свет, Костя увидел Филина. Он сидел в боковой ложе, рядом с девушкой, лицо которой показалось Косте знакомым, и угощал ее конфетами. Никакой бороды у него не было. Костя пригнул голову и тут же подумал. «А чего мне от него прятаться? Может, это и не он, а кто-то на него похожий?» Но тотчас его сомнения рассеял Филин. Заглушая свистки и возгласы недовольных зрителей, он громко, своим «вороньим» голосом закричал: «Безобразие! Сапожники! Гнать вон!»

Что-то, а уж голос Филина Костя запомнил хорошо и ни с каким другим спутать не мог. Костя решил проследить, куда отправится бандит. Он вышел из зала и притаился за афишной тумбой на противоположной, темной стороне улицы. Отсюда хорошо просматривался освещенный вход в кинотеатр.

Кончился сеанс. Через главный вход выпустили десяток-другой зрителей, остальные ушли боковыми, запасными дверьми, выходящими на другую улицу. Видимо, этим путем ушел и Филин со своей знакомой. Костя бросился на другую улицу, но на ней уже никого не было. Раздосадованный таким промахом, он медленно побрел на ночлег, стараясь вспомнить, где и когда он видел девушку, сидевшую рядом с Филином. Вспомнил на следующее утро. Она работала в приемном покое больницы.

По Костиному донесению, за девушкой и ее квартирой установили наблюдение, но результатов никаких это не дало.

А «трест» продолжал свою деятельность. Костя просил свидания с Найдичем. Через одну из «жертв» ему дали адрес парикмахерской, приказали явиться туда завтра с утра и попросить какую-нибудь работу.

✱

В маленькой парикмахерской, куда пришел Костя, никого не было. Сам парикмахер сидел в кресле для бритья и читал газету. Звонком дверного колокольчика оторвал его от чтения, и он спросил:

— Тебе чего? Стричься, бриться?

— Мне бы какую-нибудь работу, — робко попросил Костя. — Второй день не ел...

— Катя, Катя! — закричал парикмахер и снова взялся за газету. — Дай мальчику ведро и тряпку, пусть вымоет пол, и смотри, чтоб он ничего не унес! Иди! — он указал на дверь, прикрытую занавеской.

В другой комнате, вместо Кати, его встретил Найдиш и матрос из уголовного розыска. Костя подробно рассказал о встрече в кино.

— Все было сделано «в аккурате», — сказал матрос. Только они с Найдишем сомневались в том, что с Филином была девушка из больницы.

— Может, обознался? — спросил матрос. — Ты где сидел?

— Я — в первом ряду, а они сидели в ложе.

— Далековато! — заметил Найдиш. — Правда, Филин тебе помог, подал голос. Меня больше всего интересует, не ошибся ли Костя насчет девушки. Может, не она? Неужели ты смог ее разглядеть и запомнить? Когда тебя доставили в больницу, ты едва языком ворочал и глаз не открывал.

— Разглядел и запомнил! — настаивал Костя. — Она! У меня память на лица хорошая!

— Надо устроить, чтоб Костя еще раз ее повидал, — сказал Найдиш. — Давайте завтра к пяти часам дня сходим к приемному покою. Костя поболтается по улице, а когда девушка выйдет, пусть подойдет к ней. Чтoб лучше приглядеться, что-нибудь спросит. Если обознался, что ж — бывает. А если она, то и мы на нее полюбуемся. Бывай здоров, Костя! Отработывай себе на кусок хлеба! — он кивнул головой на веник и ушел вместе с матросом.

✱

В назначенное время Костя стал прохаживаться около входа в больницу. По его расчетам, было уже пять часов, а Найдиш все не показывался.

Костя прошелся еще раз и внезапно около подъезда больницы столкнулся с Филином. На этот раз у бандита была светлая бородка клинышком, и если бы Костя не видел его раньше с такой бородкой, то никак бы не узнал. Франтовато одетый бандит держал в левой руке букет цветов, а правой небрежно помахивал тонкой щегольской тросточкой. От неожиданности Костя поначалу растерялся, а потом снял картуз и поздоровался. Бандит, даже не посмотрев в его сторону, чуть ускорил шаги и пошел дальше.

Костя с картузом в руке остался стоять на месте.

«Что делать? Где Найдиш? — одна за другой замелькали у него тревожные мысли. — Уйдет Филин, как тогда?» А бандит тем временем удалялся по безлюдной улице все дальше и дальше. Костя вспомнил, что нужно подавать знаки, и стал чесать голову, оглядывая окна домов на противоположной стороне. «Авось Найдиш откуда-нибудь смотрит», — подумал он и, продолжая чесать голову, бросился бежать за Филином. Запыхавшись, Костя догнал бандита и снова поздоровался.

— Здравствуйте, Павел Иванович!

Филин, не сбавляя шага, шепотом выругался и громко сказал:

— Отвяжись, босяк, а то позову милиционера!

Упоминание милиционера вызвало у Кости улыбку. «Позови, позови!» — подумал он, стараясь не отстать от яростно ругавшегося Филина. Пройдя несколько шагов, бандит повернул голову к Косте и, показав ему трость, зашипел:

— Уби-рай-ся от-сю-да, па-ра-зит, по-ка цел! Отстань!

Костя не отставал.

Он шел за бандитом, оглядываясь, и, не переставая, чесал голову. И вдруг, далеко впереди, Костя увидел идущего им навстречу Найдича с каким-то военным. Они оживленно разговаривали и, видимо, не замечали Костиных сигналов.

Филин резко остановился.

— Отстанешь от меня или хочешь получить? — он замахнулся на Костю палкой, но Костя отскочил в сторону, а бандит больно хлестнул его по лицу букетом, бросил цветы на тротуар и метнулся к открытой калитке. Костя успел ухватить его за карман пиджака и во весь голос закричал:

— Сюда, сюда! Не уйдешь, Филин! Никуда не уйдешь! Найдич, сюда! — Бандит рванул-

ся, затрещала разрываемая материя. В руке у Кости остался оторванный карман. От толчка он едва удержался на ногах, но снова бросился на бандита, стараясь схватить его и прижаться поближе, чтоб не попасть под удары трости.

— А-а, ля-га-вый! — шипел бандит. — Не взять тебе Филина! Не взять! — Он изловчился и ударил Костю палкой. Удар пришелся по недавно зажившему плечу. От невыносимой боли Костя закричал и разжал руки, но ногами обвил Филина. Бандит, волоча за собой Костю, втащил его во двор и, стараясь оторваться от него, бил по голове и спине. Кровь заливала Косте глаза, он чувствовал, что слабеет, но еще крепче сжимал ногу Филина. От боли у него мутилось в голове. Как будто из

другой комнаты, до него доносились чьи-то голоса. Он знал, что сейчас подоспел Найдич и судьба бандита будет решена. «Прикрыть голову... Вытерпеть еще несколько секунд!.. — мелькнули у него ускользящие мысли. Только удержаться!» — и, уже теряя сознание, Костя из последних сил рывком прижался к ноге Филина и впился в нее зубами. Перед его глазами что-то ослепительно сверкнуло, грохнуло, и больше он ничего не слышал...

✱

В больничной палате у койки Найдича сидел Бардин.

— Как же вы, опытные люди, не уберегли парня? — укорял он Найдича. — Пустили на такое опасное дело, были рядом и не подоспели вовремя... Ах, как непростительно!

Найдич, желтый, осунувшийся, молчал. Да и что он мог сказать. Опоздали, да и не ожидали, что Филин может появиться днем около больницы...

— Хорошо еще, что бандит не попал Косте в голову, — продолжал Бардин. — Стрелял-то он в упор.

Найдич болезненно улыбнулся.

— Костя так впился в ногу Филина, что тому было не разобрать, где собственная нога, а где голова Кости. Вот он дважды и выстрелил по Костиным ногам, а потом стал палить в нас. Со второго выстрела попал в меня...

— Как твои дела? — спросил Бардин.

Найдич снова попытался улыбнуться.

— Что мне сделается? Вынули пулю. Прощла чуть выше сердца. Вот она лежит на столике.

Бардин взял с блюдечка пулю, покатал ее в руках.

— Похоже, второго номера браунинг, — определил он систему.

— Нет! «Стеер». — Найдич поморщился. — Не первая. У меня их скоро коллекция наберется. Две нагановских вынули еще в девятнадцатом, винтовочную — в прошлом году, а теперь эта...

И, вероятно, подумав, что Бардин может заподозрить его в хвастовстве, прекратил разговор о себе, спросил:

— Ты у Кости был?

— Был. Он хотел что-то мне сказать, да не смог. Очень ослаб. Эх! — вздохнул Бардин. — Не детская это работа — ловить бандитов.

✱

Свой отпуск Бардин провел, аккуратно дважды в день навещая Костю. А когда Костя стал самостоятельно ковылять по палате, выехал с ним домой. Ехали они в мягком вагоне, но на этот раз Костя был без брезентовой упаковки и вез подарок чекистов, свою давнюю мечту — наручные часы с дарственной надписью.

ФОТОГРАФИЯ

Есть фотография в нашем доме,
Старый портрет.
На той фотографии дед мой в форме,
Когда ему двадцать лет.
На той фотографии в старенькой раме
Дед мой совсем молодой:
Шинель обычная с кубарями,
Буденовка с красной звездой.
На той фотографии парень-рубака,
Лихие с прищуром глаза,
Как будто он только ходил в атаку,
И вдруг увидал меня...
И будто бы не было целой жизни —
Со мною мой дед молодой!
Не старый полковник, прошедший войны,
А красный курсант лихой.
И пусть не буденовка, а папаха —
Все те же с прищуром глаза.
...Я знаю, что тоже буду солдатом,
Солдатом, как дед — до конца.

Алеша Буряковский, 9 лет,
Пермь

Рисунок П. Кузнецова

ЖУРНАЛ ЮНКРОВ "КОСТРА"

МИНИСТЕРСТВО МОРСКОГО ФЛОТА СССР
ПРИКАЗОМ № 177 ОТ 23 ОКТЯБРЯ 1974 ГОДА
СТРОЯЩЕМУСЯ ГОЛОВНОМУ ТЕПЛОХОДУ
ПРОЕКТА 1607 ДЕДВЕЙТОМ 3500 ТОНН
ПРИСВОИЛО НАЗВАНИЕ „ИВАН СКУРИДИН“

КАК ЭТО ПРОИЗОШЛО?

Сообщают красные следопыты 7 «б» класса школы № 5 города Ломоносова Ленинградской области:

«Мы никогда не писали в ваш журнал, но теперь хотим поделиться нашей радостью. Вот уже четыре года наш отряд ведет поисковую работу. 16 января 1944 года на Ленинградской земле у деревни Сокули старший сержант, командир стрелковой роты Иван Скуридин, закрыл грудью амбразуру вражеского дзота.

Мы решили собрать все, что можно, о жизни и подвиге Героя Советского Союза Ивана Куприяновича Скуридина.

За годы переплски мы по-
дружились с сестрой героя,
Анной Куприяновой, матерью
его, Александрой Иосифовной,
с его земляками, пионерами
города Макинска.

Три года назад пригласили к себе в гости Анну Куприянову. Деньги на дорогу ребята предусмотрительно заработали летом, в колхозе.

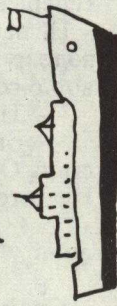
...Крепкая дружба у нас с ветеранами 4-го стрелкового полка, однопольными Скуридина. Каждый год 16 января и 9 Мая они бьют у нас в дружине. Несколько раз приезжали пионеры из Казахстана, с родины Ивана Скуридина.

В Уголке боевой славы ребята из лекторской группы — Марина Зараева, Оля Огурцова, Ира Семенович, Павел Лаварес, Маша Королева, Игорь Петров — проводят экскурсии, рассказывают младшим ребятам и гостям школы о жизни Скуридина, боевом пути его подразделения.

Два года назад мы решили добиться, чтобы одному из теплоходов присвоили имя героя. Ездили в Смоленый, в Обком ВЛКСМ, писали в ЦК ВЛКСМ, в Министерство Морского флота. И наконец получили ответ, которого долго ждали...

Оформление Л. Каминского

На спуске
корабля

Handwritten text in a cursive script, likely a signature or name, oriented vertically.

21 января мы побывали на спуске корабля «Иван Скуридин». На этот праздник прибыли и земляки героя. На ступе был митинг. Нам радостно, что во всем этом есть насчастье нашего труда... Через несколько месяцев на корабле будет поднят государственный флаг СССР.

Бригадир кораблестроителей Геннадий Морозов и его помощники пригласили нас на корабль. Мы ходили по палубе, заглянули в трюмы. Немного замерзли, потому что с залива дул холодный ветер. Нам было все интересно! Мы узнали, что рабочие считают Скуридина членом своей бригады и каждый месяц выполняют за него план.

Марина Кузнецова,
председатель отряда
красных следопытов

Земной поклон вам, ветераны Великой Отечественной: За знамя победы! За спасенный мир! За великое братство народов! За свободный труд!

...Вам, герои трудового фронта, вам, гвардейцы тыла, тебе, рабочий класс, тебе, трудовое крестьянство, тебе, советский народ, наше благодарное слово: За грозное оружие для фронта! За хлеб! За спасенные фабрики и заводы! За вставшие из пелла города и села!

ВЕСТИ
ИЗ
ПРАВО
ОТЯД

НАШ ОТРЯД ПРАВОФЛАНГОВЫЙ. Правда, иногда бывают ссоры, но не часто. Все удачи у нас благодаря дружбе, а еще благодаря нашей учительнице Анастасии Леонидовне, которая делает для нас только хорошее.

В этом году мы участвуем в операции «Пионерские реликвы» — БАМу: собрали 1725 килограммов металлолома. Еще мы шефствуем над вторым классом и учимся не так уж плохо, хотя пока не «на отлично».

Наш отряд носит имя Героя Советского Союза Николая Васильевича Мамонова. Недавно у нас был сбор. На этом сборе выступал друг Мамонова генерал Булатов.

Про себя могу сказать, что я — звеньевая, ребята меня слушаются, пионерские поручения выполняют.

Альфия Ибрагимова,
Казань,
132 школа, 5 «б» класс

Кончается пятая четверть

САЖАЛИ СВЕКЛУ и даже за-
работали в колхозе деньги на
этой работе. А было это так.
Поехала я к бабушке в дерев-
ню Рыжино, на Смоленщине.
И уже на следующий день
бригадир собрал ребят и
попросил помочь посадить
свеклу.

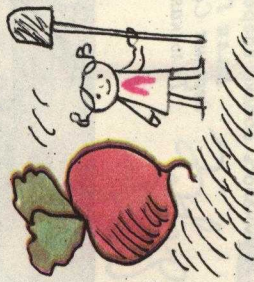
Два дня работали мы вместе
со взрослыми, на наших гла-
зах росли ряды свеклы.

Теперь я уже дома. Скоро в
школу! А нашу свеклу соберут
без меня...

Рая Комлева,
Белоозерск,
Брянская область

МЫ ПЕРЕБРАЛИ КАРТОФЕЛЬ
в колхозе «Коминтерн». Этот
колхоз первым закончил убор-
ку. Теперь примемся за свек-
лу. Участвуем в строительстве
школьного стадиона. Каждый
класс работал там один день.
Мы утрамбовали 20 метров бе-
говой дорожки.

Рая Москвитина,
село Паники,
Рязанская область

«СМЕЛО МЫ В БОЙ ПОЙДЕМ...»
Некрасова Ира, 10 лет, Ленинград

ОТКЛИКИ НА ЗАМЕТКУ «ДОГИ И ДВОРНЯГИ» (см. «Барабан» № 1)

У меня есть пес. Его зовут
Мухтар. Медалей он, конечно,
не имеет. Да и зачем они
ему? Он большой и красивый,
шерсть пушистая, черная. Ле-
том ходим с Мухтаром по гри-
бы и по ягоды. Он тоже лю-
бит лес. Своего Мухтара не
променяю ни на дога, ни на
бульдoga!

Люба Петрович,
деревня Королевка,
Омская область

Я переписываюсь с одной девочкой из Казахстана, и вот
она написала мне, что меняет свою дворнягу на породистую
собаку, потому что на спортплощадке ее собаку высмеяли.
Думаю, что делает она неправильно. Я просто не пред-
ставляю себе, как это можно менять собаку. Столько време-
ни ухаживаешь за ней, растишь ее, и вдруг...

У меня тоже есть дворняга — Шурик, а у соседей —
Рекс и Кукла. Если я иду куда-нибудь, все три собаки бегут
за мной. Некоторые люди смеются вслед: «Псарню повела!»
Я не обращаю на них внимания.

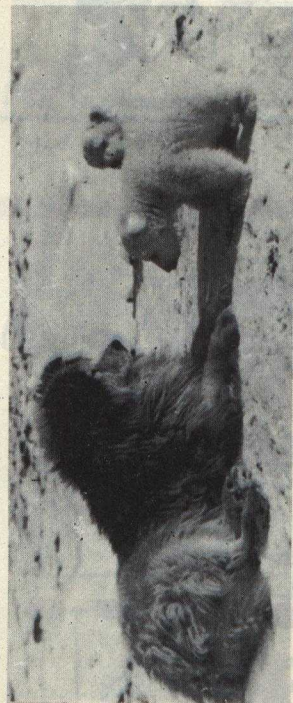
Лена Куприенко,
село Сидоровка,
Алтайский край

ДОРОГОЙ БАРАБАНИ У нас
с папой несколько собак, по-
месь дворняги с сибирской
лайкой. Папа ходит с ними на
охоту в тайгу. Он добывает
пушнину. Я написала стихи —
вот они:

Догами-бульдогами лобуйся,
потом
Когда воспитаешь собаку с
крупным хвостом.
И на охоте и на воде —
Дворняга поможет тебе везде!

Наташа Калинина,
село Арбаты,
Красноярский край

Эту фотографию сделала на Севере, в заполярнике.
Моя собака Дик знакомится с белыми медвежатами

Марина Романовская, Москва

У НАС ВСЕ РЕБЯТА ДРУЖ-
НЫЕ С ПЕРВОГО КЛАССА. Я
иногда на перемене гляжу на
них, и радостно на душе стано-
вится. Они все мне друзьями
сделались за семь школьных
лет. Кажется, ни за что бы не
рассталась!

У нас, если кто получит пло-
хую отметку, все встревожат-
ся, помогают ему исправить.
У нас нет ни одного отстающе-
го, и вот уже четвертый год, как
мы правофланговые. Если надо

собирать макулатуру или
лом, — все дружно выходим
на работу.

Мне очень хочется, чтобы и
в других классах были такие
же дружные ребята. Тогда бы
всем было легко жить и тру-
диться.

Люда Кулыдина,
Горький

В КОЛХОЗЕ ДЖАМБУЛА

На каникулах я ездила в го-
сти к бабушке в Джамбул.
В то же время там гостила
вьетнамская делегация. Как хо-
рошо ее встретили! Бабушкины
земляки! В доме культуры
имени Джамбула даже митинг
был. Колхозники рассказали
вьетнамцам о своих успехах в
сельском хозяйстве, о росте
колхозного стада, о развитии
колхоза. Пионеры повязали го-
стям красивые галстуки... Вьет-
намцы были растроганы. При-
гласили всех, кто был, к себе
на родину, в гости. В честь
приезда был дан концерт. И
вьетнамцы участвовали в кон-
церте — спели на родном сво-
ем языке наши песни «Катю-
ша» и «Широка страна моя
родная». А потом даже каза-
скую песню «Каламкас». Я счи-
таю себя счастливой: побывала
на такой встрече!

Айгуль Валиева,
село Аксентер

Золотая
Смешка

Здравствуй, дорогой БА-РАБАН! Может, тебе покажется смешно, но я заметила, что обычно отстают в учебе обе подружки. Одной из них мальчик предложит дружбу, девочка начинает секретничать с подружкой. Та начинает переживать, и — где уж тут учеба! Такое вижу часто, и это со всем не смешно. Вообще над теми, кто дружит, у нас в школе смеются! Дружит только тот, кто сильный духом! И, к сожалению, таких совсем мало...

Таня Суханова,
Курганская область

Милая Таня, ты откровенно написала нам о том, как трудно бывает жить и учиться, когда у девочек и у мальчика возникает первое робкое чувство взаимной симпатии. Ты прекрасно выразила свою мысль: «Дружит только тот, кто сильный духом». Да, Таня, многие ребята представляют себе дружбу только в голубых и розовых тонах — сплошные улыбки и радости. А ведь бывает всякое: непонимание, насмешки окружающих, разговоры, зависть... Не каждый выстоит, не всякая дружба выдержит. Зато уж если выдержит — значит, настоящая!

Голубое небо надо мной,
И плывут по небу облака.
«Облако, возьми меня с собой!
Опустись, чтоб я залезть смогла!»

Облако не слышит. Стороной,
Мимо зеленющих полей,
Уплывает легкое домой...
«Ты, — кричу, — тогда поля пой!»

Кажется, услышало оно,
Брызнул теплый дождик на поля,
Только я не мокну все равно.
Видно нет дождя в нем для меня.

Облако сказала: «Подожди,
Скоро, скоро твой черед придет,
Будут, будут для тебя дожди...»
И умчалось облако вперед.

Валя Грибова,
деревня Сергиевка,
Тульская область

К «неведомым» землям
Отправился я...
Геройство ли это?
Скажите, друзья.
Фото Коли Гвоздева
Ростовская область,
колхоз им. Мичурина

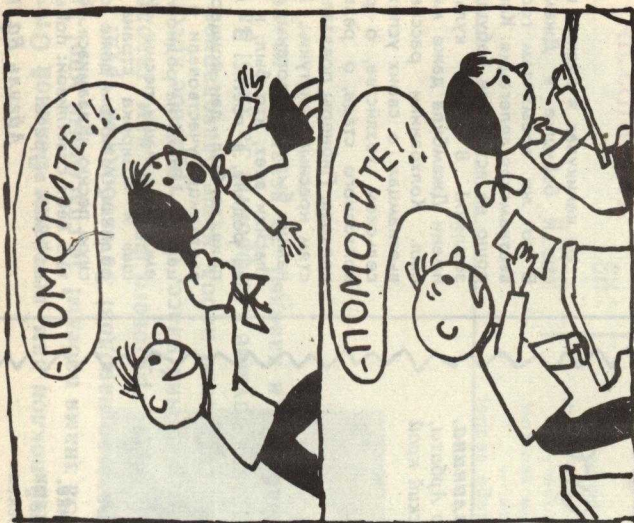
Тему для этих двух карикатур
нашел в письме Иры Еременко
из Павлограда Днепропетров-
ской области художник Леонид
Каминский. Ира пишет: «Наши
мальчики ни за что ударят де-
вочку и дадут ей обидную
кличку, а вот когда мы пишем
контрольные работы, то веж-
ливей наших мальчишек не
найти!»

Идем мы однажды по ле-
су, уже темнеет. Подруга
говорит: «Ой, как страшно!»
А я ей отвечаю: «А мне не
страшно, я быстро бегу».

Марина Камалетдинова,
станция Кусарчай

Валя Лазарева из поселка Комаричи
Брянской области услыхала такое:
— Перед высадкой у рассады надо
отрывать корни.
— Бабочки питаются валинками...

Один чудак в сочинении о «Войне и мире» написал: «Небо Аустерлица упало на Андрея Болконского и раскололо его на две части». Вот бы Толстой услышал — посмеялся бы!

Волода Григорьев
Краснодарский край

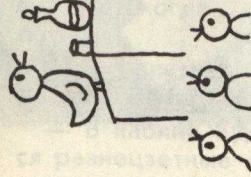
Рядом со мной живут два брата — Сенья и Шура. Шура, учится хорошо, а Сенья худо. Один раз я встретила Сенью в Шуриной шапке и спрашиваю: «Сенья, зачем ты Шуру шапку надел?» А он отвечает: «Чтоб голова поумнела».

Лала Муритова,
Баку

Пятилетний Витя сорвал стебель крапивы.
— Как же она тебя не укусила?
— А она меня знает!

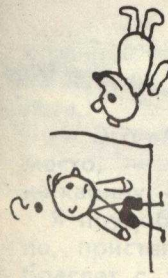
Прислала Вера Семенова из Львова

Малыш, увидев на проводах много вербьев:
— Смотрите, у птиц со-
брание!

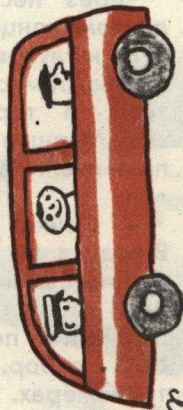

Девочка: «Мама, почему у дядей красивые вязки?»
Мама: «Они — дру-
жинники».
Девочка: «А с кем они на улице дружат?»

Андрюше четыре года, он спрашивает: «Мама, скажи честно, ты выбросила мою игрушку или нет?» — «А зачем тебе?» — «Я должен точно знать, плакать мне или нет».

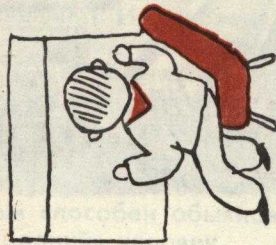
СЛУЧАЙ в автобусе

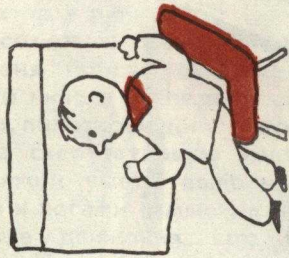
рассказал художнику Л. Каминскому
четвероклассник Анвар Гафаров из Челябинска

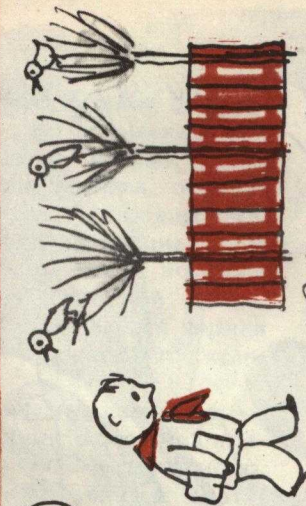
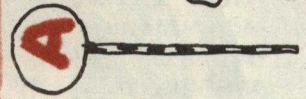
3. Взял Вовка в руки журнал, как будто он его интересовал. Сидит Вовка и злится: "Чтоб тебе, старикок, провалиться..."

1. Вовка едет в автобусе, мелькает всё, как на злобсе. Сидит Вовка на кожаном сиденье. Глазеть в окно - наслаждение!

2. Входит старикок на остановке. Надо бы встать Вовке...

5. Испортилось у Вовки настроение, не занимает его чтение. Долго эту поездку он вспоминал, вспоминая и от стыда сгорая.

СЕДЬМАЯ ПРОВЕРКА

Виктор ШУРЛЫГИН

Рисунки В. Цикоты

Телеграмма с пометкой «правительственная» пришла утром. «Полет на боевом истребителе-бомбардировщике корреспонденту разрешить не могу». И подпись: «Главный маршал авиации Павел Кутахов». Я перечитывал ответ раз двадцать и все не мог понять причину отказа.

Здоровье, кажется, отличное. Парашютные прыжки имеются. Специальную подготовку в училище летчиков проходил. А все-таки «добро» на взлет не дают. Может, произошла ошибка?

— Девушка, — я набрал номер. — Соедините, пожалуйста, с Москвой.

Через несколько минут на другом конце провода щелкнуло и глуховатый мужской голос негромко произнес: «Кутахов». Я торопливо выложил все. Маршал молча выслушал, помолчал. Наконец твердо сказал:

— Приказ отменять не буду. В воздух вас не пустят. Но я хочу, чтобы вы поняли, почему вас не пустят. Сделаем так. Пройдите психо-физиологический отбор. Поработайте на тренажерах. А потом позвони-

те... Вы, кстати, сколько лет не летали? Девять? Ну и прекрасно. Жду вашего звонка.

И повесил трубку. Но это было уже кое-что — разговор заронил надежду. Уже на следующий день специалист по авиационной и космической медицине вписал в особый бланк мои анкетные данные, поставил в верхнем левом углу непонятное слово «кандидат», встал:

— Теперь вы кандидат в летчики или космонавты. Будем проверять вас без всяких поблажек. Готовы?

Я улыбнулся и пошел за человеком в белом халате по длинному коридору, даже не подозревая, какие испытания предстоит мне вынести. Меня привели в лабораторию, где стояли какие-то пульта с десятками приборов, кнопок и

странное сооружение, похожее на кабину реактивного самолета.

— Это ваше первое рабочее место, — инструктор кивнул на кабину. — Забирайтесь.

Я поудобнее уселся в кресло, пристегнул к левой руке браслет с электродами, надел шлем с какими-то датчиками, осмотрелся. Передо мной было перекрестье электронного прицела — точь-в-точь такого, как на настоящем истребителе. Разворачивая и поднимая «кабину» с помощью педалей и ручки управления, требовалось как бы пролететь на сверхзвуковом самолете вдоль извилистой дороги и точно расстрелять из пушек колонну автомашин или танков противника. На выполнение задания отводился всего 58 секунд. Сумеешь промчаться быстрее и поразить все цели — хорошо. Не сумеешь — в летчики не годишься.

— Через двадцать секунд вас ударит электрическим током, — предупредил один из врачей, когда я пристегнул ремни.

— Ослепит прожектором, — добавил второй.

— В кабине будут загораться разноцветные лампочки. Их нужно выключать, не прекращая полета, — объяснил третий.

— За вашей мимикой и координацией движений будет наблюдать экспериментатор. Приборы зафиксируют быстроту реакции и количество ошибок. Обо всем этом нужно знать, чтобы не случилось не-

ожиданностей, — подвел итог инструктор у пульта.

От всех этих предупреждений меня просто бросило в жар. Но ничего не поделаешь: летчик, пилотирующий современную сверхзвуковую машину, должен уметь выполнять руками и ногами самые разнообразные движения. Это не просто. Попробуйте сделать очень легкое упражнение: прыгая на правой ноге, левой делайте вращательные движения. Одновременно поднимайте вверх и опускайте вниз левую руку, а правую, вытянутую в сторону, сгибайте и разгибайте в локте — и вы убедитесь, как это не просто. К тому же, у пилота должна быть очень гибкая, как говорят специалисты, нервная система — то есть способность мгновенно «переходить», скажем, из расслабленного состояния в рабочее (уроки делать не хочется, а ты садишься и сразу же, без всякой «раскачки» начинаешь решать задачки). И, наконец, повышенная продуктивность умственной деятельности — умение за какой-то отрезок времени, например за минуту, помножить, разделить, вычесть и сложить раза в два больше чисел, чем способен обыкновенный «средний» человек.

— Приготовились, — щелкает в наушниках, — начали!

Плавно подтягиваю ручку управления на себя и, слегка нажав правую педаль, стараюсь удерживать в перекрестье прицела цель. Испытания начались, хронометр отсчитывает первые секунды. Сколько их впереди, этих секунд? Время

будто застыло. Его бег ощущается только по вспыхивающим разноцветными огнями лампочкам, гулу мотора, ослепительному свету прожектора, бьющему в глаза, специальным световым помехам, которые включаются на белой доске, где змейкой извивается черная дорога с вражескими «танками».

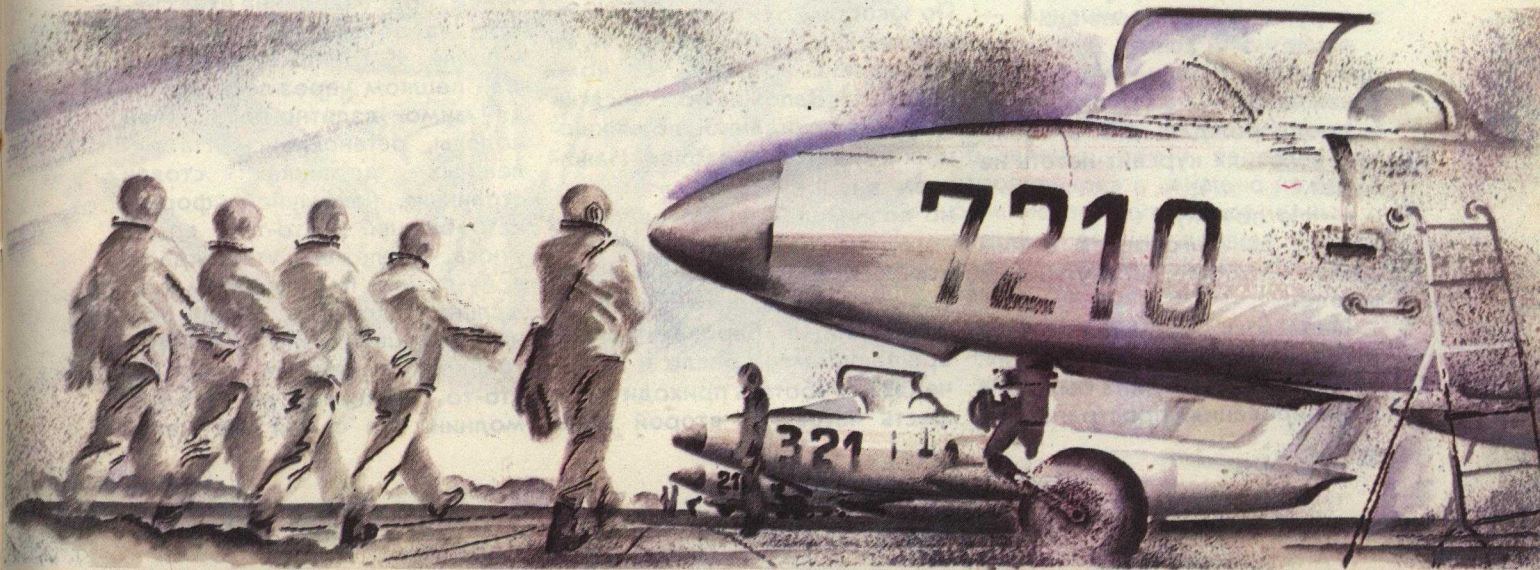
— Внимание на самолете, — слышится голос одного из врачей. — Включаем светолидер.

На доске появляется светящаяся точка, стремительно бегающая вдоль черной линии. Теперь я «веду истребитель» в принудительном темпе — отставать от светолидера нельзя. Но скорость его движения может оказаться для меня очень высокой, и тогда непременно появятся ошибки: проскочу мимо дороги или не успею поймать в перекрестье прицела скопление техники. Что делать! Управление сверхзвуковым самолетом — тоже работа с принудительной скоростью. И тут может случиться разное.

— Включаем помехи!

В глаза снова бьет ослепительный свет. Короткие удары электрического тока больно покалывают запястье. Из динамиков, установленных в углах лаборатории, несутся какие-то сумасшедшие звуки.

И все это — только для того, чтобы установить, годен ты к летной работе или нет. Соответствуют ли твои качества выбранной профессии или не соответствуют. Ведь управлять реактивной машиной может не каждый. У летной профессии

свои требования. В Ейском высшем военном авиационном училище летчиков мне рассказывали, как абсолютно здоровый курсант, чемпион округа по штанге, совершенно терялся за звуковым барьером, когда самолет мчался со скоростью больше 1300 километров в час. Пришлось его перевести в винтомоторную авиацию — там он все успевал делать. В том же Ейском училище был курсант, совершенно здоровый и «проскочивший», правда на «троечку», психофизиологический отбор. Летать в обычных условиях при хорошей погоде его научили. А когда начались полеты по приборам, парень «скис». Раз не смог самостоятельно «вслепую» найти аэродрома, другой... Инструкторы задумались: в чем дело? Пригласили из Ленинграда доктора психофизиологических наук Т. Джемгарова, чтобы еще раз проверил курсанта. Джемгаров прилетел, но обследовать парня не стал. Только раскрыл его психофизиологическую карту и показал руководству училища.

— Вот эту запись я сделал два года назад, — сказал Джемгаров. — Два года назад я предупреждал, что в сложных условиях курсант летать не будет.

— Но почему?

— А вы поговорите с ним сами. Спросите, как учился в школе.

Оказалось, будущий летчик еле-еле тянул на «троечки». Геометрия ему нужна была для формирования пространствен-

ного мышления, а он ее не любил. Арифметика и алгебра учили быстро считать и решать трудные задачи — он пропускал занятия. Литература вырабатывала способность мыслить образами — мальчишка читал книжки кое-как. Неуважение к наукам обернулось трагедией. Курсант не успевал в «слепом» полете считывать показания с многочисленных приборов, не мог определить положение самолета в пространстве, терял ориентировку. Пришлось уйти из авиации.

— Все, — доносится будто издали. — Испытание закончено.

Выключаю мотор и чувствую, как тело наполняется усталостью. Мокрая рубашка прилипла к спине. В глазах — какое-то мерцание. Но расслабляться нельзя. Еще много работы. Очень много. Люди в белых халатах усаживают меня за аппараты. Потом я зачеркиваю с наибольшей скоростью в скучном тексте одни и те же буквы «о» и «к», «к» и «о»... По особому сигналу пытаюсь мгновенно определить, куда направлены стрелки 50 компасов... Запоминаю десятки цифр, неожиданно возникающих на световом табло... Нажатием кнопок «сбиваю» внезапно возникший на экране сложного прибора самолетик... И все это — помимо бесчисленных медицинских кабинетов, испытаний в барокамере, на вращающемся кресле и на качелях... Работать приходится по шесть часов. На второй день,

когда под жуткий визг магнитофона быстро вычеркиваю из абсолютно бессмысленного текста какие-то слова, медики начинают улыбаться.

— Это испытание на внимательность — объясняет один. — Мы проверяем вас как пилота. А недавно тут были кандидаты в космонавты. Работали весь день. С максимальной отдачей. В конце пятого часа один не выдержал, вскочил, кричит: «Это издевательство! Зачем мне в космосе эти буквы!» Проверили его задание: 214 пропусков и ошибок! К тому же повышенная возбудимость, неумение сдерживать себя. Ну как такогопустишь в космос? И невесомость, и одиночество там длятся неделями. Месяцами даже. А он после пятого часа «взбунтуется», захочет на землю, не выполнит задания. Или, еще хуже, перепутает по невнимательности кнопки. Чтобы этого не случилось, приходится тщательно проверять всех кандидатов на земле. И это не мода — требование времени.

— Ну что ж, — сказали в конце третьего дня медики. — Психофизиологический отбор вы прошли. Осталось последнее испытание — полет. Победа в боевую часть и поработаете на тренажере. Это будет ваша седьмая проверка.

От этого известия — будто гора с плеч. Напряжение каждого мускула, каждого нерва, накопившееся за три дня испытаний, бесследно исчезло. Простившись с экспериментаторами, я помчался домой. Уложил в портфель блокноты, магнитофон. В Н-ское авиационное подразделение ехал сначала на поезде. Потом — на машине. К тренажерному цеху шли пешком через лес. Проходя мимо взлетно-посадочной полосы, остановились. На рулежных дорожках стояли странные, необычной формы истребители. Что-то вроде утюга. Но летчики утверждали: если «утюг» пройдет на максимальной скорости, его просто не увидишь. Земле достанется только реактивный гром да что-то похожее на отблеск молнии. На самой же малой

скорости будет ползти чуть быстрее небесного тихохода, и неискушенный зритель наверняка примет его за музейный экспонат. Но у этого «экспоната» — колоссальные возможности. За считанные минуты он перекрывает сотни километров. Уничтожает любую цель: на земле, под землей, над верхушками деревьев. И вообще — машина что надо. «Недостаток» один: рядовому пилоту дается трудно. Стартуют на ней только летчики-инженеры.

— Ты не сумеешь, — прямо сказал сопровождающий меня молодой капитан. — Таких машин восемь лет назад не было. Маршал правильно сделал, что запретил тебе подниматься в воздух. Впрочем, зачем гадать. Пошли.

И вот тренажер. Так же, как в кабине самолета, дрожали стрелки приборов, отсчитывая скорость, высоту, давление масла, обороты турбины, курс самолета. Так же уходила на виражах куда-то в сторону линия горизонта. Ревел двигатель. Поддерживалась связь с

землей. Все — как в воздухе. Только без перегрузок. Еще раз осмотрев кабину и «проиграв» в уме действия на старте, я нажал кнопку:

— 801-й готов.

— Хорошо, 801-й, — ответила земля. — Сложный пилотаж делать не будем. Начнем с «коробочки». Взлетайте.

И тут случилось что-то непонятное: я выжал до упора сектор газа и, когда турбина вышла на взлетный режим, отпустил тормоза. Взлетная полоса не понеслась навстречу, как обычно, а как-то странно скользнула под фюзеляжем и... пропала. Еще мгновение — и на вариометре стояло 2000 метров!

— 801-й, внимание! Выключите форсаж, — щелкнуло в наушниках. — Так и в космос можно улететь. Это же не МИГ-17.

Через минуту:

— Возьмите курс 210. Слишком удалились от аэродрома.

Еще через две минуты:

— Вы, конечно, еще можете сесть, но снижаться надо со

скоростью 50 метров в секунду.

Потом наступило молчание. Невыносимо долгое молчание. По моим расчетам, я уже давно выполнил «коробочку» — полет по кругу вдоль аэродрома, — давно приземлился и даже зарулил на стоянку.

— Земля, — нажал кнопку передатчика. — Вас не слышу.

В наушниках — тишина. Потом глуховато, откуда-то издалека донеслось:

— У нас была минута молчания, 801-й.

— Не понял.

— Вы врезались в землю в 32-х километрах от посадочной полосы.

Так «трагично» закончился первый «полет». После второго — снял мокрую от пота рубашку и, выслушав замечания, снова пристегнулся ремнями. Результат оказался тот же. Кое-как приземлиться удалось лишь после четвертой попытки. И то сорвавшись в штопор. На пятой — «сломал» стойку шасси. На шестой — проскочил полосу. На седьмой... В общем освоить «утюг» не удалось. Я уходил из тренажерного цеха побежденным. На душе было чувство горечи, досады, недоумения. А новейшие истребители, таинственно загадочные и непокоренные, недвижно стояли на рулежной дорожке, вонзив в ночное небо пронзительно острую иглу фюзеляжа. Я долго смотрел на них с завистью и восторгом.

Утром я позвонил Главному маршалу авиации. Он выслушал, помолчал, как и в первый раз, спросил:

— Теперь вы поняли, почему я не пустил вас в воздух?

— Да, — сказал я. — Понял.

— Авиация уже не та, что десять лет назад. Или даже пять, — размышлял вслух маршал. — Она более чем сверхзвуковая. Ребятам, мечтающим об авиации, так и передайте: «троечников» в авиацию не берем. Не потянут. Современный военный летчик должен быть разносторонне развитым человеком. Вопросы есть?

— Вопросов нет, товарищ Главный маршал авиации.

— Тогда — до свидания.

ЧЕЛОВЕК СМОТРЕЛ НА НЕБО...

Летняя встреча

СЕРИЯ **20**

„КИНО
СНИМАЮТ ПОД ВОДОЙ“

КАК КИНОКАМЕРА
ОПУСТИЛАСЬ ПОД ВОДУ

Кинозвезды
Ива Кусто

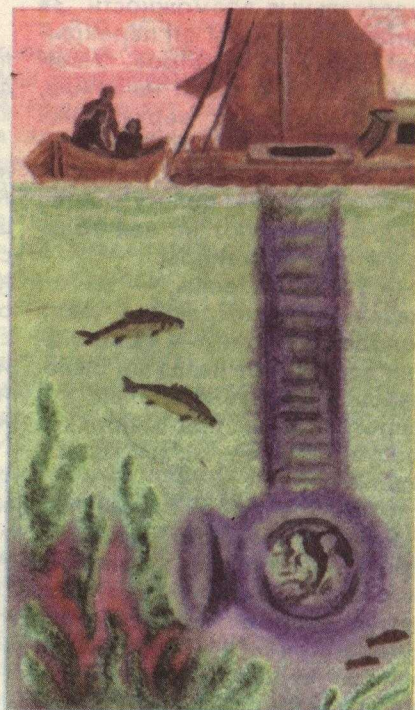
ДЕВОЧКА
И ДЕЛЬФИН

Оформление Т. Соловьевой

Открытия часто начинаются со случайностей — вспомним хотя бы яблоко, упавшее на голову Ньютона, или забравшегося в ванну Архимеда. Ну, а если это так, то и открытие подводного кинематографа началось, можно сказать, со случайности — шел человек по улице и глядел в небо. Улица была узкая, старая, дома в вечернем зеленоватом свете казались огромными и мрачными, как древние скалы, а сам человек был с богатым воображением. И он представил себя на морском дне.

«А почему бы не попробовать снять под водой фильм?» — подумал пешеход. Это была очень смелая идея, особенно если учесть, что дело происходило в 1913 году, когда и фотография-то еще не перестала считаться чудом.

Но этот человек — репортер, карикатурист и фотограф газеты «Виргиния пайлот» Джон Эрнест Уильямсон — был человеком дела. И через некоторое время он уже спускался под воду в оригинальной камере для спасательных работ на не-

большой глубине, построенной его отцом — морским капитаном. Круглый шар с застекленными иллюминаторами подвешивался под дно баржи на гибком металлическом шланге. Уильямсон его остроумно назвал «Дыркой в воде».

Вскоре он принес заведующему редакции Кевиллу Гленнэгу первые снимки, запечатлевшие красивые водоросли, любопытных рыб, тыкавших мордами в стекла иллюминатора. Вместе со снимками на стол Гленнэга лег план съемок будущего фильма.

То и другое было напечатано в газете.

Сенсация не прошла незамеченной: в Голливуде Уильямсону предложили аванс в счет будущего фильма.

Теперь уже на стол Гленнэга легко заявление Уильямсона об уходе из газеты.

— О'кей! — воскликнул заведующий редакцией и... немедленно уволился сам, чтобы вместе с Уильямсоном и кинооператором снять первый в истории мирового кинематографа фильм под водой.

Съемки проходили у Багамских островов.

Пленка с подводными пейзажами не очень удивила киноманов Голливуда, и Уильямсон решил снять приключенческую ленту о сражении человека с акулами. Провести бой с морской хищницей вызвались за вознаграждение два ныряльщика. Но один из них в пылу сражения слишком далеко ушел от неподвижной кинокамеры, а второй... отсиделись за лошадиной тушей — приманкой для акул, спущенной под воду.

— О'кей, — сказал расстроенный, но не павший духом Уильямсон. — Фильм все-таки будет! Я сражусь с акулой сам.

Он нагнулся за борт и считал акул. Их «паслось» около дюжины. Когда одна из акул вошла в кадр, Уильямсон мах-

нул рукой на судьбу, набрал в легкие воздуха и прыгнул.

Увидев хищницу, мчавшуюся к нему с разинутой пастью, храбрец прежде всего скосил глаз на камеру; кинооператор работал в поте лица.

Сражение было нелегким; акула бросала Уильямсона из стороны в сторону. Он потерял сознание.

...Очнувшись в спасательной лодке, он увидел над собой радостные лица товарищей, все поздравляли его с успехом.

Эпизод боя с акулой был самым эффектным в картине «Подводная экспедиция Уильямсона». Картина стала сенсацией мирового кино.

Позже этот кинематографист сделал еще ряд подводных фильмов: «Девушка у моря», «Подводный глаз». Шедевром стала его картина «Двадцать

тысяч лье под водой», снятая по книге Жюль Верна.

М. ПАВЛОВА

ЖИВОЕ МОРЕ

В солнечных лучах, пробивающихся сквозь воду, покачиваются земля и красно-бурые водоросли, стремительно проносятся рыбки, деловито снуют многорукие жители морского дна. Идет известный всему миру фильм «В мире безмолвия». Снимал фильм Жак Ив Кусто, известный французский исследователь морских глубин.

Вот как Жак Ив Кусто познакомился с подводным миром. Чтобы соленая вода не щипала глаза при плавании, однажды надел специальные очки. То, что он увидел, покорило его на всю жизнь. Вместе с другими энтузиастами подводного плавания он долгие годы работал над созданием снаряжения для подводных исследований. Первым снаряжением Кусто были довольно неуклюжие очки и трубка, которую его коллега смастерил из садового шланга. Зато потом сколько изобретений подводного снаряжения сделает достоянием всего мира Жак Ив Кусто! И самое главное: акваланг. Он позволил людям плавать свободно, наподобие рыб, и не быть связанными с поверхностью воды водлазными шлангами.

Почти во всех погружениях аквалангистов Кусто в глубины океана их сопровождала кинокамера. Кинозвездами становились осьминоги, омары, кальмары. И сами подводники. Когда фильмы Кусто выходили на экраны, они собирали такое же огромное количество зрителей, как и приключенческие ленты. Подростки по несколько раз бегали смотреть «Море на глубине десяти саженей», или «Потопленные суда», или «В мире безмолвия».

Подводным кинооператорам пришлось пережить немало трудных моментов. Нужно было приспособить аппаратуру к подводным условиям — упрятать все в водонепроницаемые боксы, придумать защиту от огромного давления, которое не выдерживают обычные приборы, создать необходимое освещение.

Непросто бывало и уговорить новоявленных морских кинозвезд сниматься. Приходилось то подолгу караулить с камерой за выступом подводной скалы интересный момент из жизни «героя», то гнаться за ним, состязаясь в умении плавать.

А однажды Кусто пришлось при встрече с акулой использовать кинокамеру как... оружие. От удара камера смялась.

Каждый фильм Кусто призывает новых смельчаков дерзать и открывать людям тайны морей. Океан должен стать человеку близкой и привычной средой, щедро поделиться с людьми своими несметными богатствами.

Ж. ТАЙЦЛИНА

ПУСТЬ ПРИПЛУВУТ ДЕЛЬФИНЫ

Мы приехали на берег моря снимать фильм о дельфинах. Дельфинов только что поймали и посадили в вольеры — загонны, сделанные из рыбацких сетей. Поймали ученые, для своих надобностей.

Дельфины все были дикие напуганные, недоверчивые.

Мы с кинооператором проводим у вольеров целые дни. Сидим на камнях и смотрим, как то там, то здесь на какую-то долю секунды появляется голова дельфина, раздается характерное «пых» — выдох — и мелькает спинной плавник.

Мы размышляем — что снимать? Делать фильм — о чем?

Иногда после захода солнца дельфины начинали прыгать.

«Заводилой» был, как правило, дельфин, что сидел в крайнем вольере. Неожиданно выбрасывал он из воды сильное тело и с размаху плюхался обратно. Тотчас к нему присоединялись другие. Поднимался шум, грохот, плеск, летели брызги!

Это было очень красиво, но оператор пожимал плечами: далеко ли уедешь на одних прыжках? И мы уходили спать.

В экспедиции жизнь шла не спеша, работа была рассчитана

на большой срок. На берегу сооружался бассейн, разбивались огромные палатки, налаживалась какая-то аппаратура.

Дельфинами занимались две девушки, две Тани. По несколько раз в день набирали они в ведро мороженую скумбрию, садились в маленькую лодочку и с этой лодочки, перегнувшись через борт, шлепали по воде рыбой, стараясь привлечь внимание голодных животных. Нужно было побороть недоверие, добиться, чтобы дельфины начали брать рыбу из рук человека.

Как-то утром в лодочке вместо обычных Тань я заметил рыжеволосую, стриженную под мальчишку девочку лет десяти. Что-то приговаривая себе под нос, она так же полоскала в воде рыбину. Я сел на берегу на камень и стал ждать. Прошел час, второй. Девочка полоскала, дельфин не брал, я ждал.

Наконец она выбралась на берег.

— Не берет? — спросил я.

— Нет, — буркнула она и не глядя ушла.

После обеда я опять увидел ее в вольере, перед ужином — тоже.

На другое утро чуть свет девочка была у садка со ставридой. Она наполняла свое ведро не сачком, как другие, а руками. Достанет одну рыбину, понюхает, потом либо положит в ведро, либо отбросит в сторону.

— Здравствуй, — сказал я. Она опять что-то пробурчала и, взяв ведро, пошла к лодке.

— Так и голодает?

Она не оглянулась.

Я разыскал одного из руководителей экспедиции.

— Простите, что это за девочка кормит дельфинов?

— Рыженькая такая? Васса — тренер, только что приехала.

— Тренер?

— Да и неплохой. Второй год у нас работает.

Я вернулся к вольерам.

Через четыре дня дельфин взял первую рыбу. Случилось это при мне. Она ничем не выказала своей радости, просто достала из ведра вторую, поманила ею и опустила в воду. Дельфин взял и эту.

— Поздравляю, Васса, — сказал я. — Рада?

— Очень, — ответила она и улыбнулась, — теперь он не голодает. Ой, извините, доброе утро.

Я понял, что мы будем снимать фильм про эту девочку и про ее дельфина.

...Как дельфин выхватывает из рук Вассы скумбрию, мы сняли довольно быстро. Особых усилий для этого не потребовалось. Оператор устанавливал камеру на берегу и снимал общий план. Потом он забирался к Вассе в лодку и снимал крупный.

Прошла неделя.

— Завтра иду к нему в воду, — сказала нам Васса, — там он ко мне скорее привыкнет: увидит, что между нами много общего — оба плаваем, и привыкнет.

Назавтра в семь утра мы были у вольера. Васса надела ласты и маску, взяла в руки мешочек с рыбой и нырнула.

Оператор нажал кнопку камеры. Шли секунды, камера работала, пленка шла, на поверхности воды никто не появлялся.

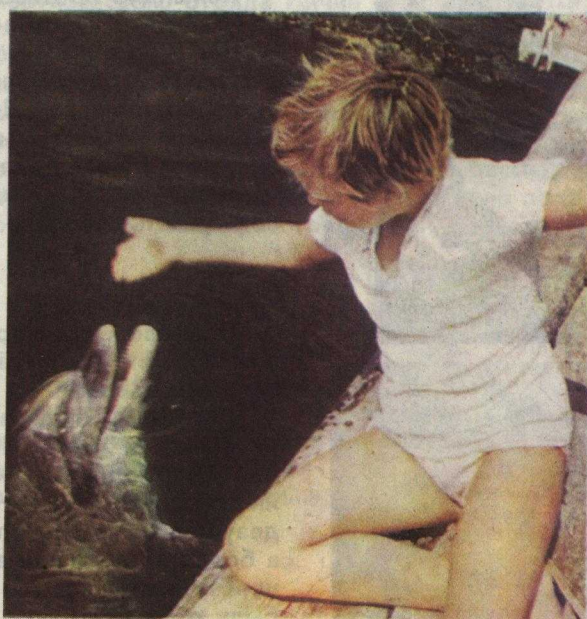
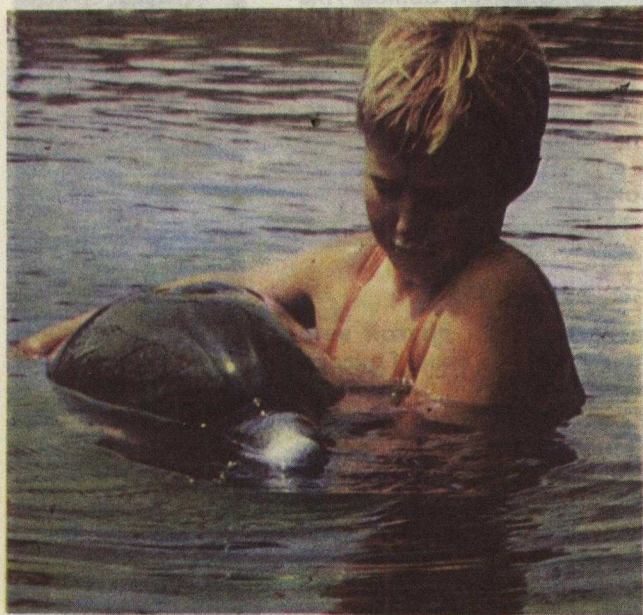
Потом вынырнула Васса, огляделась и снова нырнула, с силой ударив по воде ластами. Потом появился дельфин, потом опять Васса и опять дельфин. Прямо — они играют в прятки!

Не отрываясь от камеры, Александр Николаевич поднял вверх большой палец — отличный кадр!

Васса провела в это утро в вольере около часа. Когда она вылезла из воды, ее колотило.

— Совсем н-н-не боится... з-з-здорово.

Пришла и наша очередь спускаться под воду.

Кадры из фильма „Пусть приплывут дельфины“

Подводные «вахты» длились подолгу. А надо сказать, что июнь тем летом выдался на редкость холодным.

Все вместе мы, дрожа, вылезали на берег, грелись. Подплывал следом и дельфин, подбирался чуть ли не к нашим пяткам: кивал головой, шлепал по воде хвостом.

То ли любопытство брало верх, то ли Васса своим примером умела его успокоить, но он перестал бояться, и мы, ловя редкие часы тихой погоды, сумели наконец отснять нужные эпизоды.

А потом дельфин и девочка совсем подружились. Бастер, так Васса звала дельфина, стал

подплывать к мосткам при нашем появлении на берегу, высываться из воды «по пояс», весело прыгать, призывая начинать съемку. И мы снимали и снимали эти удивительные и интересные эпизоды дружбы человека и дельфина.

О. ЕРЫШЕВ,
кинорежиссер

ПИОНЕРСКАЯ ЛЕТОПИСЬ ПОХОДА „КУРС-ПОБЕДА!“

СЛЕДОПЫТЫ
ПРОДОЛЖАЮТ
ПОИСК

ЗА НАШЕ СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО

В осеннюю ночь 1941 года курсантов Подольского военного училища подняли по тревоге. Фашисты стремительно продвигались к Москве. На одном из участков фронта нужно было срочно укрепить оборону и продержаться до подхода армейских частей. И вот в бой вступили курсанты. Еще юноши, только-только освоившие практические стрельбы, теорию учившие по учебникам, они вместе со своими

Одиннадцать сумчан-ветеранов

командирами героически сопротивлялись регулярным фашистским частям.

Против курсантов были брошены танки, артиллерия, лучшие гитлеровские войска...

Командир противотанковой батареи Семен Ильич Данкевич вспоминает об одном курсанте. Весь расчет дота погиб. Но не смолкал пулемет, меткие очереди отбрасывали и уничтожали фашистов, штурмовавших дот. Двадцать четыре часа держался дот, пока не кончились пулеметные ленты. В этом бою возле дота полегло около двухсот пятидесяти гитлеровцев... Смелый воин погиб, и пока не удалось узнать его имя.

О боевом прошлом вспоминает и другой ветеран Великой Отечественной войны — Нина Григорьевна Васильева.

Летом 1941 года через поселок Свесса проходила воинская часть. Нине было тогда девятнадцать лет. Она попросила командира части взять ее санинструктором. Так Нина стала бойцом. Храбрая девушка не только перевязывала раненых. Когда в боях под Москвой в ее роте был ранен заряжающий, Нина заняла его место у пулемета. И фашисты были отбиты...

Орден Славы, медаль «За боевые заслуги», медаль «За освобождение Варшавы»... Так воевала Васильева, сначала санинструктор, а потом — бесстрашный боец.

Этих героев Великой Отечественной войны разыскивали следопыты Дома пионеров имени Кости Янина. Их тридцать — пионеров-следопытов из поселка Свесса Ямпольского района Сумской области.

Н. Г. Васильева

А. Ф. Бровченко

Ребята нашли и пригласили на встречу одиннадцать сумчан — участников битвы за Москву...

Нашлись у ветеранов и старые военные фотографии. Они передали их вместе с документами и реликвиями в Музей боевой славы.

Таким был тридцать лет назад Александр Федорович Бровченко. Фронтовой его путь был нелегок. От Москвы до Берлина прошел он с наступающей Советской Армией. Он кавалер ордена Красной Звезды и других боевых наград.

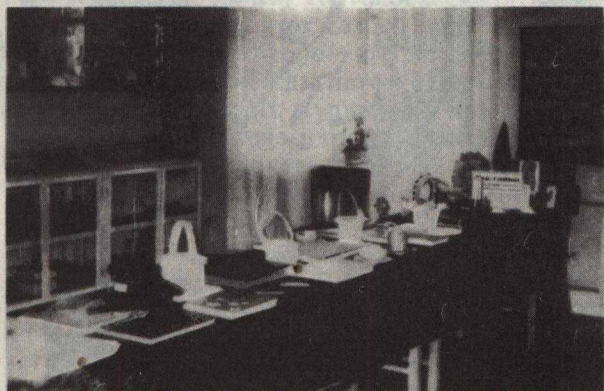

А Михаила Григорьевича Тригубченко следопыты смогли увидеть лишь на старой фотографии. Участник боев за Москву, Курск и Орел, он не дожид до Дня Победы. Он погиб при штурме Пиллау... В Музее боевой славы пионеры собрали много экспонатов.

Здесь и алюминиевая кружка, с которой прошел всю войну их земляк Белянинов, и флотская фуражка офицера Маликова, и земля с легендарного

М. Г. Тригубченко

Мамаева кургана, и фронтовые письма, и документы... Все это бережно сохраняется следопытами. Герой Советского Союза Девятаев подарил ребятам свою книгу «Побег из ада» и памятный пионерский галстук, командир партизанского отряда Инчин — книгу «Шумят леса Хинельские». Здесь, в своем музее, ребята проводят вечера, встречи и пионерские сборы. Недавно на сбор был приглашен участник Сталинградской битвы Александр Николаевич Крикунов. Он рассказал пионерам о боях за город, за каждый дом, рассказал о стойкости своих однополчан. И тоже подарил музею свою фотографию военных лет...

Оформление А. Курушина

У памятника
Павшим в боях за наше счастье

Неподалеку от Дома пионеров сохраняется братская могила. Часто приходят сюда следопыты, приносят цветы. И перечитывают имена тех, кто погиб, освобождая их родной поселок: «Серебряников, Васильев, Цветков, Аветикян...»

Следопыты заботливо ухаживают и за другими братскими могилами. Здесь проводятся торжественные линейки и встречи с героями минувшей войны.

На одной из встреч с воинами-ветеранами следопыт Нина Богомолова сказала: «Наши отцы и деды завоевали нам счастливое детство... Пусть же всегда будет чистое небо. Мы хотим, чтобы во всех странах слышались счастливые, веселые голоса детей!»

ЛЮДИ, БЕРЕГИТЕ МИР!

А. Н. Крикунов

Рассказы

Алексей ЛЕОНОВ

Рисунки А. Слепкова

о Петьке

ДЕЛОВЫЕ ПРОКАЗЫ

Жил-был у Петьки в городе дядя. Его из восьмого класса отправили учиться на рабочего. Учился он посредственно, потому что некогда было учить грамоту, голова его была полностью забита изобретениями, отчего у них в доме было полно всяких железок (так называли дядина мама и бабушка все его детали и инструменты) и не работали пылесос с полотером, кофемолка и стиральная машина, а телевизор показывал все вверх ногами, и никакие мастера не могли его снова сделать нормальным. Так вот, этот самый дядя Толя и в Петьку вселил дух изобретательства.

Приехал он однажды летом с целым рюкзаком изобретательских журналов и принялся делать деревянный мотогидровоз. Вместе с Петькой и Васькой Калачевым он перепилил доски с брусьями, которые Петькин отец берег на рамы, на ульи и прочие поделки, сколотил большой ящик (он хотел сделать такой мотогидровоз, чтобы вся деревня в него уселась и уехала в город), трубу, но на передачи не нашлось шестерен, а брат Толика, то есть Петькин отец, устроил ему контрибуцию, но не настоящую, а потребовал от него впредь ничего не брать без разрешения, к инструментам не притрагиваться, а «шасси», как Толик называл ящик, велено было расколотить, гвозди распрямить и заняться сбором грибов и ягод.

Толик на этом не остановился. Он собрал целую бригаду мальчишек и на колхозной свалке соорудил из металлолома сарай-самоход под маркой Т-П-В 9ДР.

Расшифровывалась эта марка: Толик, Петька, Васька и еще девять других ребят.

Сарай-самоход выехал со свалки в обеденное время, когда возле мастерских был только один сторож дед Пальчик, поднявший на весь колхоз тревогу. Тихоходный сарай-самоход догнали за мастерскими и преградили ему дорогу гусеничным трактором. Толик со своей бригадой сбежал. Благо рядом была канава, заросшая кустами, было где укрыться изобретателю с его подсобной силой.

Толиков отпуск кончился. Сентябрь был на носу, Толик отбыл на продолжение жизни в городе и на учебу в рабочие, а Петьке без него стало скучно, не по себе. Изобретательство — такая штука, что передается от одного к другому, тоже как болезнь и дурные привычки, и сон от этого пропадает, и время от других дел отнимается.

Петьке от дядюшки остались все изобретательские журналы. Он стал их читать и изучать самостоятельно и дочитался до того, что весь свой ум заострил на постройке самоходных саней, так как была уже осень, а за осенью должна была наступить зима, и Петька мечтал по первому снегу подкатить к школе на своих санях-самоходах.

Прежде всего Петька решил делать все один и держать это в строжайшей тайне. На лыжи он подобрал лотки от большой дубовой кадки, валявшиеся на погребке, а на сидение взял старое свиное корыто, которое было на две свиньи и ему подошло. В корыто можно было сесть и вытянуть ноги. Спереди и сзади оставались места для двух человек, если они будут сидеть на корточках. Передачи было решено сделать из прялок, деревянные легче железных. На помощь моторам Петька надумал приделать парус.

Дело, как говорят, загорелось. За два воскресенья он побывал в деревнях у бабушек и принес оттуда прялочные принадлежности, а после этого схлопотал за два дня четыре двойки и одну кое-какую тройку. Это, а потом появление в один и тот же час бабушек на некоторое время остановило Петькино изобретательство.

Бабушка Анна и бабушка Настя стали готовить прялки к долгим осенним вечерам, спохватились, а они без кругов и скалок. Порешила каждая бабушка самостоятельно, что внучек для своего какого дела пригадал круг со скалкой, пришли справиться, не сговаривались, а так вышло, что в один день они гостями, оказались.

Петька уже пригвоздил к корыту-сидению стойки, прикрепил круги. Оставалось за малым: вытесать пропеллеры и дожидаться первого снега. Петька решил не разоблачать самого себя, доделать сани-самоходы, испытать их, а потом и вернуть бабушкам их вещи. Немного задержатся с прядением — это ничего, а его дело может сорваться. Толик говорил, что настоящий изобретатель должен терпеть и голод, и холод, и палки, и каленое железо, если он настоящий изобретатель.

Бабушки сказали, что они не думали на него, что он у них внук честный и правдивый, что они просто к слову справились о пропаже. Они ушли, а Петька продолжал потихоньку свое дело. Он был еще не такой заядлый изобрета-

тель, как его дядюшка, и сумел ликвидировать двойки, за что его учительница Светлана Андреевна ставила ребятам в пример.

Машина у Петьки получилась красивая, на четырех ногах-лыжах. Лыжи он натер воском и ждал первого снега. И в школе, и дома Петька то и дело смотрел в окно и бесконечно получал за это замечания. Ему надоело ждать снега. Тучи по небу ходили низко, было холодно, а снег не шел, все лили дожди. Петька не выдержал и рассказал о своих санях-самоходах Ваське, а потом узнали об этом почти все ребята, и из-за этого упала в школе дисциплина, потому что все стали смотреть за окном, следить за погодой, и каждый спешил свои наблюдения сообщить на словах или письменно Петьке.

— Петька, Петька, снежинка пролетела, — слышался шепот с парт.

Светлана Андреевна вначале не обращала внимания на подобные сообщения, но потом и сама стала оборачивать взгляд на окно и спрашивала:

— Кому это у нас нравится создавать панику? Никаких снежинок еще нет. Осень кому-то надоела, померзнуть хочется?

— Да, да, — отвечали дружно, с притворством ребята и пуще тянулись к окнам.

— Померзнуть хочется!

— И покататься!

— На лыжах!

— И на коньках!

Петька оглядывался — он сидел на первой парте как самый способный и больше всех отвлекающийся ученик. Ребята замолкали. Они боялись Петькиного гнева. Он потом не прокатит на санях-самоходах. С ним лучше не ссориться.

Снег выпал лишь в середине ноября, после праздника. Но он был рыхлый и в тот же день стал таять. Петька вытащил сани-самоходы за сарай, надел пропеллеры на свои места — они были кривые, не уравновешенные, вращались слабо и не создавали тяги, но Петька не отчаялся. Он решил прялочные круги вернуть бабушкам, хотя те уже купили новые прялки, а сани-самоходы пустить в ветер с парусом, так еще лучше, не надо крутить руками круги.

Петька взял на парус старую дедовскую, с войны, плащ-палатку, зашил в ней прорези для рук и приладил ее к своему свиному корыту. Теперь ему помогали в работе почти все ребята, а он лишь указывал как самый главный изобретатель. Петька в это утро непил успокоительных таблеток, он еще не знал, что есть такое лекарство, от которого бываешь спокойным, и безумно нервничал, хотя тоже не знал, что такое нервничание.

Ветер дул не к школе, а вкось, но вдоль до-

роги, которая шла к бабушки-Настиней деревне Выгонке. Ребята вынесли на дорогу Петькино изобретение. Он завязал туго шапку, застегнулся по-летчицки на все пуговицы, натянул рукавицы и сел в корыто. Он дал команду поднять парус и толкнуть сани-самоходы — и не успел взглянуть на дом, как его понесло по дороге. Ребята гнались за ним. Кто-то один толкал его в спину, лез в пассажиры.

— Петька, остановись, сяду, — расслышал Петька знакомый Васькин голос.

— А как я остановлюсь? Когда ветер перестанет, тогда остановимся, — ответил Петька и подвинулся вперед.

Васька подобрал в корыто ноги. Ветер, казалось, усилился, и сани-самоходы быстрее понеслись по накатанной дороге. Ребята отстали. Промелькнул крайний дом. Их вынесло на пригорок, потом угнало вниз, под изволок. Скрылись из виду и школа, и деревня.

— Петь, а как мы домой вернемся? — прокричал Васька.

— Вернемся! — крикнул бодро и радостно Петька. — У бабушки Насти побудем. Ветер повернется, и мы домой прикатим.

— А в школу? — крикнул Васька.

Петька махнул рукой вместо ответа, что значило: «Сидишь — и сиди».

Дорога пошла под уклон в глубокий овраг. Васька от страха схватился за Петькины бока. Сани-самоходы набирали собственную санную скорость. Петька спохватился, что не приделал тормоза, и спустил за корыто ногу. Сани-самоходы свернули круто с дороги и ухнули с дорожной насыпи в обрыв.

Кто через кого летел, было не понять. Мачта переломилась, на корыте уцелела лишь одна лыжа. И Петька, и Васька были набиты снегом, как чучела опилками. У Васьки краснела ссадина под глазом, у Петьки оторвались как-то от шапки наушники.

— Вот это да! — сказал Петька. — От тормоза они вильнули. Надо было тебе тоже тормозить другой ногой.

— Кабы я знал, — сказал Васька.

— Теперь знай, — сказал ему Петька.

— А я больше не покачусь с тобой, — заявил Васька.

— А я тебя брать не буду, — ответил Петька и стал снимать с обломков саней-самоходов парус.

— Я домой пойду, в школу, — сказал Васька и полез из оврага на дорогу.

Васька ушел. Петька работал и оглядывался по сторонам. Он, хотя и не очень, но еще боялся волков и лосей. Овраг был глубокий и тянулся до темного леса. Когда Петька выбрался из оврага и огляделся, то заметил на дороге подводу, ехавшую от бабушкиной деревни. Васька был уже далеко, мелькал между кустов и ракушек. Под насыпью чернели обломки Петькиного изобретения. Ему было жалко лы-

жи и корыто, но донести все он не мог и смотрел на них, придумывая, как ему все это потом забрать домой для новых изобретений.

Подвода поравнялась с Петькой и остановилась. Петька взглянул на возчика и узнал дядю Митю. Он был мужем папиной сестры, жил в одном доме с бабушкой Настей.

— Петро, никак ты? — спросил дядя Митя. — Чем ты тут занимаешься?

— А вон, крушение, — сказал Петька, показав на обломки саней-самоходов.

— Что это такое?

Дядя Митя слез с саней, встал рядом с Петькой и, положив ему руку на плечо, стал смотреть на свиное корыто с палками.

— Я сани-самоходы изобрел, — сказал Петька. — Хотел к вам приехать, а они туда свернули...

Дядя Митя вдруг рассмеялся.

— Петро, а что у тебя за шапка?

— Порвалась от крушения, — сказал Петька, показав оторванные наушники. — А у Васьки синяк.

— А где Васька? — испугался дядя Митя.

— Ушел. Он вредный.

— Ну, не будем сейчас разбираться в этих делах. Что будем делать с обломками твоего транспорта? Погрузим на сани?

— Погрузим, — обрадовался Петька. — Я

лучше сделаю, с рулем. Я знаю, я про такие в газете читал...

— Сделаешь, — поддержал дядя Митя и полез под насыпь. — Ты у нас большой мастер. Бабушка часто вспоминает тебя, как пряхь садится на новой прятке. Привыкнуть к ней никак не может.

— Я принесу ей старую, — сознался Петька. — Я хотел с пропеллерами делать, а ничего не вышло.

— С пропеллерами сложно, — ответил дядя Митя. — Тут умение нужно.

Дядя Митя вынес из оврага корыто. Петька собрал лыжи, обломки мачты. Они погрузили все на сани и поехали. Дядя Митя вдруг спросил:

— Петро, а в школу как же?

— А, школа, — сказал Петька, снова махнув рукой. — Завтра. Догоню.

— Я те догоню, — пригрозил дядя Митя и, посмотрев на часы, погнал лошадь.

Васька шагал в расстегнутом пальто. Под глазом у него синело. Он сошел с дороги в снег и удивленно уставился на Петьку. До дома шагать было еще далеко, а из него уже вышел весь дух.

— Садись, — крикнул Петька. — На этих саях не убьемся.

НЕ ЖАДНЫЙ И НЕ ЛЕНИВЫЙ

Пошел Петька по берегу реки посмотреть, где как лед проплывает. Смотрит, а под берегом на ледяной кромке стоит дядька с длинным багром и смотрит на реку, вдруг берет багор, направляет в реку и тянет к себе то бревно, то доску, то корягу. Большую кучу дров наловил и все вылавливает и вылавливает.

Долго Петька смотрел на этого дядьку, замерзая от речного ветра, а тому хоть бы что, знай себе багрит и багрит то полено, то бревно, то доску.

«Жадный, — решил Петька. — Все дрова переловил».

За обедом отец спросил у Петьки:

— Ну, сын, рассказывай, что ты сегодня высмотрел на реке?

— Дядьку жадного, — сказал Петька. — Он все дрова поймал одному себе.

— Ну, он не жадный, — сказал отец. — Просто расчетливый, готовые дрова берет. В лесу то их надо купить...

— А что, у него денег нет? — перебил отца Петька.

— Есть деньги, только он бережливый, не хочет зря бросаться трудовой копеечкой... В лесу купи дрова-то, да спили их, да перевези к дому...

— Он ленивый, — снова перебил отца Петька.

— Ленивый не стал бы целый день багром на реке работать. Ленивый лежал бы на диване да по потолку пустую грамоту с утра до вечера читал бы.

— А какой он тогда? — спросил Петька.

— Наверное, хозяйственный, — ответил отец. — Наберет он на реке дров, будет год топить ими печи, а лесные дрова к будущему году сберегутся... А еще и другая польза от его занятия: море чище будет, в корабельные винты топляк не будет попадать, аварий на море меньше случится. Ну, понял, какой этот дядька?

— Понял, — ответил Петька. — А я думал, он жадный и ленивый, а он и не жадный, и не ленивый.

ГРИБНАЯ АЛЛЕРГИЯ

В Круглове Петьку знали все от мала до велика. Он самостоятельно с давних пор стал ходить пешком к бабушке Анюте, и поэтому его все признали. Первое его знакомство было с председателем колхоза Иваном Петровичем.

который никогда не сидел дома, а все катался в машине по всем деревням и в город.

Петька шел по дороге, смотрел на птиц, то убежавших от него по дороге (это были трясогузки и горлянки), то взлетающих с обочин и

скрывавшихся в хлеба, то перелетавших с дерева на дерево. Тогда цвела рожь, и от нее пахло ржаной пылью. Рожь была высокая и густая. Васильки наклонились и выглядывали на дорогу.

Петьке хотелось спрятаться, но прятаться не от кого было, и он шел себе ни ходко, ни валко и думал о птицах, завидовал им, что у них есть крылья и они могут летать.

«Придумали бы тоже крылья, — мечтал Петька. — Можно бы только детские. Маленькие, легкие. Тогда бы я полетал. Вот бы за воронами погонялся».

Сзади послышался гуд мотора. Петька подумал, что где-то летит самолет, но увидел пыль над рожью и обрадовался, что его догоняет машина.

«Хорошо бы, грузовая была, — подумал Петька. — Если грузовая — подниму руку, и она остановится, подвезет меня. А легковушки не останавливаются. Легковушки вредные».

Машина показалась на дороге.

— У, легковушка! — сказал Петька и зашагал дальше по пешеходной тропке. — Эта не возьмет.

«Я когда вырасту и буду шофером, — стал думать Петька, чтобы обиды на легковушку не было, — то всегда буду останавливаться, если кто на дороге встретится».

Петька не оглядывался и не заметил, как машина сбавила скорость и остановилась, поравнявшись с ним дверцей.

— Прохожий! — окликнули Петьку.

Петька испугался, но сообразил поднять плечи, выпрямиться, чтобы не подумали, что он робкий, и повернулся на голос.

Из машины высунулся человек. Петька сразу угадал, что он добрый и шутник. Петька приложил козырьком ко лбу ладонь, хотя солнце светило в затылок, отозвался:

— Чего? Здравствуйте.

— Здравствуйте, — ответил шофер и спросил: — Далеко шагать?

— А не видать куда, — ответил Петька. — А вам?

— И мне туда же, — ответил шофер.

— По пути, — вздохнул Петька. — А вы чьи?

— Садись в машину, по дороге поговорим.

Петька посмотрел: машина вся пустая, спросил:

— А назад или спереди садиться?

— Где понравится.

— Спереди, — сказал Петька и сел. Он хлопнул дверцу, стрельнул глазами так метко, что все разом и рассмотрел, и заговорил:

— Я вашу машину не видал.

— В Маленках-то? Пожалуй, не видал. Я стороной вашу деревеньку объезжаю, — ответил шофер.

— А почему? — спросил Петька.

— Да захудалая деревушка: дыра дырой...

— Стойте, — сказал Петька.

Машина резко остановилась. Петька выскочил из нее и пошел пешком не оглянувшись.

— Сам захудалый, — бубнил Петька. — За рулем сидит и задается, хухры-мухры...

Машина снова поравнялась с ним, и тот же голос заговорил:

— Послушай, мальчуган, ты напрасно обиделся.

Петька шел, не обращая внимания на говорившего.

— Я не то хотел сказать. Просто мне у вас нечего делать, — оправдывался обидчик. — Я бабушку одну подвожу иногда, но она за деревней выходит. А дел мне там никаких нет.

Петька посмотрел на шофера и сказал:

— И пускай нет. А я-то вам на что?

— Подвезти хочу. Под бабушкино крыльцо подкатим.

— А вы не знаете, кто моя бабушка, — сказал Петька.

— Не знал — не говорил бы.

— А кто она? — спросил Петька.

— А бывшая колхозница, Анна Яковлевна Ворогушина. Теперь она на пенсии, но еще помогает и колхозу.

Петька остановился, подумал и сказал:

— Ну ладно, сяду.

Петька догадался, что это кругловский председатель. Он знал о нем от бабушки. Ее председатель и подвозил в Маленки, но «дыру дырой» простить он председателю не мог и сидел в машине дулся.

— Серьезный ныне мальчуган пошел, — заговорил председатель. — Слово скажешь — в обиду.

Петька промолчал.

Он смотрел на дорогу и заметил, что машина идет на тихой скорости. Председатель не спешит, хочет с ним поговорить по душам.

— Так и будем молчать? — спросил председатель.

— Да, — ответил Петька. — Не будете ругать нашу деревню.

— Чью это — вашу? Может быть, твою?

— Нет, нашу, — повторил Петька.

— Я не то хотел сказать о вашей деревне, — стал оправдываться председатель. — Дыра дырой в том смысле, что ваша деревня стоит в районе самой крайней, а на карте она словно в мешке.

— Пускай, — сказал Петька. — На карте ошиблись.

— А пожалуй, — поддержал председатель Петькины соображения. — На глаз провели линию, а глаз не точен.

— Может быть, об одном глазу был, кто рисовал карту, — сказал Петька и рассмеялся.

Председатель прибавил скорость, повеселел, радуясь тому, что разговорил Петьку.

— Ну, а как тебя зовут? — спросил председатель. — Давно встретились, а не познакомились. — Меня зовут Иваном Петровичем.

— А меня Петром Ивановичем, — сказал серьезно Петька.

— Почти тезки.

— Наоборот тезки, — поправил Петька и рассмеялся. — Здорово, правда?

— Здорово, — ответил Иван Петрович и спросил: — Ну, Петр Иванович, к бабушкиному крыльцу подвезти тебя или у речки сойдешь?

Петька подумал немного. Ему хотелось подкатить на машине к бабушкиному дому, показать, что его не кто-нибудь, а сам Иван Петрович доставил на своей машине, но и в речке хотелось обкупнуться, за тем и шел по жаре.

— Меня бы к речке и к крыльцу, — сказал Петька.

— Исккупаться хочешь? — спросил председатель — Если не долго, подожду.

— Нет, я быстро! — обрадовался Петька. — Я прямо в штанах и в рубахе. Так совсем быстро.

— Плавать хорошо умеешь? — спросил председатель и свернул с моста на берег.

— Еще как умею, — ответил Петька и добавил: — С детства научился.

Лишь остановилась машина, Петька вырвался из нее, разбежался и солдатиком шарахнул в речку. Из воды председатель встретил Петьку веселой улыбкой.

— Ну, садись, — сказал он. — А то у меня дел много.

— А отжиматься? — спросил Петька.

— Высохнет на теле, — ответил председатель. — Сейчас жарко.

У бабушкиного крыльца Петька важно выбрался из машины, поблагодарил председателя, сказал «до свидания» и не спеша пошел на крыльцо.

Бабушка была в саду и не видала, как ее внук подъехал на машине с самим Иваном

Петровичем. Петька обежал дом, нашел бабушку и представился:

— Бабушка, я приехал.

Бабушка обрадовалась, бросила все дела и — к Петьке со словами:

— Внучек ты мой хороший, пришел. По бабушке соскучился...

— Я приехал, — сказал Петька, — на легковушке.

— Умница, что приехал, — похвалила бабушка. — Меня, старую, наведать приехал...

— На легковушке я, бабушка! — снова повторил Петька, что он не просто пришел пешком и приехал на чем-нибудь, а прикатил на легковой машине.

— Хорошо, хорошо, — твердила свое бабушка. — Дорогу как ни одолел, всяко хорошо.

— Да нет же, бабушка, не понимаешь ты ничего! Меня сам председатель привез.

— Председатель, — сказала бабушка без удивления. — Теперь председатели-то первые возчики. У них машины свои, и на месте они не сидят, колятся по всем дорогам.

— Ваш председатель, — сообщил Петька.

— Иван Петрович? Он подвезет. С ним и я не раз каталась. Ох, а мокренький-то ты что же?

— Я искупался в речке, — ответил Петька. — Еще пойду купаться и удочку возьму.

— Погоди, обедать будем.

— Нет, бабушка! — крикнул Петька и пошел собирать червей под колодами.

С речки Петька вернулся поздно с пескрями, плотвой и голавликами. Бабушка сготовила ему обед, а на последнее, на закуску, поставила знакомый ему с давних пор горшок с пенками.

— Отобедаешь да письмо с тобой отпишем, — сказала бабушка. — Случай такой, что надо пограмотнее составить письмо-то.

— А какой случай? — спросил Петька набитым едой ртом.

— Важный случай, — ответила бабушка. — Ты не спеши, ешь, а потом от тети Веры дам прочесть тебе письмо и ей ответим. Видишь ли, внучку она мне подарила. Теперь у меня внучков-то, слава богу, четырнадцать, за дюжину перевалило.

— А дюжина — это сколько, бабушка? — спросил Петька.

— Это двенадцать.

— Ну, она давно была, а ты только обрадовалась. Тринадцать когда было, тогда и перевалило за нее, — уточнил Петька.

— Тринадцать-то тоже дюжиной зовется. Только несчастливой, — объяснила бабушка.

Петька отобедал, обтер рукавом губы, сказал.

— Давай, бабушка, читать буду и писать ответ.

Бабушка подала Петьке письмо, показала, с

какой странички начинать, потому что листки были маленькие и было их много. Он прочитал: «Здравствуйте, мои дорогие родные!» А дальше чтение не поддавалось. Пык-мык — и остановка. Бабушка знала письмо наизусть и подсказывала чтецу непонятные слова.

— Бабушка, а зачем читать-то? Ты все знаешь уже так.

— Мало ли что я знаю. Для освежения памяти лишний раз надо прочесть. Письмо-то не какое-нибудь, а важное. Ответ надо составить ладный. Они зовут на внучку посмотреть, а я занедужила. Надо им об этом написать.

— Как занедужила, бабушка? — спросил Петька.

— Захворала, внучек мой. Аллергия у меня. Ноженьки мои отяжелели и рученьки набухли, не поднять.

Письмо Петька писал долго. Бабушка не говорила, где надо ставить запятые, точки, вопросительные и восклицательные знаки. Петька решил вообще никаких знаков препинания не ставить, а в конце письма приписать несколько строчек одних знаков — и пусть там сами их расставляют, а если их не хватит или мало будет, то в другом письме можно или добавить, или недописать. На заглавные буквы он придумал в каждом слове писать по одной большой букве, чтобы и заглавных букв хватило.

Писал Петька, не отрывая глаз от бумаги. Бабушка наговаривала ему строчку за строчкой.

Вдруг он остановил руку и поднял голову.

— Бабушка, а как писать болезнь? — спросил он.

— Я же тебе говорю, — ответила бабушка. — Болезнь — аллергия.

— А сколько «л» надо: две или одну?

— Сначала «а», потом «л» идет следом. А сколько их — кому знать об этом? Пиши, сколько напишется. Хоть три поставь. Лишней не будет. Они там грамотные, разберутся.

— А ты не грамотная? — спросил Петька.

— По-своему грамотная, а на всех мало моей грамоты, — ответила бабушка. — Пиши, стало быть: «Обрадовали вы меня внучкой, а приехать поглядеть на нее я не сумею, болезнь у меня, аллергия. Привезете бабке на молоко, тогда и посмотрю».

— Ты не сразу говори, бабушка, — попросил Петька. — Я за тобой не поспеваю.

— Выводишь каждую букву — строчи знай, где без хвоста, без закорючки — поймут. Петька дописал предложение, ткнул перо в чернильницу и вытащил на кончике пера муху.

— Бабушка, все, все, все, писать не буду!

— С чего не будешь? — спросила бабушка.

— Муха!

— Укусила, что ль?

— Нет еще. Там муха. — Петька показал на

чернильницу с оставленной в ней ручкой. — Мушным чернилом не буду писать.

— Забилась домовая пить да опилась, — сказала бабушка. — Пускай ее там лежит, а ты пиши.

— Нет, не буду, — повторил Петька. — Я мух не люблю.

Петька вылез из-за стола. Бабушка стала ругать муху.

— Нам еще бы строчечку добавить, — сказала бабушка. — Ну, так завтра новый порошок разведу — допишем.

Под окном остановилась машина. Петька выбежал из дома. Подъехал Иван Петрович, привез бухгалтершу, а она привезла бабушке деньги за работу в колхозе.

Получила бабушка деньги, вышла проводить бухгалтершу и заахала вдруг.

— Фросечка, голубушка, беда случилась! Платье запачкалось. У меня, поди, сели на что-нибудь. Ах, беды мои, беды...

Фрося обернулась, посмотрела на платье и сказала:

— Залиняло. У вас на лавке ничего синего не лежало?

— Ох, Фросечка, нет. Смахивала ладошкой лавку, — ответила бабушка.

Фрося подошла к машине и провела рукой по сидению. Петька стоял и разговаривал с председателем.

— Иван Петрович, — перебила их разговор Фрося, — что же вы меня на мокрое сидение посадили? Я платье загубила.

— Неужели! — удивился Иван Петрович. — Как же оно могло намокнуть? — Иван Петрович строго взглянул на Петьку и сказал: — Через брод ехал, заплеснулась, видно, вода. Садитесь на заднее сидение, там сухое.

— Спасибо, — с обидой сказала Фрося и села в машину, а Петька попятился к дому и скрылся на крыльце.

Утром бабушка разбудила рано Петьку, покормила холодным завтраком и повела в лес за грибами.

Трава была в густой росе, вся сизая от ее капелек. Петька хотел спать и отставал от бабушки. Она понукала его идти быстрее, а он не владел собой: и руки, и ноги, и голова двигались отдельно друг от дружки. Ноги ленились, руки прятались в карманы, а голова дремала. Но скоро вышло большое и горячее летнее солнце. Петька ожил и заговорил с бабушкой. Он первым долгом рассказал ей, что это от него Фрося испортила платье. Он, мокрый, сидел в машине с Иваном Петровичем, а потом села она на его место.

Бабушка расстроилась, посоветовала купить Фросе новое платье.

— А где я денег возьму? — спросил Петька. — Я копил один раз, а они не накопились.

— И не надо копить. Сами появятся, когда вырастешь да работать станешь, — ответила бабушка.

— А платье когда куплю? — спросил Петька.

— Тогда и платье купишь. Не забывай только свои долги.

— Нет, не забуду, — ответил Петька. — Тогда — это еще лучше. — Петьке стало очень весело. Он запрыгал по тропинке через ножку, обернулся и спросил: — Бабушка, а ты говорила, что ты больная, а сама идешь в лес.

— Такая у меня болезнь, — ответила бабушка, улыбаясь. — Грибная аллергия. Разве они отпустят куда, грибки-то! Никуда не отпустят...

ВЕЛОНОЖКИ

Васька Колачев прокатил под окнами Петькиного дома на новеньком велосипеде, прокричал:

— Петька, эй, Петька, погляди!

Когда Петька выскочил за порог, то Васька, виляя слева направо, был уже далеко и лишь оглядывался, смотрит ли на него Петька.

Петьке пришлось бросить почти все дела и отправиться к другу, посмотреть на велосипед. Но по дороге он стал думать, почему же Васька не остановился у дома. Когда у него не было велосипеда, он и не вылезал от них, а теперь даже не остановился. Петька догадался, что Васька задается и зазнался сразу, и не пошел к нему. Он свернул с дороги под гору, вышел на ручей и занялся своим любимым делом, стал искать и расчищать родники, чтобы никто не заметил, что он обиделся на Ваську.

Дело было в послеобеденное время. Петька провозился на ручье до пригона скотины. К нему пришли братья Комарики. Так их звали поulichному, потому что они были Комаровыми

по фамилии, а родились они оба вместе и были похожи один на другого.

С помощью Комариков Петька старательно выгреб ил из шести родников, построил большую запруду, а потом сделал в плотине прорыв и устроил половодье и лишь после такой трудной и занимательной работы направился он за коровой.

Васька катался по деревне. Он снова пронесся мимо Петьки и не остановился. Васька даже не посмотрел на друга. Он нарочно пригнулся и смотрел на заднюю шину, словно проверял, хорошо ли она накачана. Петька прошел спокойно. Конечно, ему очень хотелось посмотреть Васькин велосипед, потрогать, прокатиться на нем, но он и не оглянулся.

Васька носился перед Петькой, надоед ему своим задаванием и доносился до того, что залетел в старую погребную яму с крапивой, издрался сам и повредил свой велик. Из ямы Васька вылетел быстро и подбежал к Петьке. Он тер ушибленные места и заговорил:

— Петь, а Петь, крушение. Отец будет ругаться.

— Не будет, — ответил Петька. — Мой отец не ругается никогда.

— Да не твой — мой, — захлюпал Васька. — Велик сломался.

Надо было что-то сказать Ваське, утешить его и помочь ему в беде, но у Петьки снова появилась на него обида, когда Васька носился перед ним на своем велике.

— Моя бабушка, бабушка Аня, нет, бабушка Настя говорила: «Тише едешь, дальше будешь».

— И моя говорила, — прохлюпал Васька. — Петь, а Петь, можно я его у вас оставлю?

— Как хочешь, — ответил Петька. — Только не задавайся потом.

— Не буду, — пообещал Васька и поволок велосипед к Петьке.

О Петькином отце говорили, что он «от скуки на все руки». О том, что он был «на все руки», было чистой правдой, а скучать ему совершенно некогда было, потому что он всегда чем-нибудь занимался, а когда руки его бывали заняты, он или насвистывал разные песни, или напевал их вслух тихо. Доказал он это и на Васькином велосипеде.

Утром, когда Петька проснулся и вышел посмотреть на убогий велик, то увидел его совершенно новеньким. Он не поверил своим глазам и потрогал его. Велосипед был на ходу. Петька догадался, что отец не спал всю ночь и занимался с Васькиным великом, чтобы ему не было дома дёру. Он вывел машину на дорогу, сел и покатыл радовать Ваську, но встретил его на пути. Васька с ревом летел к Петькиному дому, а следом за ним шла его мать с гибкой хворостиной.

Васька дома сказал все так, как решил с вечера, что велосипед он оставил у Петьки, что он за ним сейчас сходит, он дотянул допоздна, а потом отговорился, что боится идти и сходит утром, но утром Васькина сестренка поведала, что он всех обманул, что его велосипед разбит в яме. После этого Ваське пришлось не идти, а с ревом лететь от хворостины быстрее, чем на велике, лететь к Петьке. Он и не остановился перед Петькой, не узнав свой велик, помчался дальше.

— Петя, — заговорила Васькина мать, когда подошла к Петьке и подозрительно посмотрела на велосипед, — ты не видал, как Васька в яму залетел и велосипед сломал?

— Видал, — сказал Петька. — Я вот везу его велосипед.

— Это разве его? Говорили, что он свой весь искорежил.

— Не весь, — ответил Петька. — Вот он.

— Выдумают тоже, — сказала Васькина мать. — А я малого наказала. Выходит — зря обидела.

— Нет, не зря, тетя, — сказал Петька. — Он поумнее будет. И мне попадает!

— Тебе-то не за что. Ты хороший.

— Нет, это я только считаюсь хорошим, тетя. Я тоже... — Петька покрутил в воздухе рукой с растопыренными пальцами: то ли он в воздух взлетает, то ли колючий, то ли вверх ногами всегда ходит.

— Катайтесь, если исправен велосипед, — сказала Васькина мать и повернулась к дому. — Не носитесь только сломя голову, — наказала она.

— Не-ет! — крикнул Петька и покатыл на розыски друга.

В этот день Петька накатался вволю на Васькином велике, так, что ему захотелось иметь свой, и он в обед заговорил об этом вслух. Петькина мать ни слова не сказала против его желания, а отец тоже согласился купить велосипед, но сказал, что от этой машины, если ее без дела употреблять, станешь велоногим.

— Да-а? — переспросил Петька.

— Точно, — ответил отец. — Ноги отвыкают от веса тела, искривляются и передвигаются ненормально. Походка становится петушиной.

— Вот это да! — удивился Петька. — Я скажу Ваське...

— Ты не спеши, — посоветовал отец. — Пусть он велосипедит, а ты присмотришься к нему, каким он станет.

— А потом что? — спросил Петька.

— Потом исправлять будем его велоножки, — ответил отец. — Станешь специалистом по этому делу.

Васька снова гонял на своем велике во все концы деревни. Иногда он давал Петьке прокатиться, но получал отказ. Петька не брал велосипед, всюду ходил пешком. Васька стал подозревать, что друг на него в обиду, гадал, чем он мог вызвать его недовольство, но забывал об этом, как только уносился от Петьки в другой конец деревни. А Петька присматривался к Ваське, но что-нибудь заметить в нем было трудно, потому что пешком Васька ходил лишь от порога и по дому, а через некоторое время он и в сени стал въезжать на велосипеде. Когда Васька останавливался перед Петькой, он одной ногой становился на землю, а вторую держал на раме. В таком положении он казался и велоногим, и велобоким, и велошейным, и велоголовым, потому что думать Васька головой стал только о том, как пронестись быстро по деревне, с разгона перескочить через канаву, через камень. В играх с ребятами он не стал принимать участия, а стоял на одной велоногой ноге у велосипеда и смотрел на них, удивляясь, что интересного они находят в своей беготне друг за другом, в прыгании на одной ноге или в кувыркании через голову. Когда

ему надоедали их забавы, он начинал насвистывать беззаботно и высокомерно, прыгал на седло и уносился, пугая с дороги кур.

Долго Петька следил за Васькой, но ничего выследить не мог. А однажды он устроил в пруду купание с прыганием в воду с разбегу. Все ребята купались: бегали, прыгали, ныряли, а Васька стоял с великом на жаре и только кривил лицо, наблюдая за ребятами. Наконец и он не выдержал, бросил велик, разделся и побежал к воде.

Петька только этого и ждал. Он подозревал братьев Комарики, шепнул:

— Все, Комарики, у Васьки ноги велоножками стали от велосипеда!

Братья Комарики посмотрели и одинаковым голосом, словно один, разом сказали:

— Правда, велоножка Васька!

А Васька, как назло, поскользнулся на самом обрыве и кувырком слетел в воду.

— Вот, — сказал Петька, — доносился на своем «Октябрёнке»!

Ребята окружили Петьку с братьями Комарики, стали спрашивать, что такое, о чем-то они сговариваются.

— А Васька стал...

Братья Комарики хотели сообщить ребятам Васькин порок, но Петька вовремя дернул их за мокрые волосы и сам сказал:

— Васька теперь и ходить, и бегать, и прыгать разучился от велика. Видали, как он кувыркнулся?

— Видали, — дружно ответили ребята и заговорили каждый свое:

— Вот!

— Доносился!

— Хвастал все...

Петька скомандовал одеваться и повел ребят к орешнику. Васька один стал прыгать в воду, наверстывал упущенное и доказывал, что он случайно поскользнулся и не так прыгнул в воду, но вдруг увидал, что он один остался на берегу, схватил одежду, сунул все на багажник и понесся догонять ребят.

— Э, не ушли от меня! — крикнул Васька бодро, обгоняя ребят. — Мой велик догонит и перегонит.

Далеко вперед укатил Васька, опять насвистывая бодро какую-то свою велосенку, а когда оглянулся, то увидал, что ребята шли совсем в другую сторону.

— А-а, обманули, — закричал Васька и пустился опять за ребятами. — Не уйдете!

Когда Васька догнал ребят, они остановились, задержали его, и Петька сказал:

— Ты не гоняйся за нами на своем велике. Ты знаешь, что твои ноги стали...

— Велоножками, — крикнули нетерпеливо в один голос братья Комарики.

— Велоножками! — произнесли ребята, заперевшись, стали смотреть на Васькины ноги и похихикивать.

Васька наклонился и сам осмотрел свои ноги. Ему показалось, что они стали какими-то не такими, как были раньше. Он толкнул к Петьке велосипед, предложил:

— Петь, бери ты, езжай.

— Дюже нужно, — отказался Петька. — Я так, пешочком.

Васька другим ребятам отдавал велосипед, но никто его не взял. Он отвел его домой и пешком направился к лесу, куда ушли ребята...

ДЕДУШКИНА СКАЗКА

В старое время легенды разные старики любили рассказывать. Живет-живет дедушка, на работу сил не хватает, а без дела сидеть не будешь, человеку хоть старому, хоть малому нельзя без дела, он и рассказывает разные истории, которые легендами называют.

Сидит дедушка где-нибудь на завалинке, возле него внучек из земли стеклышки да черепушечки выковыривает, глядит через них на свет, на солнце и дедушку заставляет полюбоваться, как в разноцветных стеклышках мир меняется, разноцветным становится.

А дедушке и так все красивым видится. Жизнь-то он прожил спешно, ни на что не посмотреть за работой толком не успел.

Любуется дедушка и травкой зеленой, и цветком-одуванчиком, и бабочкой пестрокрылой, и птичкой; спешит, спешит наглядеться на все земное, пока смерть глаза не закрыла, не смежила веки, а к нему внучки со стеклышками пристают.

— Э-эх! — вздыхает дедушка и говорит: — И что это вы мне покоя не даете? Видал я на

своем веку и красное, и зеленое, и тьму-перетьму видал...

Заговорит дедушка, и разом детишки вокруг него усаживаются — много их соберется и вздохнут на страшном слове:

— Тьма-перетьма!

Кто посмелее спрашивает:

— Дедушка, а в тьме-перетьме живут?

— Живут, — ответит дедушка и добавит: — Только кто живет-то: нечисть...

Ребят страх охватывает, жмутся они к дедушке поближе, а он рассказывает:

— Было однажды... На небе-то ни звездочки, ни искринки. По земле ни дороги не разглядеть, ни тропки не увидеть, а оттуда, от соседнего села, где церковь стояла и погост был, полем-пашней огненное колесо катится. Эко с горы да по деревне мимо окон несется — стены дрожат. Народ в избы прячется, из щелей выглядывает. Колесо-то о двадцати четырех спицах...

— О двадцати четырех! — охают ребята.

— Истинно так, — подтверждает дедушка и

продолжает свою легенду. — Катится оно, камень минует, над колдобиною по воздуху проносится, ни останова ему, ни задержки. От сияния яркое, глазу слепота. Руку протянешь — обжигает...

— О-ох! — пугаются ребяташки.

— Деревню пронесется оно и на искры рассыпается...

— И дома поджигает? — спрашивают шепотом ребяташки.

— Домов не поджигает, а на искры рассыпается, — отвечает дедушка.

— А потом что?

— А потом опять тьма-перетьма, — отвечает дедушка...

Так вот и занимали ребяташек старые люди.

А один дедушка долго-долго жил на свете. Много раз рассказывал он внукам, потом правнукам, а потом прапрапраправнукам о тьме-перетьме, то о колесе самокатном-огненном, то о дуге скачущей, о корыте, летящем по небу. Однажды он и говорит:

— Сколько раз видал я разные страсти, да все они в тьму-перетьму появлялись, а чтобы днем, при солнышке что-нибудь пронеслось, такого, прапрапраправнучки, не бывало и не будет.

Стоило ему произнести эти слова, как на деревенской улице загремело, и колесо зеленое появилось.

Смотрит прапрапрапрадедушка на зеленое чудо и за прапрапраправнуков хватается и спрашивает:

— А не тьма-перетьма ли сейчас, прапрапраправнучки мои?

— Нет, прапрапрапрадедушка, сейчас день ясный.

— А как же колесо-то колдовское морочится дорогой по дню?

— А, прапрапрапрадедушка, ты не бойся, — отвечают прапрапраправнуки. — Это Еремейка-Неумейка на своей самокатке. На два колеса у него смеалки и железок не хватило. Он в одно вместился и раскатывает по деревне, пылит дорогой.

— А Еремейка-то-Всеумейка прапрапраправнук мне?

— Да, — отвечают ребяташки. — Только он прапрапраправнук тебе в минус какой-то степени. Он с нашими прапрадедушками родился, которые от удивления, когда Еремейка-Неумейка на Марс улетел, всю жизнь с разинутыми ртами простояли...

— Ох-ох! — произнес прапрапрапрадедушка. — Я что-то забыл про эту легенду. Да и помереть, наверное, я забыл тоже. Про тьму-перетьму все рассказывал, а о другом забыл. Пойду я, помирать пойду.

— А легенды нам, прапрапрапрадедушка, — запросили со слезами ребяташки.

— Сами смотрите легенды. Вон одна катится, зеленая, на свету дневном...

— Нет, это Еремейка-Неумейка, не легенда.

— А коль это не легенда, то пусть вот он вам легенды рассказывает. — Прапрапрапрадедушка ткнул пальцем, показал на Петьку и ушел.

Петька заломил кепку, запустил пальцы в волосы, зачесал в затылке и стал думать, где сказки брать, когда тьмы-перетьмы не стало, а колеса самокатные сами люди изобретают. Хотел Петька отказ дать от этой должности, но не решился и рассказал не сказку, а быль.

ЕРЕМЕЙКА-ВСЕУМЕЙКА

В одной деревеньке жил-был мальчик Еремейка. Так звали его, когда он был совсем маленький, а подрос, стал сам ходить по земле, нашел себе товарищей для игр, ему дали прозвище — Неумейка. Нет-нет, он все умел делать, что полагается делать детям, просто все мальчишки — сочинители и присочинили они к имени Еремейки — «Неумейка».

И стал Еремейка — Еремейка-Неумейка.

И когда в ссорах дразнили мальчишки Еремейку Неумейкой, он обижался на друзей-товарищей, уходил от них и играл один. Обида на мальчишек проходила скоро сама собой, но он так увлекался своими играми, что забывал о всех и целые дни проводил в одиночестве.

Забывали о ссоре и Еремейкины обидчики, и сами приходили к нему, приходили звать его в свои игры. Но Еремейку дома они никогда не заставляли. Еремейкина мама говорила, что и сама не знает, где их дружок Еремейка, говорила, что он что-то делает и ему ни до кого нет интереса. Мальчишки звали Еремейку, но он не

показывался, и тогда они снова в обиду кричали, что он Еремейка-Неумейка, что они все знают и все умеют, а он Неумейка, Неумейка. Они убегали и без Еремейки устраивали буйные игры.

Однажды, когда была весна, таял снег и по дорогам текли ручейки, мальчишки увидели Еремейку на улице, подошли к нему и застыли в удивлении. Он стоял у ручейка, а на ручейке...

На ручейке мельничное колесо крутилось, а на маленькой башенке колокольчик позванивал. Раскрыли мальчишки рты, и долго никто слова произнести не мог от удивления. Засмотрелись они на Еремейкину мelenку и не заметили, что по дороге трактор полз и гусеницами смял Еремейкину мelenку. Тракторист открыл кабину и закричал на ребяташек, что на дороге не стоят с разинутыми ртами, что другой не заметит и трактором на них наедет. Ушли с дороги ребята и стали просить Еремейку сделать новую мelenку.

— Сделай, Еремейка, сделай, — приставали они.

— Мы не насмотрелись, как она крутится.

— Мы еще послушаем звоночек.

— Я не знаю, как ее теперь делать, — ответил Еремейка и отказался снова изобретать чудесную меленку.

Обиделись мальчишки на Еремейку, побить его хотели, но им помешал дедушка Филипп, идущий в дом Еремейки. А Еремейкой-Неумейкой обозвали они его не раз и не два. И опять оставили Еремейку одного, вернулись к своим буйным играм.

А тем временем растаял снег, отшумело половодье, травка зеленая проросла из земли, сады отцвели. На зеленом выгоне мальчишки увидали Еремейку с чудовинкой в руках. Стоит он и вверх на белое облако смотрит, словно решил взобраться на него когда-нибудь и ждет, не спустит ли кто ему с этого облака веревочную лесенку.

Подожли мальчишки к Еремейке. Он поднял над головой чудовинку, дернул второй рукой за шнурочек, рыкнули, скрипнули колесики, что-то оторвалось от гремучего ящичка и улетело на облако. Еремейка увидал мальчишек, повернулся и ушел домой незамеченным, пока они на облако глазели и ждали, когда оттуда вернется пущенная Еремейкой штуковинка. Не дождалась мальчишки ничего от облака, спохватились, а Еремейки-то и нет рядом, спросить не у кого, что это улетело на облако. Бросились мальчишки вдогон за Еремейкой, он подумал, что они побить его опять решили, затаился от них в чуланчике, где мастерил свои чудовинки, и не вышел к ним. Мальчишки опять обзывали его Еремейкой-Неумейкой, дольше прежнего обзывали, пока самим не надоело произносить одно и то же, и слова стали путаться, совсем непонятно сделалось, кого они дразнят: то ли Меримейку, то ли Черимейку, то ли Горемейку, обзывая то «мумейкой», то «шумейкой», то «умейкой». Отстали они от Еремейки и на этот раз своими играми занялись, но более буйными, шумными, опустошительными: травы вытапывали, кусты выламывали, деревья портили. Долго-долго таким занятиям они предавались, так что выросли успели, юношами стали. Однажды они увидали, что на луг деревенский народ повалил, словно на пожар какой. Вот все бегут-поспешают. У кого ни спросят парни, что там такое случилось, — им только рукой махнут в ответ: «Некогда с вами, бездельниками. Сами пойдите да посмотрите, что там такое. Чудо каждый своими глазами должен видеть».

Привалили и парни на луг, делать нечего было. И снова видят они Еремейку. Идет он по лугу, а перед ним сам собой сундучок ползет,

траву под себя подбирает и оставляет ее рядком скошенной. В руках у Еремейки ящичек с кнопочками. Нажмет он кнопочку, сундучок вперед движется, от черной кнопочки останавливается, от других другие действия производит. Люди следом за Еремейкой идут, дивом дивятся. Каждый траву скошенную поднимает, рассматривает. Не видали чуда такого, чтобы свой деревенский юноша такую машину полезную придумал. А ровесники Еремейки в этот раз не удивились.

— А, этот Еремейка-Неумейка сенокоску в сундук посадил, — сказали они. — Кто не видал комбайна с сенокоской, тому его занятие в диковинку, а нам тут смотреть не на что.

Прошли годы. Еремейка много разных механизмов напридумывал за свои годы. Ветер у него огород поливал, в баню воду подавал, дрова пилил; солнце воду кипятило, дом обогревало, обеды варило. Было у Еремейки и забав разных много: метла сама тропишки разметала, сани-самокаты сами в гору катились, через реку Еремейка пешком переходил, на любое дерево он мог без рук, без ног подняться, сядет на дощечку и поедет себе.

Пришел день, когда Еремейке со своими одноклассниками предстояло на солдатскую службу отправляться, все гульбу устроили, песни распевают, а Еремейка выкатил из сарая чудовоздухолет, простился со всеми и унесся в небо с быстротой молнии.

Дружки рты раскрыли, стоят и смотрят на остывший Еремейкин след в небе и к нужному часу на солдатскую службу явиться забыли, пока за ними люди в военной форме не приехали и вежливо отправили на место назначения.

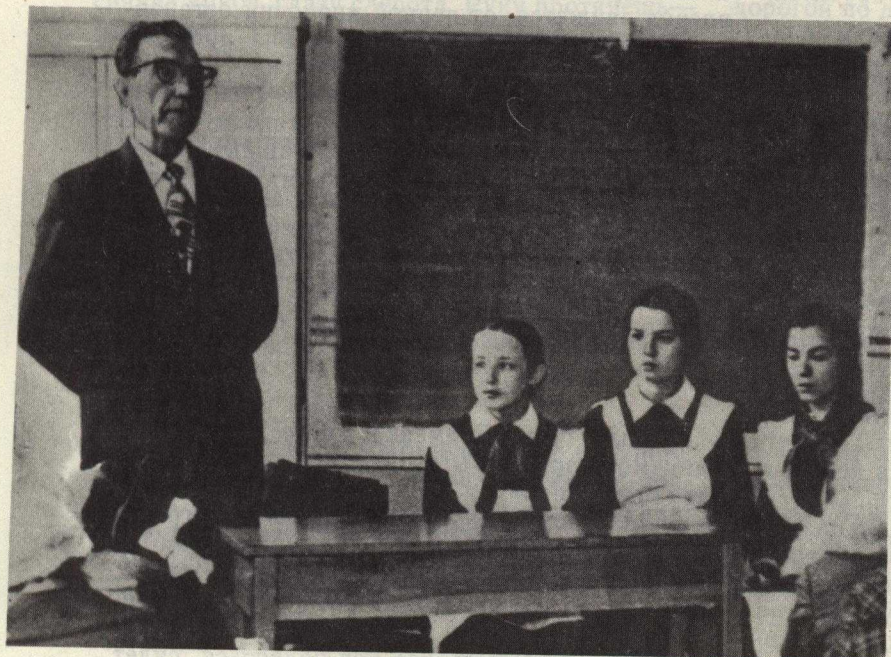
— А как же Еремейка-Неумейка? — спросили парни у военного.

— Еремейка-Всеумейка на Марс отправился, — ответил военный. — Он годен на Марсе службу нести.

— На Марсе! — удивились Еремейкины одноклассники и стали искать Марс в небе, все больше и больше удивляясь Еремейкиному умению делать разные чудовинки. Широко раскрылись их рты от удивления.

Прошло много лет. Еремейка вернулся в свою деревеньку, стал новые машины делать, которые и поля вспахивают, и хлеба убирают, и дороги ровные делают, а его дружки-одноклассники все на Марс смотрят с раскрытыми ртами, дивятся, как это Еремейка-Неумейка смог побывать на этой планете и вернуться назад. Смотрят они в небо, а галки в их ртах гнезда вьют, птенцов выводят.

ДВА ТАНКИСТА И ЛЕТЧИК

Петр Алексеевич Дранко рассказывает ребятам о воздушном бое

Лука Северьянович Джишкарини (в папах) среди друзей-однополчан

Нет такого места у нас в стране, где война не оставила бы своего следа. В тысячах километров от прежних фронтов стоят монументы ушедшим и не вернувшимся, память о них хранят названия улиц и мемориальные доски, и повсюду, повсюду — живут и трудятся участники войны — те герои, которые разбили грозного врага.

В самой южной точке нашего Черноморского побережья стоит город Батуми. Теплое море, пальмы, белые дома — старые и совсем новенькие. Смотришь на покрытые виноградниками склоны гор, на многокилометровый пляж, на двух старомодных извозчиков в цилиндрах, что катают приезжих в кожаных каретах с медными подножками и керосиновыми фонарями, и думаешь — неужели и здесь помнят войну?

Помнят. Батуми — город пограничный, здесь даже пионеры — и многие пионеры — состоят в дружинах ЮДП (юных друзей пограничников), и в Батуми, конечно же, как и во всех городах нашей страны, живет много участников войны, и у пионеров Батуми есть все основа-

ния гордиться своими старшими земляками.

«В нашем городе живет участник Великой Отечественной войны гвардии старший лейтенант запаса Лука Северьянович Джишкарини, — пишет нам ученик 7 класса грузинской школы № 23 города Батуми Вахтанг Алахадзе. — При освобождении Варшавы танк Л. С. Джишкарини (башенный номер танка — 85) одним из первых проехал по понтонному мосту через Вислу и принял участие в уличных боях в столице Польши. Сразу после форсирования Вислы Л. С. Джишкарини получил задание перерезать железнодорожную ветку, идущую из Варшавы на Запад. При выполнении этого задания Джишкарини пришлось вести бой с бронетранспортерами фашистов, из которого он вышел победителем. Еще товарищ Джишкарини участвовал в освобождении города Познань и взятии Бранденбурга, Потсдама и Берлина. На память о встрече с нами, следопытами батумской школы № 23, Лука Северьянович Джишкарини подарил нам полевую сумку,

которую носил во время войны. Теперь она находится в нашем школьном музее...»

Узнать о славных делах не из книг, не по радио услышать, а найти, разыскать живого человека, который прямой наводкой бил по вражеским бронетранспортерам, прорывался по дрожащему понтонному мосту на берег, занятый противником, знать, что около этого человека погибали десятки и сотни героев, и он мог бы так же, как они, не вернуться с войны, но он не отступил, — разве не интересно найти такого человека? А ведь встретишь его на улице — идет навстречу обыкновенный человек — и трудно себе представить, что это он, именно он, так героически воевал.

«Мы, ребята школы № 7, дружим с полковником в отставке Василием Григорьевичем Колхидашвили, — пишет нам ученица 7 «б» класса 7-й батумской школы Гаяне Халадхян. — В начале войны Василий Григорьевич был уже командиром батальона и служил он в 32-й танковой дивизии. Вместе с Василием Григорьевичем

чем воевали и его сыновья — Георгий, Роланд и Юрий. Сейчас Роланд Васильевич остался служить танкистом. Сам Василий Григорьевич отдал службу в Советской Армии больше тридцати лет...»

А вот что нам пишет Ира Кабак — тоже из Батуми и тоже ученица седьмого класса:

«У нас в Батуми живет Герой Советского Союза Петр Алексеевич Дранко. Когда мы узнали об этом, то решили пригласить его к нам в школу — выступить перед 4—7 классами. Я была в числе тех, кого выбрали идти к Петру Алексеевичу домой и приглашать его. Я очень волновалась, перед этим я только один раз так волновалась — когда надо было участвовать в школьном концерте. Петра Алексеевича я представляла себе совсем иначе — ведь раньше я видела героев только по телевизору. Но когда он открыл нам дверь, то мой испуг сразу прошел — перед нами был

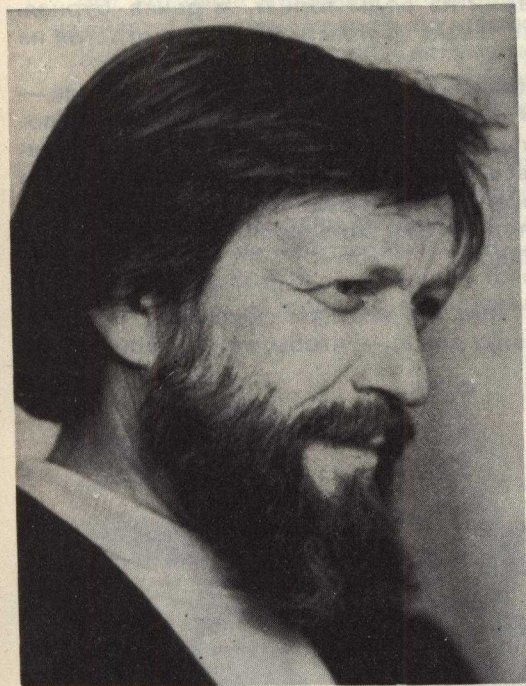
обыкновенный человек в домашнем костюме, наверно он отдыхал после работы. Дома была еще его внучка Ира. Встретили они нас приветливо. Петр Алексеевич сразу же согласился прийти к нам в школу на встречу и сказал, что сделает это с удовольствием. Мы попросили показать нам награды, которые Петр Алексеевич получил за свои подвиги. Наград было около двадцати — среди них орден Ленина, три ордена Красного Знамени, два ордена Красной Звезды и еще иностранный орден. Но на встречу в школу Петр Алексеевич надел только звездочку Героя, а все остальные ордена оставил дома. Встреча наша в школе состоялась 26 января. Ребятам собралось очень много. Петр Алексеевич рассказал нам, как начал служить в Военно-воздушных силах, это, оказывается, было еще в 1934 году; у некоторых из нас еще папы и мамы не родились... А выглядит Петр Алексеевич совсем не

старым и работает штурманом в аэропорту... Он много нам рассказывал. Как в финскую войну воевал, как — в Великую Отечественную. У него на счету 297 боевых вылетов, 59 воздушных боев, в которых он сбил сам 22 самолета врага... Я вот все думаю — в каждом бою ведь враги хотели сбить его самого, а не вышло — он оказался умелей, смелей и хладнокровней из всех. И теперь стоит перед нами, рассказывает, все больше о товарищах, а не о себе, и все награды дома оставил, надел только одну звездочку...»

Три письма из одного города, два из них — про танкистов, одно — про летчика. А ведь еще есть моряки, артиллеристы, пехотинцы, саперы, разведчики, военные врачи, десантники — все воевали, и все они нужны, необходимы были для победы. Сколько они видели, сколько пережили и вышли победителями, сколько могут вам рассказать!..

М. ГЛИНКА

У нашего автора праздник

Радий Петрович ПОГОДИН

Дорогой Радий Петрович!

Поздравляем Вас с пятидесятилетием!

Наши юные читатели уже давно полюбили героев Ваших замечательных книг: Кешку из «Кирпичных островов», Ваську, Варьку и Славку из «Ожидания», Ольгу и Шута из «Трень-брень» и многих других.

Уверены, что новые герои Ваших рассказов и повестей еще не раз появятся на страницах нашего журнала.

«Костер»

Рисунок Юли Агароновой,
14 лет, Ленинград

ЧТО ТАКОЕ УМЕТЬ?

В. СУСЛОВ

Рисунки А. Ежелина

Вот подрастешь ты скоро, пора будет учиться делу. Своему делу. Чтобы ты умел что-то делать.

А ты знаешь, что такое — уметь?

Попробуй от руки, без циркуля, начертить круг. Настоящий, правильный круг, чтобы было как по циркулю.

Не можешь? Я тоже не могу.

А Петер Пауль Рубенс, знаменитый фламандский художник, — он мог. Точность глаза и послушность руки были у него такие, что перед ним не стояло вопроса: как делать? Ему важно было — что делать? Вот его раз и спросили, может ли он начертить правильный круг?

— О, это так просто, — ответил Рубенс и начертил круг, не отрывая карандаша от бумаги.

Он умел.

А вот совсем из другой области. О финских сплавщиках.

Ты знаешь, лес часто сплавляют по рекам. Пройдет лед, и заготовленный за зиму лес — уже срубленные и очищенные от ветвей стволы деревьев — спускают на воду, сбивают в плоты и сплавляют вниз по реке. И плотогонцы гонят плоты к лесопилкам и лесокombинатам.

Но плоты хорошо гнать по широким, большим рекам. А как на маленьких, узких? Там плот не пройдет. И в тех местах особенно трудно приходится сплавщикам: речушка узенькая, быстрая, много поворотов, перека-

ты. Чуть зазевался — и затор. Собыются бревна в кучу, уткнутся концами в берега, а сзади еще подплывают, громоздятся. Трудно тогда растащить затор.

Сплавщики знают опасные места и следят внимательно. Шевелят баграми, направляют бревно куда надо, а то и прыгают, как белки, с бревна на бревно, от берега к берегу. Подтолкнул, отвел, багром оттащил — и опять прыгай.

Работа такая, что требует сноровки, а главное — глазомера и умения удержаться на шатком плывущем бревне. Оступился, не рассчитал, пошатнулся — и в воде. Тогда карабкайся, выплывай, отвлекай товарищей.

Но финские сплавщики — мастера своего дела.

И раз в год они устраивают состязание. Выбирают стремительный — потруднее — участок реки длиной в километр. Там и повороты, и камни из воды торчат, и речка бурная. А задача такая: проплыть участок этот, стоя на бревне!

А на берегу — зрители. Свалился с бревна — хохот. Удержался на трудном месте — аплодисменты. Конечно, выдерживают это испытание не все. Редко кто доходит до финиша. Но продержаться на бревне, которое крутится у тебя под ногами, хоть десять метров — и то уметь надо!

А вот еще. Не надо рассказывать, что крышу, кровлю дома, — чтобы нас с тобой дождь

не мочил и снег не засыпал, — покрывают разными материалами. Железом кровельным, шифером, черепицей, иногда даже соломой. А у нас, в средней полосе России, в деревнях крышу кроют дранкой. Это тонкие такие дощечки, в длину сантиметров сорок, а шириной в две-три твои ладошки. Дощечка на дощечку, ряд на ряд, и получается крыша красивая и прочная.

Но работа кропотливая. Каждую дранинку приложи аккуратно, ровно, в каждую воткни гвоздик, — специальные есть драночные гвозди, длинные и тонкие, — и по каждому гвоздю не один раз пристуки. Да осторожно, а то гвоздь тонкий, согнется. Так остороженько по каждому гвоздику раз пять-шесть, а то и семь-восемь стукнуть надо.

Где крышу кроют, там и слышно с утра до вечера: тук! тук-тук! тук-тук-тук! тук!

Так вот, мой друг, старый кровельщик и вообще мастер на все руки, Алексей Александрович Трофимов, однажды мне рассказывал:

— Ходила по нашим местам лет сорок назад женщина из Торжка с мужем. Крыши крыли. Не муж с женой, а жена с мужем! Виданое ли дело, чтобы женщина по коньку бегала, по крыше лазала?!

А она и была главный мастер. Сколько я мастеров видел, сколько крыш сам перекрыл, а такого мастера не видал...

Как гвозди вбиваются?левой рукой двумя пальцами держишь, правой — молотком: тук! Наживил. А потом еще тук да тук. Да еще тук-тук. А она все одной рукой делала. В левой ладошке гвозди, а в правой молоток. Так она правой же рукой берет гвоздь и двумя пальцами втыкает. Наживила, и одним ударом — хлоп! И гвоздь — по шляпку!

Вот это была женщина! Чтобы рукой гвоздь наживить! И одним ударом по шляпку вогнать!

Как увидели: и мы так! Сколько гвоздей перепортили, пальцев себе поотбивали! Но — сколько не старались, никто так и не научился.

Да, мастерство — это красиво. Это исходит откуда-то из самых глубин человеческой души. А раз так, то ни один сколько-нибудь серьезный писатель не мог пройти мимо мастерства, не мог не восхититься умением того или другого мастера, не пропеть ему славы. Вспомни

хотя бы Лескова, Куприна, Леонида Леонова... А вот Константин Георгиевич Паустовский вспоминает:

«...Из старых, опытных писателей часто заходил к нам в редакцию только Андрей Соболев — милый, всегда чем-то взволнованный, неусидчивый человек.

Однажды Соболев принес свой рассказ, раздерганный, спутанный, хотя и интересный по теме и безусловно талантливый.

Все прочли рассказ и смутились: печатать его в таком небрежном виде было нельзя. Предложить Соболеву исправить его никто не решался. В этом отношении Соболев был неумолим — и не столько из-за авторского самолюбия (его-то как раз у Соболева почти не было), сколько из-за нервозности: он не мог возвращаться к написанным своим вещам и терять к ним интерес.

Мы сидели и думали: что делать? Сидел с нами и наш корректор, старик Благов...

— Вот что, — сказал Благов. — Я все думаю об этом рассказе Соболева. Талантливая вещь. Нельзя, чтобы она пропала. У меня, знаете, как у старого газетного волка, привычка не выпускать из рук хорошие рассказы.

— Что же поделаешь! — ответил я.

— Дайте мне рукопись. Клянусь честью, я не изменю в ней ни слова...

Благов кончил работу над рукописью только к утру...

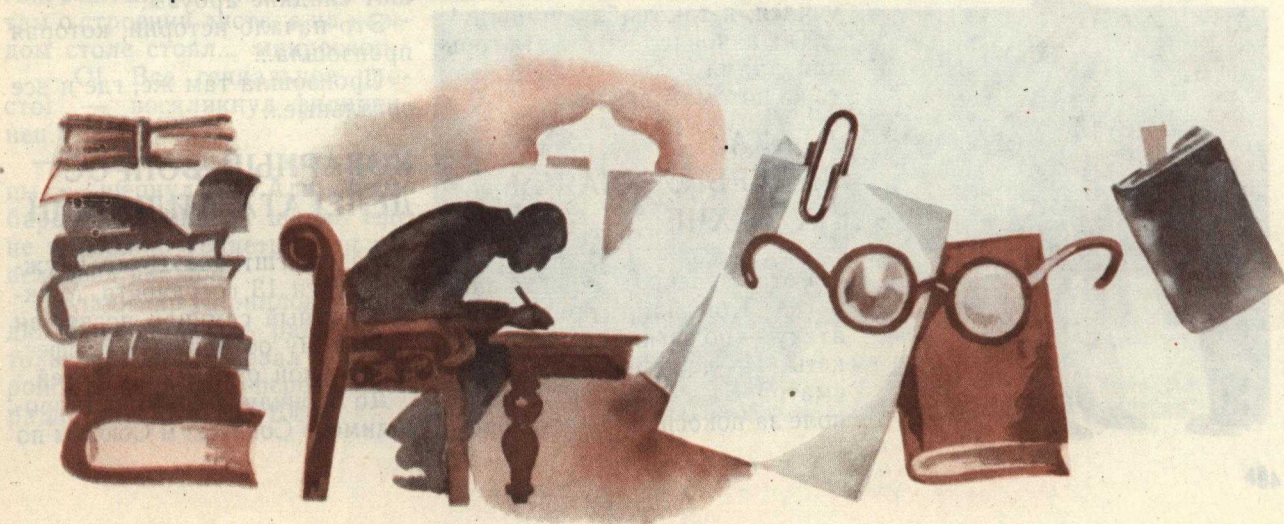
Я прочел рассказ и онемел. Это была прозрачная, литая проза. Все стало выпуклым, ясным. От прежней скомканности и словесного разброда не осталось и тени. При этом действительно не было выброшено или прибавлено ни одного слова...

— Это чудо! — сказал я. — Как вы это сделали?

— Да просто расставил правильно знаки препинания. У Соболева с ними форменный кавардак. Особенно тщательно расставил точки. И абзацы...

Рассказ был напечатан...»

Вот что такое — уметь. Много есть разных профессий, разных умений. Ты еще не думал — кем стать? Да это, впрочем, не так и важно. Важно стать Настоящим Мастером Своего Дела.

КОНЕЦ ТРЕХ ИСТОРИЙ

РЕПОРТАЖ ИЗ АЛМА-АТЫ

роль» сидел в отделении, а на коленях у него вздрагивала ламповая приставка к радиопередатчик, она же — «шарманка». Он начинает понимать, что такое «засорять эфир»...

Прошло еще некоторое время, и мы встретились с нашим героем...

Стоп! Об этом в конце, а пока...

ДРАМА

Автомашины, нетерпеливо урча, застыли на оживленном перекрестке.

Желтый — зеленый — старт! За баранкой «МАЗа» парнишка в ковбойке и джинсах. Здорово быть шофером!

Скрежет тормозов, звон стекла, свисток постового ГАИ, затвор, гудение клаксонов.

— Ваши права!

— Да как же, я только на полсекундочки отвлекся, я смогу быть шофером.

А ученые в таком случае говорят, что это вопрос спорный. Шоферу нужны мгновенная реакция, крепкие, «железные» нервы. Для чего? При аварийных ситуациях в долю секунды надо принять решение.

Авария — не случайность, а значит, шофером вам не быть!

— Да как же, я столько учился, я так люблю машину!

Так закончилась бы эта горькая драма, если бы... Об этом тоже потом. А пока...

АТАКА, ЗАХЛЕБНУВШАЯСЯ НА БАХЧЕ

Рота «зеленых» залегла в овраге. Командир приказал: в атаку — по сигналу красной ракеты. Из лощины хорошо просматривался пустырь, ручей и поле за покосившимся забором.

Противник затаился на склоне горы в кустарнике.

Красная ракета! Ура-а-а-а! Вперед!

Ротный «голубых» видит, как «зеленые» пересекли пустырь, с ходу форсировали ручей и вот уже первые атакующие перемкнули через забор...

— Бойцам игры «Зарница» к бою готовься! — летит над позицией голос ротного. — По моей команде — холостыми, в направлении поля, ориентир — вышка, опора ЛЭП, короткими очередями, по атакующим «зеленым»...

Что там случилось? Атака «зеленых» вдруг замерла.

— Вестовой, бинокль!

Теперь уже отчетливо видно, как «зеленые» ползают на четвереньках по бахче и... потрошат сладкие арбузы.

Это начало истории, которая произошла...

Произошла там же, где и все остальные...

КОВАРНЫЙ ВОПРОС ДЕЛЕГАТА ФИЛИППИН

На флагштоках Дома дружбы флаги 13 государств. Международный семинар посвящен трудовому обучению и профессиональной ориентации детей.

До окончания семинара, проводимого Советским Союзом по

„ВАШ ХОД, СЭР...“

Милицейская машина шла по пеленгу. Город давно затих.

Вдруг: внимание! Антенна пеленгатора уловила в эфире ломкий мальчишеский голос:

— Говорит Король эфира. Продолжаем партию: пешка е2-е4, Ваш ход, сэр, крути, Васька, свою «шарманку»! Прием...

Шел еженощный шахматный радиоматч «блудных детей эфира», как называли их в отделении.

— Будем брать, — сказал лейтенант милиции, и через четверть часа его тяжелая рука легла на плечо двенадцатилетнего «короля эфира». Еще через полчаса испуганный «ко-

поручению Детского фонда ООН—ЮНИСЕФ, членом которого является наша страна, оставался один день. И тут работник департамента образования из Филиппин делегат Лисерио Сорнано задал вопрос корреспонденту пионерской газеты «Дружные ребята»:

— Как вы думаете, оратор не ошибся? Действительно на уроках ботаники ребята наблюдают в микроскоп? Но ведь если каждый ученик хотя бы минуту потратит на микроскоп, то и урока не хватит...

— Давайте посмотрим, мистер Сорнано, может быть, хватит, — предложил корреспондент, и на завтра делегаты семинара поехали в алма-атинскую среднюю школу № 5.

Гостей встретили директор школы Александр Васильевич Чернов и завуч Зинаида Васильевна Набоко, а Алик Камбаров, Лена Глану и Атрощенко Игорь, ребята из 4 «е», отсалютовали прибывшим у здания школы.

Делегат Филиппин сразу же направился в кабинет биологии. Учитель рассказывал ребятам о строении листа, а на каждом столе стоял... микроскоп.

— О! Все гениальное просто! — воскликнул филиппинец.

— Подумаешь, микроскопы, — шепнул мне Алик Камбаров, — в нашей школе еще не то можно увидеть, — и повел меня дальше.

...Владимир Кириллович Чиндин, преподаватель радиодола, только что рассказал об устройстве приемно-передающей радиостанции УКВ-105.

Здесь я встретил героя первой истории.

— Знакомьтесь, — представил Владимир Кириллович, — это радиохулиган, «шарманщик»...

И тут пронзительно зазвенел звонок, все повскакивали с мест, окружили нас, яростно жестикулируя, открывали рты, как рыбы, а слышно ничего не было. А когда звонок так же резко оборвался, в наступившей тишине все снова заговорили, заволновались, и оказалось, что «шарманщик» — это верно, но бывший.

Бывший «король эфира» подошел к телеграфному ключу и лихо отстукал приветствие, а Марина Сердюк, Лена Русакова и Ира Прядко, надев наушники — головные телефоны, приняли передачу.

Ребята работают так профессионально, что Центральный телеграф Алма-Аты пригласил юных радиолюбителей и телеграфистов пройти практику на телеграфе. Еще немного времени — и ребята из пятой школы станут классными радистами и радиотехниками, как Нина Липкина. У Нины уже есть первый юношеский разряд по радиолюбительскому спорту.

Так закончилась первая история. А потом пионервожатая Таня Калязина привела меня в класс, заставленный моторами, шасси, макетами автомобилей.

— Нет, в нашей школе такого произойти не может, — ответил преподаватель автодела Андрей Иванович Кузнецов, услышав от меня историю с аварией.

В нашей школе на ходу четыре автомашины: «Москвич»,

автобус, газик и «уазик». Ребята изучают устройство автомобиля, правила уличного движения, проходят практику вождения. Тут и выявляются их чувство скорости и реакция. Парнишка с детства мечтал стать шофером? У нас станет, — твердо сказал Андрей Иванович.

Вадима Валериановича Панкеева, преподавателя военного дела, я нашел в школьном тире.

— Атака, захлебнувшаяся на бахче? — переспросил он. — Как же! Помню! Но это, скажу я вам, — «дела давно минувших дней». Сейчас наши бойцы «Зарницы» подготовлены на все 100! Вот здесь, в этом тире, который сами ребята оборудовали, Андрюша Тысленко выбил 95 очков из 100, это было на районных соревнованиях. Тут тренируется и Юра Заборцев, у него уже третий «взрослый» разряд по стрельбе, и две Светы — Ершова и Нередова — перворазрядницы среди юниоров.

В кабинете военной подготовки школы № 5 призы, кубки, дипломы школьной команды, неоднократной победительницы в стрелковых соревнованиях, грамоты за успехи в начальном военном воспитании: от командующего Среднеазиатским военным округом, от ЦК ВЛКСМ, Министерства просвещения, редакции газеты «Известия».

Ребята мечтают оборудовать школьный тир движущимися мишенями, построить свой бассейн для летнего пионерлагеря «Эдельвейс». А разве эти мечты неосуществимы?

Т. ВИКТОРОВ

Рисунки Е. Галеркиной

Оформление Ю. Клыкова

Писателя Максима Дмитриевича Зверева вы хорошо знаете; им написано более ста книг для ребят. Больше всего Максим Дмитриевич написал о природе Казахстана. Там он живет и много путешествует по степям, горам и пустыням. В прошлом Максим Дмитриевич работал зоологом; свой опыт он передает теперь юным натуралистам и всем, кто готов изучать и защищать природу. Максиму Дмитриевичу скоро исполнится 80 лет, но он и сейчас путешествует и не расстается с биноклем и записной книжкой. Мы печатаем его рассказы о птицах-предсказателях. Долгосрочный прогноз погоды!

Если вы захотите поделиться с Максимом Дмитриевичем своими наблюдениями или расспросить его — он охотно вам ответит.

ДУДАКИ НА ЗИМОВКЕ

В конце декабря 1969 года мы ехали по берегу реки Чу. Впереди показался длинный такыр — затвердевшее дно высохшего озера. Машина понеслась как по бетону, с «ветерком».

Правее в песках бежало стадо каких-то животных, не менее ста голов. Мы пустили газик за ними.

Машина завилась между барханами. Когда мы выехали из-за бархана, то чуть не врезались в табун дроф-дудаков! Стая дроф побежала и шумно взлетела над саксаульниками. Вот где, оказывается, зимуют эти редкие теперь птицы!

— А зима будет теплая! — обрадованно воскликнул шофер.

— Почему, Казакпай? — удивился я.

— Дудалдак всегда наперед знает, какая будет зима. Зачем ему дальше на юг лететь? У нас зимует! Значит, всю зиму будем баранов пасти и сена не надо! В прошлом году ни одного дудалдака с осени не было, и зима была очень суровая!

Дрофы оказались «правы»: зима 1970 года была без больших морозов и снега.

Раздел ведет писатель Н. СЛАДКОВ

ФЛАМИНГО И ЗАСУХА

Вот и цель нашего приезда — на плоском островке впереди множество конусообразных кучек из грязи. Это гнезда фламинго. Носатые птицы сидят на них, некоторые бродят и роются клювами в грязи.

Журчит киноаппарат, щелкает затвор «Зоркого», а проводник просит:

— Айда ближе, пожалуйста!

— Зачем же ближе? Мы испугаем их!

— Шайтан с ними — их юрты смотреть надо!

Только тут выясняется, что чабан взялся проводить нас потому, что ему нужно посмотреть на гнезда фламинго.

По его словам, если фламинго с весны наращивают свои гнезда свежей грязью, делают их выше и только после этого несутся, то лето будет дождливое и воды в озере будет много. Если же с весны они несутся прямо в прошлогодние кучки, летом будет сильная засуха.

Это было так интересно, что мы вспугнули ближних птиц. Над отмелью вспыхнуло пламя: открылись красные перья у взлетевших птиц. Их кучки-гнезда не имели никаких признаков увеличения.

— Ой-бо, шибко плохо... — ворчал проводник. — Кочевать надо отсюда с отарой.

Летом сильнейшая засуха охватила эти места.

ПРОГНОЗ КАМЫШОВОК

Весной мне пришлось побывать на одном озере.

Над водой на старом тростнике виднелось растрепанное прошлогоднее гнездышко камышовки. А тут же рядом, но много выше, пара камышовок дружно делала новое гнездышко.

На берегу озера сидел и курил егерь охотничьего хозяйства. Мы поздоровались.

— Ящики приезжал проверить. Во многих утки уже начали нестись, — пояснил егерь.

Искусственное гнездовье — ящик — виднелось недалеко от берега, возвышаясь над водой на колыях.

— Что же это вы, Карп Андреевич, так высоко нынче поставили ящик? — спросил я.

Он удивленно взглянул на меня и пояснил:

— Нынче камышовки высоко над водой гнезда вьют.

— При чем же тут камышовки?

— Значит, разлив большой будет, вода высоко поднимется. Эти птицы узнают наперед про разлив. Старые гнезда на полметра ниже нынешних, значит, вода нынче будет на полметра выше. Прошлогодние ящики для уток пришлось поднимать выше, а то вода зальет яйца.

СТЕПНЫЕ ЛУНИ В БОЛОТЕ

Однажды мы заметили луня с добычей и стали следить за ним, пока он не исчез за березовым колком. К нашему удивлению, там оказалось болото. Но не в болоте же будет гнездиться степной лунь?

Однако лунь нес пищу именно сюда. Значит, загадочное гнездо все-таки здесь. Надо ждать.

И мы ждали час, другой, третий.

Наконец над озером замелькала знакомая светлая птица. Сомнений нет. Даже без бинокля видно, что степной лунь тащит в лапах добычу.

Тут навстречу самцу поднялась самка прямо из кочек на болоте! Лунь бросил мышь, самка ловко схватила ее на лету и уселась в траву, чтобы позавтракать.

Наконец-то мы были у гнезда! Оно лежало под небольшим кустиком среди кочек в густой осоке. Пять белых яиц, значит, кладка уже закончилась.

Мы стояли над гнездом и терялись в догадках: гнездо степного луня — и вдруг в болоте!

Очевидно, какая-то очень серьезная причина заставила луней свить свое гнездо именно здесь.

Нужно было разгадать эту тайну во что бы то ни стало.

В тот же вечер мы нашли еще два гнезда. И тоже в кочках по краю болота.

Разгадка не заставила долго ждать. Палящие лучи солнца в это лето с утра до вечера жгли землю. С самой весны не было ни одного дождя. Все в степи выгорело, и трава посохла. Только в сырых местах, у бо-

лот на кочках зеленела пышная осока. Если бы птицы свили свои гнезда в обычных местах, в открытой степи, то их было бы видно издали. Но откуда луни знали, что будет такое лето?

Следующее лето в Сибири было, наоборот, очень дождливым. И все гнезда луней оказались в открытой степи, прямо на межах и на целине. Сочная степная растительность все лето прекрасно скрывала гнезда от взоров врага. Зато среди кочек в болоте стояла вода. Гнезда там были бы, конечно, затоплены.

Мы стали следить за лунями из года в год. У луней не было ни одной ошибки, ни одного исключения. Птицы с весны «знали», какое будет лето: засушливое или дождливое.

И УТКИ ЗНАЛИ!

Объ ниже Березова разливается весной неоглядно. Но дикие утки задолго до начала разлива определили его верхний уровень и сделали гнездо выше, на сухом месте. Вода прибывала с каждым днем. Низины на лугах уходили под воду. Но утиные гнезда везде, как заколдованные, оставались на сухом.

Буйные луговые травы, торопясь и обгоняя друг друга, начали быстро расти навстречу короткому северному свету и теплу. А гнезда уток надежно прикрывались травой. Вода дошла до «заколдованной» линии и остановилась всего в нескольких метрах от первых гнезд. А потом начала убывать. Разлив реки не нарушил гнездование уток, вот-вот вместо яиц в гнездах появятся пуховые живые комочки. А этого бы не случилось, если бы утки не умели предугадывать высоту паводка.

ЛЕСНОЙ КОНЕК ПОДСКАЗАЛ

Тропинка вышла на широкую поляну, глубоко врезающую в лес от берега озера. Здесь был огород лесника.

— Что это ты, Лапшин, картофель в лесу посадил? — спросил я лесника.

— Нынче засуха будет, а тут низинка, лес, вода рядом!

— Какой же тебе колдун сказал, что летом будет засуха?

— Пташка сказала, вон та! — лесник показал рукой на лесного конька. Как раз в это время лесной конек с пением поднимался над вершиной высокой сосны. — Как запоют, перво-наперво ихние гнезда ищут: если в ямке на земле — к сухому лету, а если сперва кочку излазят, а уж на ней гнездо, то к мокрому лету. Вот и все колдовство!

— А ну, покажи хотя одно гнездышко, — сказал я, не веря словам объездчика.

Мы свернули в бор.

— Где-то здесь, однако, — бормотал лесник, — да звон оно!

Среди зарослей брусники была круглая лунка, оплетенная сухими травинками. В ней лежало пять коричнево-серых яиц.

— Нынче не намостила, прямиком на землю снеслась. Страсть жаркое будет лето, — пояснил Лапшин. — А прошлый год чуть не каждый день дождь лупил. А я на бугре картошку сажал, у кордона! Урожай был ядреный!

— Может, случайно совпало? — заметил я.

— Да я от отца еще знаю! Как эта птаха гнезда делает, так мы норовим и огород садить. За всю жизнь ни разу не ошиблась. Всегда наперед угадывает.

— Вот если покажешь мне прошлогоднее коньково гнездо, тогда поверю!

Лапшина долго не было.

— Сюда, нашел! — наконец раздался его голос.

Лапшин стоял на краю поляны около толстой сосны. У ствола из мха была сделана кочка и на ней были остатки такого же гнездышка, какое мы только что видели. Эти остатки были так убедительны, что я только развел руками.

— Вот то-то и есть, спорщик! — улыбнулся Лапшин.

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. СКОСЫРЕВА

Оформление
Р. Попова

Год издания 18-й

ПЕРВАЯ РАЗВЕДКА

Было это в 1919 году. Я тогда находился в Крымской повстанческой армии. Армия сражалась с врангелевцами, которые хотели удержать Крым во что бы то ни стало.

Как-то раз собрал нас командир и спросил:

— Кто умеет водить катер?

— Я, — сказал я и выступил вперед. Командир, казалось, изучал меня. Я поспешно добавил: — Служил мотористом в царском флоте...

Мне дали в подмогу десять человек, и поздно ночью мы вышли в море. Нужно было до рассвета добраться до небольшой деревушки неподалеку от Судака, высадиться на берег и разведать силы противника. Ночь была мягкая, безветренная. Тихо шелестели волны. Вокруг — ни огонька. Я то и дело поглядывал на компас, стараясь не сбиться с пути. С виду наш катер напоминал обычный рыбацкий баркас, а мои товарищи, одетые в робы, — рыбаков. Правда, у каждого в кармане был наган...

Наконец причалили. Сошли на берег. Слышим, кто-то кашляет. Видим: спускается к морю дед. «Должно быть, местный», — решил я. Сделал знак, чтобы остальные не двигались, и шагнул старику навстречу. Он не испугался и не удивился.

— Рыбачить, дедушка?

— Рыбачить.

— И как ловится?

Дед не ответил. Понял — не о том спрашиваю.

— Власть-то в деревне какая?

— Разная. Сейчас — беляки. Вон, ихняя полиция, — он указал дом на горе.

Дед пошел к морю, а мы бесшумно пробрались к зданию полиции. У дверей стоял часовой. Обезоружили его. Оборвали телефонный провод и только после этого вошли в дом... Спросонья белогвардейцы решили, что нас целый батальон и что сопротивляться бесполезно. Под дулом нагана наши пленные не только сообщили данные о расположении войск противника, но и отдали важные документы.

Через час, еще до рассвета, мы уже были в море, далеко от деревни. На борту нашего катера находился похищенный «комисариат полиции» в составе семи человек...

Рассказ Ивана Дмитриевича Папанина
записала спецкор «Морской газеты» Т. Скобликова

В. Анисимов —
курсант Находкинской
мореходной школы

ПРОВЕРЬ СВОЮ МЕЧТУ

Горячий привет из города Находка! Дорогая «Морская газета», ты просила меня рассказать о том, как я стал курсантом мореходной школы. Вместе с одноклассниками я окончил десятилетку. Некоторые ребята поступили в институт, некоторые срезались на экзаменах. Многие поступали туда, куда и не собирались. Где меньше конкурс... А ведь у каждого была своя мечта. Кто хотел стать летчиком, кто врачом.

Я свою мечту решил проверить. Мечтал о море. Но прежде чем поступать в высшее училище, решил поработать рядовым матросом. Подал документы в Находкинскую мореходную школу. Средний балл у меня был четыре, и я прошел по конкурсу аттестатов.

Учусь на отделении мотористов. Интересно изучать двигатели, турбины, разные механизмы! Пришлось засесть и за английский (в школе я учил немецкий, а английский — международный язык моряков).

Недавно мы побывали на судоремонтной практике. На лесовозе. Судно водоизмещением в 4000 тонн и длиной 127 метров. Чистили мы котлы, топливные танки (цистерны), насосы и компрессоры. Работа грязная, но все ребята трудились с увлечением.

Скоро учеба закончится и мы уйдем в дальнее плавание. Узнаю свою профессию, а потом поступлю в Дальневосточное высшее морское училище им. Невельского...

С курсантским приветом

СПРАШИВАЕТЕ—ОТВЕЧАЕМ

ЕСТЬ ЛИ НА СВЕТЕ ЗЕМЛЯ САННИКОВА?

«У нас в классе все мальчишки ищут на картах Землю Санникова... Найдут неподписанный островок и кричат: «Вот она, Земля Санникова!» И всегда потом оказывается, что это не то. Потом они ищут на других картах. Просим ответить: есть ли на свете Земля Санникова и можно ли найти ее на карте!

По поручению третьего класса 157 школы
Ленинграда — Витя Григорьев.

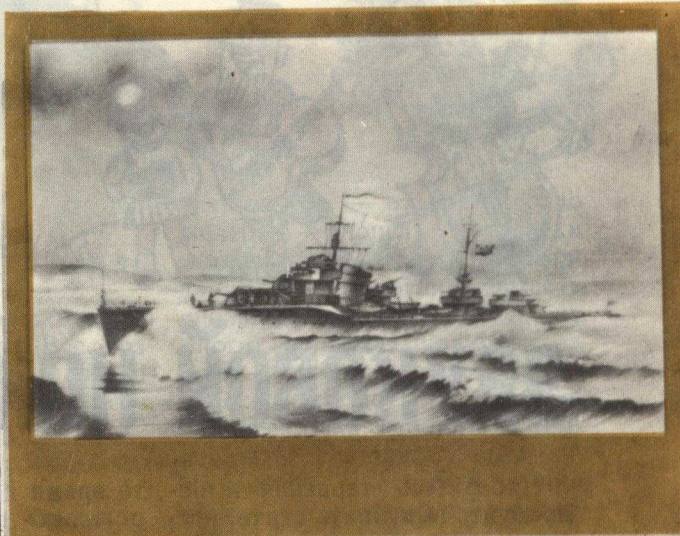
ОТВЕЧАЕТ КАПИТАН ДАЛЬНОГО ПЛАВАНИЯ
ПЕТР ПЕТРОВИЧ СТОФЕРТ:

«Уважаемые ребята! Упорство в поиске весьма похвально. Но должен вас огорчить: Земля Санникова — несуществующий остров в Северном Ледовитом океане...

Впервые об этой земле сообщил промышленник Яков Санников в 1811 году. Позднее ее нанес на карту полярный исследователь Эдуард Толль. Так что на очень старинных картах вы вполне могли бы найти землю, столь желанную для вас... Увы!.. Все позднейшие экспедиции на ледоколах и самолетах окончательно установили: Земли Санникова не существует!

По мнению исследователей, Земля Санникова — ледовый остров. Он был разрушен морем и исчез, как исчезли многие острова на севере, сложенные из ископаемого льда. Возможно, что за остров был принят огромный айсберг, какие встречаются в этом районе».

ВЫСТАВКА ПИНГВИНА

„ЭСМИНЕЦ“

Слава Крупна, 15 лет,

г. Каменск-Уральский Свердловской области

МОРЕ

Мчится на меня волна,
С белым гребешком она,
Бьет волна, грохочет,
Опрокинуть хочет.
Я ныряю под волну,
Я в волне не утону...
За волною, как букашки,
Лезут по морю барашки.
Гонит море их — пастух,
Так и щелкает вокруг
Голубым своим кнутом;
И соленым сапогом!

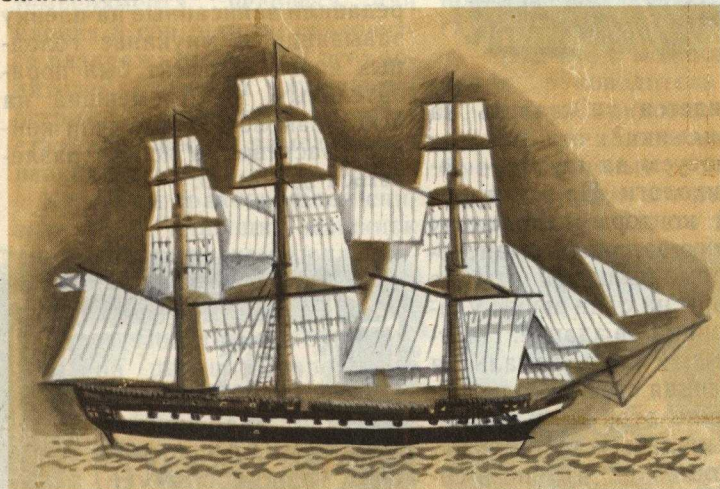
Андрей Дмитриев,
5 класс, Псков

ОКЕАНСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

Траулер «Ленинград», проходя Ла-Маншем, получил сигнал с гибнущего датского судна «Мерк Энтерпрайз». Ветер был ураганный. Однако капитан «Ленинграда» Геннадий Васильевич Беляев поспешил на помощь. Датские моряки плавали вокруг своего перевернувшегося кверху килем судна. В холодной воде они совсем обессилели и не могли двигаться. Советские матросы, обвязавшись канатами, бросились в волны и стали спасать погибавших. Спасенных доставили в английский порт Плимут.

ЗНАМЕНИТЫЕ ПАРУСНИКИ МИРА

Фрегат „Паллада“

«1 сентября 1832 года пополудни в 1 час фрегат со стапеля спущен на воду благополучно...»

Так докладывал начальству командир «Паллады», капитан-лейтенант Павел Степанович Нахимов, будущий адмирал и герой обороны Севастополя.

Построен был фрегат в Петербурге на Охтинской верфи. Вооружен пятьюдесятью двумя пушками.

Это был самый красивый и самый быстрый фрегат в мире.

В свежий ветер он легко делал двенадцать узлов и мог догнать любой корабль...

Когда «Паллада» заходила в иностранные порты, заграничные корабельщики тщательно, со всех сторон зарисовывали фрегат, чтобы потом сделать такой же. Но второй «Паллады» так нигде построить и не смогли.

В 1852 году «Паллада» вышла в кругосветное плавание. На борту ее находился знаменитый русский писатель Иван Александрович Гончаров. О «Палладе», о морях, о разных странах, где побывал фрегат, Гончаров написал книгу. Он так и назвал ее — «Фрегат „Паллада“».

Началась Крымская война. Она застала «Палладу» в Приморье. Фрегат был один, а в Японское море вошла целая английская эскадра многопушечных кораблей. На «Палладе» собрался совет. Решили: найти глубокий залив и затопить корабль... Провиант и пушки свезли на берег. Команда покинула фрегат. Последние из уходивших открыли в трюмах заборные краны — кингстоны. Дело было зимой. Фрегат накренился, повалился набок и, ломая мачтами лед, скрылся под водой...

ЗВУКОВОЙ НОКАУТ

В. ЧЕТКАРЕВ

Оформление А. Януса

Наберитесь терпения и попробуйте вызубрить стихи, когда в соседней комнате танцуют. Не выйдет? Но физиологи утверждают, что стихи, выученные в столь шумных условиях, запомнятся даже крепче. Это подтвердили эксперименты. Группа латвийских школьников, — повторявшая заданные уроки под аккомпанемент магнитофона, на другой день отвечала на «пятерку», тогда как любители тишины экзамен едва не провалили.

то время как пятьдесят «контрольных» показали свои зеленые ростки лишь на четвертый день! Опытные образцы и в дальнейшем обогнали в росте своих сородичей. Этот опыт с успехом повторили ученые Канады, выращивавшие под шумовой завесой озимую пшеницу. В Австралии «музыкальный вкус» обнаружили у бананов: больше всего им нравятся низкие голоса, особенно бас. Несусветный грохот по нраву репе. Это доказано в США.

Теперь об эксперименте советских медиков. Испытуемого помещали на ночь в комнату, куда не проникал ни один звук извне, а собственные шумы там глушились. Интересно, что человек так и не смог в такой обстановке уснуть. Почему? Ему необходимо было получать звуковую информацию. Заметим, что на этом же биологическом законе была основана средневековая китайская пытка — человек, изолированный от звуков внешнего мира, умирал.

— Да здравствуют кошачьи концерты! — сказали авиаторы. От слов они перешли к делу. В Таллинском аэропорту опробовали новый метод отпугивания птиц, которые мешали взлетавшим самолетам. Для этого передавали записанные на пленку завывание и мяуканье голодных кошек. Эффект был поразительным — гремевший на всю ивановскую кошачий концерт заставил в испуге разлететься всю стаю.

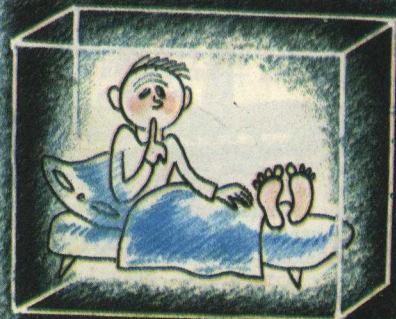
НО РАЗВЕ ШУМ— БЛАГО?

— Еще бы! — отвечают растениеводы. Московские исследователи провели интересный опыт. Сухие шелестящие луковичи они «облучали» звуковыми колебаниями. Потом их на две недели опустили в сосуды с водопроводной водой. Туда же поместили и контрольные луковичи, не подвергавшиеся звуковой атаке.

Результаты удивили всех: победили «музыкальные» луковичи! Они проросли уже на второй день пребывания в воде, в

Не придется ли ставить на полях динамики?

— Голосуем за шум! — говорят психологи. При постройке одной конторы неподалеку от крупного западногерманского аэродрома были приняты все меры, чтобы ни один звук с улицы не проникал в здание. Плотные закрытые окна, идеальная звукоизоляция стен, потолков — все служило этой цели. И что же? Посыпались жалобы. Служащие говорили, что не в состоянии вынести этого гнетущего безмолвия. Теперь специалисты заняты обратной задачей: разработкой «шумящей машины», которая вернет шум.

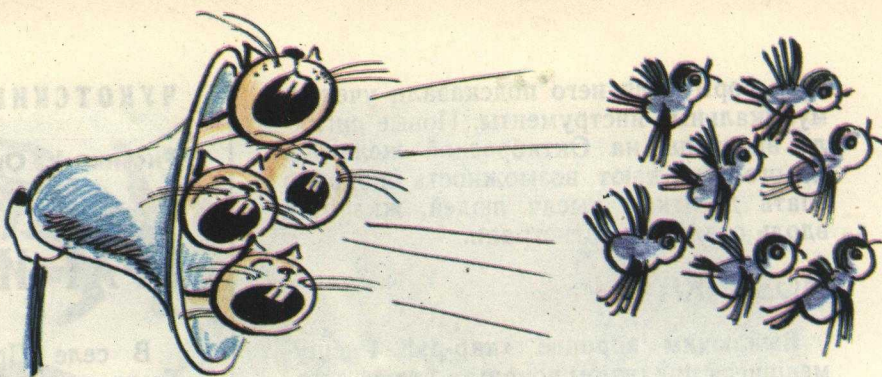

Впрочем, эксперимент не удался. Почему? Просто экспериментаторы забыли пустяковую мелочь. Какую? Напомним.

ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА КРИК, ЛЯЗГ, ВОЙ, СКРЕЖЕТ — ЭТО ЗЛО!

Треск одного мотоцикла, промчавшегося ночью по улице, может разбудить сразу все село. А в центре города от мотоциклетных очередей, как показала проверка, просыпаются не меньше десяти тысяч человек.

Мешает ли трактористу дви-

МОЖНО ЛИ ЗАКРАСИТЬ... ШУМ?

На этот вопрос положительно ответили специалисты Всесоюзного научно-исследовательского института технической эсте-

сти спектра — от красного до желтого — приглушают звуки низкого тембра. Наши рекомендации уже помогли повысить производительность труда на многих фабриках и заводах.

По-научному подобранные краски помогают сделать «прохладнее» цеха, где обычно температура слишком высокая. Наиболее стимулирующий цвет — это желтый, в то время как голубой и серый действуют успокаивающе, а красный в чрезмерном количестве может вывести из душевного равновесия.

СНАЙПЕР СТРЕЛЯЕТ ЗВУКОМ

Вы слышали, как переговариваются корабли или электровазы на сортировочных станциях? Они «беседуют» на языке гудков, сирен и свистков, но страдают от шума люди.

Сейчас учеными разработано необычное звуковое устройство. Это сирена, громкость которой даже выше, чем у обычной, но окружающим она не мешает. Этот свисток посылает звук непосредственно в цель. Чуть в стороне — в двух-трех метрах от оси движения звуковых волн — ее не слышно.

Звуковой «луч» для сигнализации получен впервые. Удач-

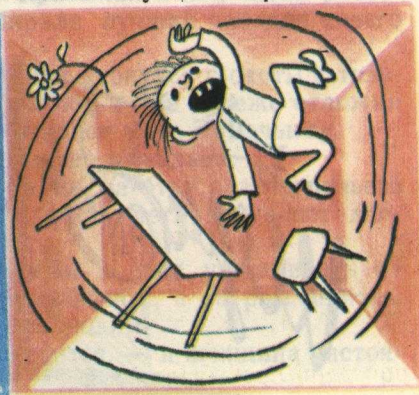
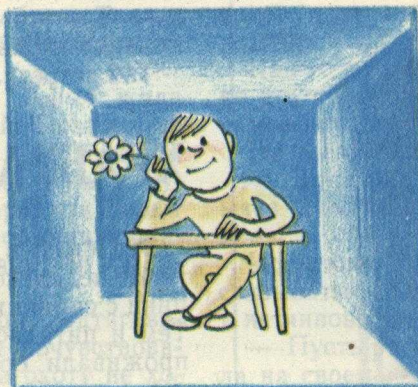
гатель? Еще как, — считают специалисты. В зависимости от темперамента человека или клонит в сон, или он становится раздражительным. У всех водителей от шума ухудшается острота зрения, теряется чувство равновесия, замедляются реакции.

Куда там трактор! Если снизить треск пишущих машинок только на треть, то каждая машинистка станет давать на десять процентов больше «продукции». Попутно она будет делать на двадцать процентов меньше ошибок.

Шум — наш враг. Он мешает сосредоточиться, когда мы решаем трудную задачу. В местах, откуда изгнана тишина, люди чаще болеют. Борьбе с шумом отдают свои силы сотни исследователей в нашей стране.

тики. Для окраски стен наиболее громких помещений они предложили особую цветовую гамму.

— Вместе с медиками, — говорит руководитель работы Р. А. Тер-Саркисов, — мы выяснили, что холодноватые голубые и зеленые тона «гасят» шум, снижают его раздражающее влияние. Цвета теплой ча-

ную форму для него подсказали ученым музыкальные инструменты. Новые сигналы внедрены на Октябрьской железной дороге. Они дают возможность спокойно спать десяткам тысяч людей, живущих вдоль стальной магистрали.

МОЗАИКА

Выключим воронье «кар-р»! Расшумевшиеся под окном вороны и галки, а может, и просто чирикающие воробьи, мешают вам готовить уроки. Как утихомирить проказников? Выключить их крики! Для этого нет надобности закрывать форточку. Просто в сторону источника шума особым прибором следует посылать звуковые волны той же частоты, что и шум, который мы хотим заглушить. Звуковые волны подобным образом уничтожаются.

Проект этот изучается учеными разных стран, в том числе и советскими. Но как должен выглядеть «особый прибор»? Над этим еще надо помозговать...

Скорая шумовая. Такой вид «скорой помощи» уже существует. Машины, оснащенные специальными приборами, сконструировали сотрудники Всесоюзного института научного приборостроения. С помощью этих автомобилей медики обследовали Москву, Ленинград, Ригу, многие другие города. Составлены подробные шумовые карты улиц. Они станут руководством для городских властей в борьбе за уличную тишину.

Шумозащитный дом. В нашей стране разрабатываются проекты домов, в которые шум вообще не будет проникать. Стены такого дома, выходящие на «громкую» улицу, толще остальных. Тут тройное остекление, а все стекла, как в автобусе, — на резиновых прокладках. Отделка комнат выполнена из звукопоглощающих материалов. Вообще весь дом расположен в звуковой «тени» — роль экрана перед окнами выполняют ряды магазинов, ателье, столовых.

По каучуковым рельсам. Московские ученые рассмотрели возможность ставить вагоны на рельсы из твердой резины. Двигаться будут трамваи от аккумуляторов.

ЧУКОТСКИЕ СКАЗКИ

Рисунки К. Овчинникова

БРАТ И СЕСТРА

В селе Прэкакай жила семья охотника. Была у них девочка, звали ее Вээн. Пошла она однажды на берег моря и села на камень. Вдруг слышит, кто-то ее зовет. Обернулась девочка на голос и увидела келе — чёрта.

— Чего тебе от меня нужно? — спросила она.

— Я позвал тебя, чтобы съест, — сказал он.

Не успела девочка опомниться, как стало вдруг темно. Оказывается, келе бросил ее в пещеру и привалил вход в нее огромным камнем. Вээн осталась одна и громко заплакала. Неизвестно, сколько бы она просидела в темноте, если бы не увидела на каменном полу солнечного зайчика, который будто дразнил ее и звал поиграть. Подбежала девочка к нему, хотела схватить, но не тут-то было. Солнечный зайчик заплясал весело и побежал в глубь пещеры. Вээн бросилась за ним вдогонку, и, когда уж хотела его схватить, задрожала земля и перед ней вырос каменный человек.

— Садись в мешок, я отнесу тебя домой, — услышала девочка его громкий голос.

«Человек не келе, — подумала она, — в обиду не даст». И сразу же залезла в мешок. Но просчиталась Вээн. Как только пришли они в дом каменного человека, хозяин стал угрожать ей, что проглотит ее в два счета. Не сдержалась Вээн и говорит ему:

— Ты же человек, как ты можешь уподобиться келе и есть людей.

Как только она произнесла эти слова, каменный человек превратился в молодого, статного, красивого юношу. Он взял храбрую девочку на руки и промолвил:

— Спасибо тебе за то, что сделала меня снова человеком. — И юноша рассказал, как злой келе превратил его в каменное чудовище.

— А где твой дом? — спросил он у девочки. Вээн позвала его на берег моря и показала стойбище, где жили ее родители.

— Так это и мой дом! — воскликнул обрадованно юноша.

Так встретились брат и сестра.

ХРАБРАЯ ТОРЫТ

Это было в Селильке, знаешь, место есть такое недалеко от Равыквына. Жили там охотники с семьями и промышляли морского зверя. Тем и питались. Вместе со всеми в стойбище проживали брат и двоюродная сестра. Брат

считался самым сильным и злым. Недаром люди стойбища называли его Эрмэчын — Сильнейший. Да и жил он не как все, богатым считался, содержал работников и ухаживали за ним три жены.

Зато его двоюродная сестра Торыт жила бедно, в семье было полно детей. Поэтому ее муж пропадал все дни на охоте и редко когда возвращался без добычи. Стоило только мужу отчалить от берега на байдаре, как Торыт подходила к перекладине, где обычно сушилась байдара, и старалась подтянуться на руках несколько раз.

И так изо дня в день женщина подтягивалась на руках, пока наконец не почувствовала себя сильной. А Эрмэчын на охоту не хо-

дил, и стоило только вернуться охотникам с добычей, как он присылал к ним своих работников и те отбирали лучший пай для своего хозяина.

Как-то муж Торыт вернулся с охоты с только что добытой нерпой и при дележе отложил самое вкусное и жирное мясо Эрмэчыну.

Не удержалась жена и сказала:

— Давай не дадим на этот раз нерпичьего мяса Эрмэчыну, пусть дети покушают вдоволь.

Испугался ее муж и стал уговаривать не связываться с Эрмэчыном, а то рассердится, и не миновать беды людям.

— Пусть рассердится, — и женщина настояла на своем.

Услышал Эрмэчын, что муж Торыт вернулся с добычей, и посылает к ним своих работников:

— Идите отнимите у них самые лучшие, самые жирные куски мяса.

Побежали работники в ярангу двоюродной сестры, но вскоре пришли с пустыми руками и доложили хозяину, что Торыт сошла с ума и сказала:

— Пусть что хочет делает Эрмэчын, но мяса больше не получит ни кусочка, лучше детей вдоволь накормлю, а ему не дам.

— Ах, так, — взревел Эрмэчын, — не хочет отдать по-хорошему, отберу силой.

И поспешил к яранге своей двоюродной сестры. Смотрит, а Торыт разделявает последние кусочки мяса на берегу моря под скалой. Не успел Эрмэчын спуститься на берег моря, как его заметила двоюродная сестра:

— Ах, ты уже пришел, — сказала она ему, — сейчас вытру руки и помогу тебе спуститься. Давай сюда руку.

Не успел хозяин стойбища подать ей руку, как вдруг закричал по-сумасшедшему. Это женщина так сдвинула ему руку, что он не выдержал и стал ее дергать, пока не сломал, но Торыт крепко держала Эрмэчына.

— Отпусти меня, я больше у тебя не возьму мяса, — взмолился Эрмэчын. — Только не говори никому, что сломала мне руку.

— Ладно, иди, — сжалилась женщина и засмеялась. Эрмэчын спрятал за пазуху сломанную руку и поспешил в свою ярангу. Но по-прежнему продолжал отбирать добычу у других охотников стойбища.

Через некоторое время был в стойбище большой праздник. Жители села состязались, кто выше всех прыгнет на лахтачье шкуре и не упадет. Прыгали самые смелые и ловкие. Победителю был обещан большой приз — собачья упряжка. Среди смельчаков-прыгунов оказалась Торыт.

Как только пришла ее очередь прыгать, она забралась на лахтачью шкуру и велела подбросить ее выше всех. Высоко взлетела она вверх и закричала из всех сил:

— Э-э-эй, люди! Не бойтесь Эрмэчына, он слабосильный. Хотя я женщина, но сильнее его. Это я сломала ему руку!

Услыхал Эрмэчын, как срамит его женщина при всем народе, со стыда убежал домой. А Торыт продолжала прыгать на лахтачье шкуре, пока не победила всех прыгунов.

Приз, конечно, достался ей.

Узнали жители стойбища, что Эрмэчын слабее даже женщины, и возликовали вдвойне. Праздник продолжался много дней, и такого веселья давно не видели на побережье.

Записал и пересказал
И. ПОЛОМОШНОВ

ГТО В РИМЕ

РАССКАЗ
СПОРТИВНОГО
ЖУРНАЛИСТА

Впечатление было такое, словно началось извержение вулкана, и вот-вот с вершины холма, соседствующего с олимпийским стадионом, повалит дым вперемешку с пеплом. Но Николо Фаватти тысячеустый рев «тиффози» (так в Италии называют спортивных болельщиков) не удивил и тем более не испугал. В неполные 11 лет мальчугану доводилось слышать и нечто посильнее, когда на этом же стадионе итальянские футболисты забивали гол в ворота соперников.

В руках Николо в этот момент была солидная кипа разноцветных, еще не розданных протоколов — стартовых, итоговых и иных. О них парнишка забыл тут же (узнал бы шеф пресс-центра!) и, замерев, впился глазами в беговую дорожку.

— Мен-неа! Мен-неа! — ревели трибуны.

«Мен-неа» — едва успел пошевелить губами Николо, как все было кончено. Ведь мелькнуло с момента старта всего-то десять с небольшим секунд. С центральной части ложи прессы, где финальный забег, «стометровки» застал Николо, невозможно было определить, кто выиграл: Пьетро Меннеа или Борзов.

«Наверное, этот русский победил...» Иначе (и это тоже знал Фаватти точно!) не стало бы вдруг так тихо. Не совсем, конечно, тихо, но буря на «Стадио Олимпико» уже не бушевала.

...Он пулей сорвался с места и, наверстывая упущенное, стал раскладывать протоколы перед журналистами, слыша вдогонку: «Грация, Николо!» — «Спасибо!». И, как всегда, первым примчался налегке в пресс-центр за очередной порцией протоколов.

Курьером при пресс-центре чемпионата мог стать не каждый желающий, а только тот, кто готовился стать бегуном, прыгуном или метателем. И тоже — не каждый, а лучшие из лучших.

Николо Фаватти — именно из них, самых способных. Живет он, правда, не в столице, а в небольшом городе под названием Пиза. В Рим приехал на каникулы, погостить у бабушки. Но и здесь времени зря не терял, а каждый день приходил на тренировки юных легкоатлетов. Стоило это немалых денег, но и родители Николо, и бабушка очень уж хотели видеть младшего Фаватти с чемпионской медалью на груди. Чтобы стадион встречал его с таким же восторженным ликованием, как Меннеа или Фьясконаро, мирового рекордсмена в беге на 800 метров.

Николо старался на тренировках изо всех сил. Он уже

твердо решил, что станет спринтером. Много читал о том, как готовится к стартам Пьетро Меннеа. Но этот русский, Борзов, победил Меннеа! Вот бы поговорить с ним хоть пару минут...

В предпоследний день чемпионата, 7 сентября, дел оказалось намного больше, чем в предыдущие. Финал следовал за финалом, и курьеры метеорами носились по огромной ложе прессы (вернее — трибуне), разнося свежие протоколы тысяче журналистов. Николо едва удавалось выкраивать минуту-другую, чтобы не упустить самого интересного на дорожке и секторах. Только что прогремел выстрел стартового пистолета, Николо повернул голову в сторону арены, как вдруг увидел Валерия Борзова. Нет, не на беговой дорожке, а рядом с собой, в двух шагах. Русский бегун, как и все на стадионе, внимательно следил за финалом. Рядом с ним сидела смуглая девушка — переводчица.

Такого момента упустить он, конечно, не мог. И, смущенно улыбаясь, попросил у соседки Борзова перевести всего-то один вопрос.

— Давай, Николо, не стесняйся, — засмеялась та.

Слова эти Николо много раз произносил про себя, поэтому не раздумывая выпалил:

— Хотелось бы знать, как сеньор тренируется.

— И только?.. — расхохота-

лась собеседница юного курьера.

Но вопрос перевела тотчас же. Теперь уже развеселился олимпийский чемпион. Но лишь на какое-то мгновение. Сразу погасил он улыбку, и Николо услышал слова, которые тут же переводила тоже посерьезневшая девушка:

— Очень много, Николо, тренируюсь. Порой даже надоест и хочется бежать куда-нибудь подальше от стадиона. Но я пересиливаю себя и снова, много, много раз повторяю задание тренера. Если ты чувствуешь, что сможешь в трудную минуту пересилить себя, — значит, пробежишь сто метров быстро, может быть, даже быстрее 10 секунд. Данные у тебя, по-моему, отличные. Запомни: упорство, настойчивость — самое главное. А как тренироваться? Вот, возьми это! — и чемпион протянул мальчику брошюру в яркой обложке.

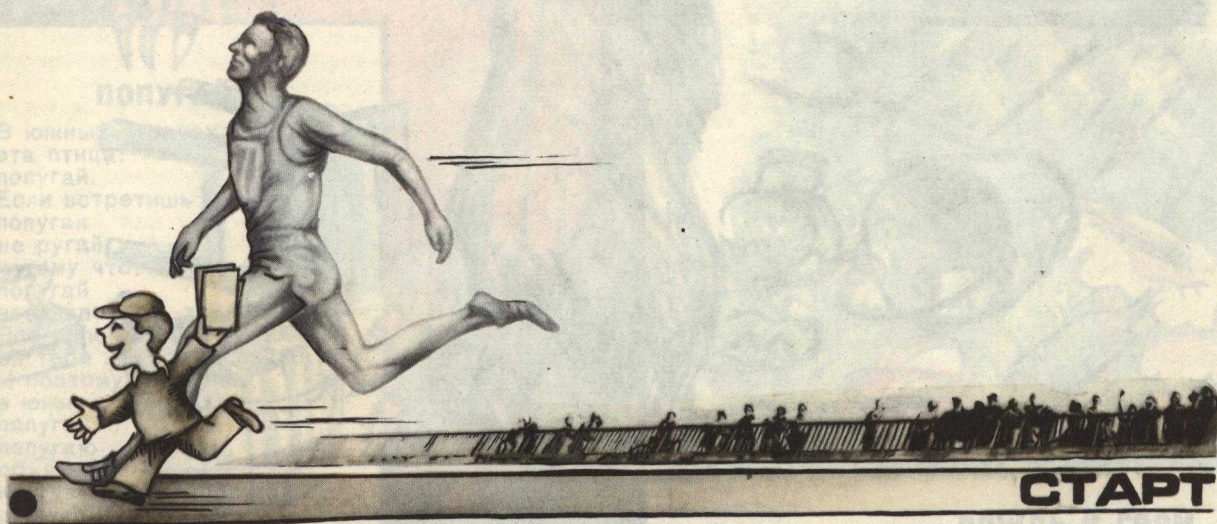
В брошюре было мало текста и много картинок и цифр, таких знакомых Николо по протоколам соревнований...

Спустя полчаса Николо Фаватти и его закадычный друг Луиджи Лескони выбежали на тартановую дорожку. Девушка-переводчица помахала им рукой. И вместо привычного римского «чао!» услышала в ответ:

— Ге-те-о!

М. ИСАЕВ

Рисунки Б. Петрушанского

МЕДВЕЖОНОК

РАССКАЗ

Александр МИЛЛЕР

На базу подводных лодок привезли маленького медвежонка. Неуклюжий и косолапый, он разгуливал по верхней палубе и знакомился с корабельной обстановкой. А познакомившись, утащил у кока с камбуза большой кусок мяса и спрятал под диван в кают-компании.

Мишку решили оставить на базе. Кормили его супом, кашей и компотом. С матросами медвежонок быстро подружился и играл с ними, а когда подрос, полюбил бороться. Очень бывал медвежонок доволен, когда побеждал

противника. Но когда оказывался побежденным, злился и ревел — да еще норовил ударить лапой.

Мишку все любили. Однако медвежонок рос, набирался сил и, наконец, принялся безобразничать...

То все стулья перевернет в кают-компании. То заберется в чью-нибудь каюту и такой тарарам устроит — неделю порядок надо наводить. А раз удрал с базы на берег и у портового сторожа всех кур передувшил.

Мишке все прощали...

Но раз пролез он в каюту командира подводной лодки... Долго там хозяйничал. Когда командир вошел в каюту, то увидел, что разбитая лампа валяется на полу, а разорванные важные бумаги всюду раскиданы да еще политы чернилами...

— Хватит! — сказал командир, позвав боцмана. — Убирайте медведя с корабля... Чтобы я его больше не видел!

Скучно стало без медвежонка.

Но через неделю почтальон принес письмо от директора зоопарка. Директор писал:

«Дорогие моряки!

Переданный вами в наш зоопарк зверь страшно скучает и ревет. По этой причине прошу посылать на свидание с мишкой матросов, которые ему хорошо знакомы...»

В письме был постоянный пропуск в зоопарк.

На следующий же день несколько матросов было отпущено в увольнение. К мишке в гости! Уж как им медвежонок был рад, и описать трудно. А в увольнительных командир писал:

«В зоопарк. К медведю в гости...»

Рисунок А. Орлова

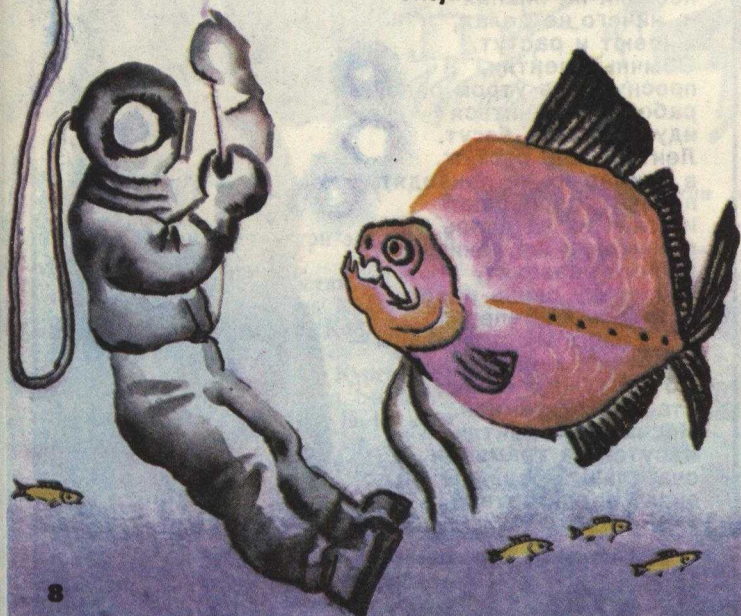

НА ДНЕ МОРСКОМ

Спустился водолаз в морскую тьму,
И повстречалось чудище ему—
Страшилище, которого ни разу
Не приходилось видеть водолазу!

Уставился на зверя водолаз!
И тот с прищельца не спускает глаз:
Откуда, мол, чудовище такое
Пожаловало к нам на дно морское?..

Александр ШИБАЕВ
Рисунок Т. Соловьевой

ПЕТУХ

Свет последних звезд потух,
День приветствует петух.

Он взлетает на плетень:
„Здравствуй, новый, светлый день!“

Как тут скажешь: „Погоди!“?
Раз поет он—выходи!

Разбудил он весь колхоз—
Спать не время—сенокос!

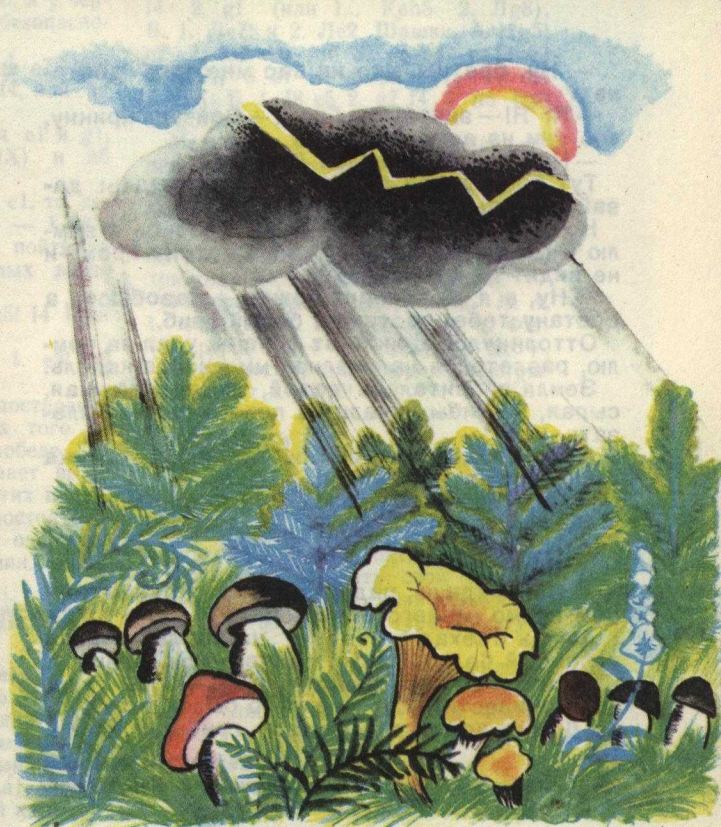
Сергей СКАЧЕНКОВ
Рисунок Т. Соловьевой

ПОПУГАЙ

В южных странах обитает
эта птица:
попугай.
Если встретишь попугая,
попугая
не ругай,
потому что
попугай
все запомнит, так и знай.
Все запомнит он, и даже
он тебе же то же скажет.
И поэтому, встречая
в южных странах
попугая,
попугая
объясняй,
как ты любишь попугая,
обожаешь попугая,
уважаешь попугая,—
все запомнит
попугай!

Николай ГОЛЬ
4 Рисунок И. Шерешевской

ДОЖДЬ И ГРОМ

На облаке, свесив ноги, сидели братья
Дождь и Гром. Подлетает к ним сестрица
Молния и говорит:

2

— Ну, братцы, кто из вас мне гриб достанет?

— Я! Я! — закричал Гром. — Сейчас крикну, все они из земли вылезут.

— Ну-ну, — усмехнулся Дождь.

Тут Гром давай греметь — грибы звать: давай-ка вылезайте-ка!

Но грибы только глубже зарывались в землю и прикрывались листвой. Смотрит Гром — не видит ни одного.

— Ну, а я, — говорит Дождь, — разобьюсь, а достану тебе, сестрица, белый гриб.

Оттолкнулся Дождь от облака, упал на землю, разлетелся на миллион миллионов капель.

Земля пропиталась водой, стала влажная, сырая, и грибы начали на поверхность вылезать.

Дождь подскочил, сел на краешек облака и спрашивает у Молнии:

— Ну, какой тебе гриб? Вон их сколько!

Молния говорит:

— А вон тот.

— Какой?

— Вон, видишь, радуга повисла и одним концом прямо на него показывает.

Дождь съехал по радуге на землю, сорвал огромный белый гриб и принес его Молнии.

Гром громыхнул, кинулся вниз, чтобы тоже гриб принести, — да не тут-то было: дети после Дождя пошли в лес и все грибы собрали.

Сергей НИКОЛАЕВ
Рисунок Т. Капустиной

6

ЛЕНИВЦЫ

Гигантские ленивцы повисли на лианах и, ничего не делая, жиреют и растут. Обычные лентяи, проснувшись утром рано, работать и учиться идут, спешат, бегут. Ленивые все ругают, в пример их не приводят, песочат, пробирают и гонят их за дверь, гигантских же ленивцев ученые разводят, поскольку очень мало осталось их теперь. Весь день висят ленивцы — работают лентяи. Но наступает вечер, становится темней... Несчастные лентяи несутся за трамваем, счастливые ленивцы висят среди ветвей.

Николай ГОЛЬ
Рисунок И. Шерешевской

7

НОВАЯ КУРИЦА РЯБА

По Невскому проспекту шла курица Ряба. В авоське у нее лежало золотое яичко.

— У, Ряба-жаба! — сказал какой-то мальчик. Очень красивый и румяный оттого, что пил по утрам морковный сок.

И он зафутболил ногой по яичку.

— А-а-а-ай! — закричал мальчик и запрыгал на одной ноге. Он больно ушибся о твердое золотое яйцо.

Курица Ряба, конечно, могла клюнуть мальчика. И даже стукнуть его по лбу золотым яичком, чтобы набить шишку. Но ничего такого она не сделала.

Курица Ряба мчалась очень быстро, потому что спешила по срочному делу.

Она взбежала прямо на пятый этаж и позвонила. Ей открыла Марья Петровна, старая старушка.

Курица Ряба вынула из сумки простое яичко.

— Здравствуйте, старая старушка Марья Петровна! — сказала Ряба. — Вот вам яичко.

— Здравствуйте и спасибо, дорогая Ряба! — сказала Марья Петровна. — А теперь идемте завтракать.

И Марья Петровна съела на завтрак яичко, которое ей принесла курица Ряба, а курица Ряба съела бутерброд с просом.

Курица Ряба носила Марье Петровне по яичку каждое утро. Золотое она носила для отвода глаз, чтобы не разбили простое.

Александр ЛИСНЯК
Рисунок Г. Ясинского

3

ТУРНИР-75!

Итак, восьмой тур: три задачи, по пять очков за каждую.

Вот задание шахматистам.

А. (П. Керес). Белые: Kpс1, Ch6; черные: Kpa1, Лb7, Се6, Kd8, пп. а2, b6, с2, f5. Мат в 4 хода.

Б. (А. Максимовских, Курганская обл.). Белые: Kpa1, Лf8, пп. b4, f5, h6; черные: Kph8, Cg8, пп. а6, f6, h7. Мат в 8 ходов.

В. Белые: Kрс7, п. h6; черные: Kpg2, п. h7. Выигрыш.

Задание шашкистам — две концовки и этюд.

А. (В. Дерябин, Ленинград). Белые: а5, b4, с3, с5, е1, g1; черные: с7, d2, е5, е7, g3, g5. Выигрыш.

Б. (В. Дерябин). Белые: b2, с1, с3, d2, е1, f2, h6; черные: а3, а5, d4, е5, е7, f4, g5, h4, h8. Выигрыш.

В. (Н. Кукуев). Белые: Д. b6, пр. h4, h6; черные: пр. с3, d6, е7, f8. Выигрыш.

Каждый рыцарь, отправив рапорт № 8, должен через три дня послать (не в письме, а на открытке) свой «Листок учета». В нем нужно проставить очки за туры 1—6 (по данным из Бюро самопроверки) и за туры 7, 8 (по собственным предположениям), а также указать класс и спортивный разряд, свой адрес и почтовый индекс. Все это должно быть написано четко и аккуратно.

Шахмат-адмирал Ферзьбери, получив «Листок учета», вышлет новый пароль (без которого рапорты по следующему туру — финальному — рассматриваться не будут), анкету (которую нужно сразу заполнить и отправить) и чистый конверт (который нужно сохранить до финального тура).

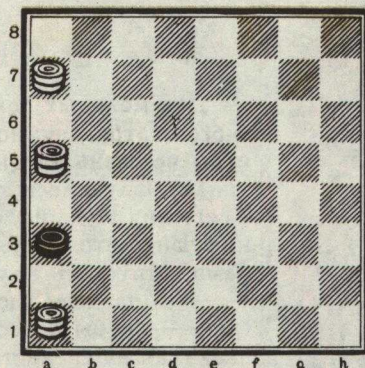
ТРЕБУЕТСЯ

СКОРАЯ ПОМОЩЬ!

«Я часто играю в шашки, но когда в моих партиях получается, что у меня три дамки, а у противника дамка и простая, я не могу выиграть. А говорят, что тут выигрыш. Покажите!» — пишет рыцарь Дима Куранов.

Да, выиграть можно. Сначала надо загнать простую на борт. А затем

занять дамками три остальные поля того же борта.

Вот пример с простой на а3. Белые уже заняли боевую позицию, и у черной дамки нет ни одного безопасного поля:

а) если она на d6, или на е7, или на f8, то 1. с5X, а если на f4, или на g3, или на g5, то 1. b4X,

б) гибельны для нее поля е1 и g1, а также h4 (из-за 1. f2!X) и h6 (из-за 1. g7!X),

в) если она на d8 или на с1, то делается выжидательный ход — 1. h8 и черной дамке приходится пойти на одно из уже рассмотренных выше полей,

г) если она на b8, то 1. с5! f4 (или а7 2. а5—с3X) 2. е5X,

д) если она на h2, то 1. е3! b8 2. с5! и т. д. X.

Итак, при простой на а3 построение белых дамк на трех полях того же борта привело к быстрой победе. Такая расстановка обеспечивает выигрыш и при простой на других полях. Убедись, Дима, в этом самостоятельно, и ты всегда сумеешь одержать победу в подобном окончании.

ОРУЖЕНОСЦЫ, ШАГ ВПЕРЕД!

Внимание: боевое задание!

Три славных архебековца — Знай, Незнай и Полузнай — гуляли в парке и набрали на шахматный столик, на котором стояли — белый король на d2, черный король на а1, черная пешка на а2. И еще черный конь сто-

ял, но непонятно где — то ли на g7, то ли на g8, то ли на h7, то ли на h8. Игроков за столиком не было...

— Понятно, почему игроки нет: белые сдались, — сказал (кто?)

— А вот и нет! Игроки на ничью согласились, — сказал (кто?)

— Ничего тут не известно! Все зависит от того, где конь стоял, — сказал (кто?)

Что же сказал Знай? И почему неправы были Незнай и Полузнай? В приведенном положении ход белых.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

«Костер» № 5. Игравшим в этюде А 1. Лf2 (или 1. Ле2) очки начислялись.

Задачи в «Костре» № 6.

Турнир-75! Шахматы — А. 1. Kph3! f4 2. gf (или 1... Kph5 2. Jlg8). Б. 1. Ле7! и 2. Ле2. Шашки. А. 1. g5! с7 2. h6! b6 (d6 3. е7 b4 4. f8 с3 5. b4!X) 3. а7 b4 4. b8 с3 5. f4! b2 6. е5X. Б. 1. f8 е5 2. g7 f4 3. h6 hg3 4. g5!X.

Медведь и Заяц. Ясно, что Заяц сидел у дальнего края диаграммы и вел белые пешки вниз (иначе вышло бы, что его пешки еще не двигались, а тогда как же его король очутился бы посередине доски?). Мат дается в три хода — 1. d1K! Kрс4 2. b1Ф.

Уголок заядлых спорщиков. № 1. 1. Фа3! № 2. 1. Фg3! № 3. 1. Фf4! (с угрозой Kс6+ и Ф:е5X) ef 2. Kс6+.

Оруженосцы, шаг вперед! Выигрывает ответ 4... Ке3!

ПРИКАЗ № 8

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕК-КОМ, приказываю:

§ 1. Рыцарям и оруженосцам отослать рапорты до 1 октября.

§ 2. Затем выслать свой «Листок учета» и ждать от меня новый пароль для финального тура, анкету и конверт.

§ 3. Получив анкету, немедленно заполнить ее и отправить мне.

§ 4. Полученный от меня чистый конверт сохранить. Пояснения будут в «Костре» № 9.

Шахмат-адмирал Ферзьбери
Рисунки Г. Ясинского

Оформление А. Януса

ГОРЯЧИЙ БАХ

Великий немецкий композитор Иоганн-Себастиан Бах, сочинивший за свою долгую жизнь бесчисленное количество разнообразных музыкальных пьес, с улыбкой вспоминал о своем отце, скромном церковном органисте.

Всю жизнь во время утренней службы старик играл прихожанам одну и ту же фугу. Изредка, в праздничные дни, он прибавлял к той же фуге форшлаг (небольшое мелодическое украшение из нескольких нот). В таких случаях его постоянные слушатели, столь же степенные бюргеры, как и их органист, поднимая указательный палец к небу, говорили:

— О! Сегодня наш Бах разгорячился!

АПЛОДИСМЕНТЫ

Два молодых повесы сидели в партере Александринского театра, шумно выражая свой восторг по поводу игры не очень талантливой, но хорошо им знакомой актрисы. Случилось так, что их соседом был Александр Сергеевич Пушкин, отнюдь не разделявший их восхищения. Видя это, юнцы стали указывать на Пушкина пальцами, отпущать колкости в его адрес.

— Молодые люди, — сказал Александр Сергеевич, — я бы отвесил вам по оплеухе, да боюсь, ваша знакомая на сцене подумает, что я ей аплодирую.

«Театралы» поспешили удрать...

СОДЕРЖАНИЕ

Салют, победа! оформление И. Латинского	1	Поход „Курс—Победа“ Рассказы о Петьке Алексея Леонова рисунки А. Слепкова	28	Звуковой нокаут очерк В. Четкарева оформление А. Януса	54
Окно пятилетки фото Б. Червякова	2	Два танкиста и летчик фотоочерк М. Глинки	31	Чукотские сказки рисунки К. Овчинникова	56
Юнга ЧК повесть А. Варшавера рисунки Ю. Шабанова	3	Что такое уметь? беседа В. Суслова рисунки А. Ежелина	44	ГТО в Риме рассказывает М. Исаев оформление Б. Петрушанского	58
Барaban журнал юнкорov	16	Конец трех историй очерк Т. Викторова рисунки Е. Галеркиной	46	Медвежонок рассказ А. Миллера	60
Седьмая проверка очерк В. Шурлыгина рисунки В. Цикоты	20	Зеленые страницы	48	Уголек журнал для малышей	61
Киноклуб оформление Т. Соловьевой	24	Морская газета	50	Арчебек шахматы, шашки	63
			52	На обложке рисунок Ю. Клыкова	

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия: Г. В. БАЛУЕВ, В. М. ВОСКОБОЙНИКОВ, Т. В. ЗАХАРОВА, Л. С. КОКОРИНА (отв. секретарь), А. И. ПАНТЕЛЕЕВ, Л. Н. ПОЖИДАЕВА, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, В. В. ТОРОПЫГИН, Н. А. ХОДЗА, Г. М. ЧЕРНЯКОВА, Ю. А. ЮРКАН (зам. редактора)

Художник-редактор М. С. БЕЛОМЛИНСКИЙ
Технический редактор В. И. МЕЦАТУНОВА
Корректор В. А. МАЕВСКАЯ

Адрес редакции: 193015, Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон 14-57-76. Рукописи и фотографии не возвращаются.

М-22253. Сдано в набор 5/V 1975 г. Подписано к печати 7/VII 1975 г. Формат 60×90¹⁶. Печ. л. 8+обл. Уч.-изд. л. 8,8. Тираж 560 000 экз. Заказ 653. Цена 25 коп.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 197101, Ленинград, Кронверкская ул., 7.

ФЕЛЬЕТОН

— Ребята, у нас — событие! — заявил вожатый. — Дима Леденцов получил пятерку. За контрольную по физике. Первую в своей жизни пятерку. Это — трудовой подвиг, ребята. Поприветствуем Диму!

Пионеры дружно захлопали.

— Теперь так... Сбор надо провести на тему «Моя первая пятерка». Леденцов, значит, основной докладчик. Еще подберем ребят, чтобы выступили с воспоминаниями, как они получали свои первые пятерки.

— Может, не надо сбора, а? — смутился Дима.

— Ты что? Смазать хочешь положительное явление, пустить на самотек? Не выйдет... Оля, ты заметку напишешь в стенгазету о Леденцове, о его усилиях. Как ему друзья помогали. Вот Сережа Касаткин, кажется, его подтягивал... Так. Кто у нас из фотокружка? Соколовский! Сделаешь портрет нашего пятерочника. А сбор будем транслировать по радио!

— По радио?! — совсем испугался Леденцов.

— А ты как думал? Может, и телевидение заинтересуется.

Сбор на тему «Моя первая пятерка» прошел успешно. Выступал Дима, выступали другие пионеры. Сам вожатый вспомнил, как он получил первую в своей жизни пятерку. По физкультуре.

— Ну, вот, видишь, как все хорошо вышло. А ты еще стеснялся. Да и сейчас совсем не веселый. Что с тобой, Леденцов?

— Мне товарища жалко. Сережу. Он по этой контрольной четверку получил.

Вожатый улыбнулся:

— Четверка тоже хорошая отметка. Можешь не беспокоиться.

— Как же не беспокоиться, — вздохнул Дима Леденцов. — Я же эту контрольную у него списал!

Рисунок Г. Ясинского